Обзор Судебной практики Верховного Суда РФ N 3 (2020)
(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2020 г.)

Президиум Верховного Суда Российской Федерации

1. Действия осужденных обоснованно квалифицированы по п. "д" ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку убийство совершено способом, связанным с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений в течение продолжительного времени, в том числе с применением ножа и других предметов).

Установлено, что в течение дня Ч., К., Н. и Б. распивали спиртные напитки в доме, принадлежащем Б. Между Ч. и потерпевшим Б. произошла ссора, в ходе которой Ч. нанес кулаком не менее трех ударов по лицу Б. Понимая, что может не справиться с потерпевшим, Ч. позвал на помощь А. и К., которые присоединились к Ч. и с целью убийства стали наносить Б. множественные удары руками и ногами по различным частям тела, в том числе по голове и грудной клетке. Игнорируя просьбы потерпевшего прекратить избиение, А. и К. продолжали наносить удары, при этом каждый из них нанес Б. не менее двух ударов шваброй по голове. После этого К. деревянным стулом нанес Б. удар по голове, от чего стул сломался. Тогда К., взяв от разбитого стула ножку, нанес ею не менее трех ударов по голове потерпевшего, а затем нанес Б. удар по голове гитарой. Продолжая избиение, А. и К. каждый пустой стеклянной бутылкой нанесли по одному удару по голове потерпевшего. В то же время Ч. кухонным ножом нанес Б. несколько ударов в шею, голову и предплечье левой руки, причинив ему тем самым телесные повреждения.

Совместными, не менее чем 113 травмирующими действиями, осужденные причинили Б. телесные повреждения, повлекшие его смерть.

Указанные действия осужденных А. и К. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) квалифицированы судом по пп. "д", "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное группой лиц, с особой жестокостью.

По этому же приговору осужден также Ч. по пп. "д", "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Осужденные А. и К. в надзорных жалобах просили о пересмотре судебных решений. По факту убийства потерпевшего Б. осужденные оспаривали правильность квалификации их действий, указывая, что сама по себе множественность телесных повреждений, причиненных потерпевшему, не свидетельствует о совершении убийства с особой жестокостью.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил приговор в части квалификации действий осужденных без изменения, указав следующее.

Как установлено, осужденные, действуя совместно и согласованно, с целью лишения жизни избивали потерпевшего в течение продолжительного

времени, нанесли множественные (не менее 113) удары по различным частям тела руками, ногами, ножом, другими предметами, причинив многочисленные телесные повреждения, при этом потерпевший испытывал особые страдания и мучения.

Таким образом, правовая оценка действий осужденных А. и К. по пп. "д", "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ является правильной.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации N 6-П20

2. Неснятая и непогашенная судимость за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего у лица, осужденного по ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ, учитывается при назначении вида исправительного учреждения.

По приговору суда от 18 ноября 2015 г. М. (ранее судимый 18 мая 1998 г. по п. "в" ч. 3 ст. 131 УК РФ к 10 годам лишения свободы) осужден по ч. 5 ст. 131 УК РФ к 19 годам лишения свободы, по ч. 5 ст. 132 УК РФ к 15 годам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений М. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 23 года с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2019 г. приговор оставлен без изменения.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в надзорном представлении просил об отмене судебных решений в части назначения М. вида исправительного учреждения, поскольку в действиях осужденного имеется особо опасный рецидив преступлений, в связи с чем он должен отбывать наказание в исправительной колонии особого, а не строгого режима.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 17 июня 2020 г. удовлетворил надзорное представление по следующим основаниям.

Из материалов уголовного дела усматривается, что М. был осужден по приговору суда от 18 мая 1998 г. по п. "в" ч. 3 ст. 131 УК РФ за преступление, относящееся к категории особо тяжких.

Согласно п. "д" ч. 3 ст. 86 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г.), судимость в отношении лиц, осужденных за особо тяжкое преступление, погашается по истечении 8 лет после отбытия наказания.

На момент совершения изнасилования и иных насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшей в сентябре 2014 года судимость М. не была погашена в установленном законом порядке.

В соответствии с п. "б" ч. 3 ст. 18 УК РФ в действиях осужденного имеется особо опасный рецидив преступлений. В связи с этим на основании п. "г" ч. 1 ст. 58 УК РФ М. должен отбывать наказание в исправительной колонии особого режима. Однако суд, вопреки указанным требованиям закона, направил его для отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительную колонию строгого режима.

Допущенное нарушение уголовного закона признано существенным, повлиявшим на исход дела и искажающим саму суть правосудия, поскольку необоснованно повлекло назначение осужденному вида исправительной колонии с менее строгим режимом.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил приговор, апелляционное определение в части назначения

М. вида исправительного учреждения и дело в этой части передал на новое судебное рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 396 и 399 УПК РФ.

Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации N 24-П20ПР

3. В силу требований ч. 1 ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона положения ч. 11 ст. 63 УК РФ не могли быть применены судом при назначении осужденному наказания за преступление, совершенное до введения в действие указанной нормы.

По приговору суда от 11 июля 2018 г. (оставленному судом апелляционной инстанции без изменения) С. осужден по п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ к 19 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев с установлением в соответствии со ст. 53 УК РФ ограничений.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в надзорном представлении ставил вопрос об исключении из приговора указания о признании совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения отягчающим наказание обстоятельством, поскольку ч. 1.1 ст. 63 УК РФ введена в действие после совершения осужденным преступления, что в силу ст. 10 УК РФ ухудшило положение осужденного.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения по следующим основаниям.

Из материалов уголовного дела усматривается, что при назначении наказания суд в соответствии со ст. 60 УК РФ учел характер и степень общественной опасности преступления, данные о личности виновного, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного.

В то же время обстоятельством, отягчающим наказание осужденного, суд на основании ч. 1.1 ст. 63 УК РФ признал совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя.

Однако указанная норма, согласно которой суд при назначении наказания в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, введена в действие Федеральным законом от 21 октября 2013 г. N 270-ФЗ.

С учетом того, что преступление, за которое осужден С., было совершено 10 декабря 2011 г., то есть до принятия указанного закона, признание данного обстоятельства отягчающим наказание осужденного ухудшило его положение.

Ввиду изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор, апелляционное определение и исключил указание о признании обстоятельством, отягчающим наказание, совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя.

При этом Президиум смягчил осужденному наказание, назначенное по п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ, до 18 лет 9 месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев с установлением в соответствии со ст. 53 УК РФ ограничений.

Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации N 29-П20ПР

4. Пропущенный стороной срок подачи замечаний на протокол судебного

заседания не может быть восстановлен председательствующим, если ходатайство об этом подано после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции либо после вступления приговора в законную силу.

13 марта 2017 г. Московский областной суд постановил приговор в отношении З., Б. и С., которые осуждены по ч. 2 ст. 209 УК РФ, по пп. "а", "б", "ж", "з" ч.2 ст. 105 УК РФ и другим статьям УК РФ.

Приговор вступил в законную силу 6 октября 2017 г. после рассмотрения дела судом апелляционной инстанции.

24 октября 2018 г., то есть после вступления приговора в законную силу, представителем потерпевших адвокатом М. в суд первой инстанции были принесены замечания на протокол судебного заседания и одновременно подано ходатайство о восстановлении срока на подачу замечаний.

Постановлением судьи Московского областного суда от 12 ноября 2018 г. указанное ходатайство удовлетворено в полном объеме.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного З., отменил постановление о восстановлении срока на подачу замечаний на протокол судебного заседания и об их удовлетворении по следующим основаниям.

Исходя из положений чч. 6 и 7 ст. 259 УПК РФ протокол судебного заседания должен быть изготовлен и подписан председательствующим и секретарем судебного заседания в течение трех суток со дня окончания судебного заседания. В пределах этого срока сторонами подается письменное ходатайство об ознакомлении с протоколом судебного заседания, причем срок для подачи ходатайства может быть восстановлен, если оно не было подано по уважительным причинам, но ходатайство не подлежит удовлетворению, если уголовное дело уже направлено в апелляционную инстанцию или по истечении срока, предоставленного для апелляционного обжалования, приговор находится в стадии исполнения.

Согласно ст. 260 УПК РФ в течение трех суток со дня ознакомления с протоколом судебного заседания стороны могут подать на него замечания, подлежащие незамедлительному рассмотрению председательствующим, наделенным правом в необходимых случаях вызывать лиц, подавших замечания, для уточнения их содержания. По результатам рассмотрения замечаний председательствующий выносит постановление об удостоверении их правильности либо об их отклонении, которое вместе с замечаниями приобщает к протоколу судебного заседания.

При этом ст. 260 УПК РФ в ее конституционно-правовом истолковании не позволяет председательствующему разрешить вопрос об удостоверении замечаний на протокол судебного заседания после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции, а также после вступления приговора в законную силу (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2017 г. N 21-П, определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2018 г. N 2039-О).

Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации N 187-П19

5. В случае частичной отмены приговора и прекращения производства по делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (за отсутствием в деянии состава преступления), суд апелляционной инстанции исключает из приговора указание о взыскании с осужденных материального ущерба, причиненного в результате такого деяния.

По приговору суда А. и К. осуждены по пп. "д", "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ, по ч. 2 ст. 162 УК РФ, по ч. 2 ст. 167 УК РФ.

По этому же делу осужден Ч.

Постановлено взыскать с осужденных в солидарном порядке в пользу потерпевшей О. в счет возмещения материального ущерба 154 637 руб.

Суд апелляционной инстанции отменил приговор в части осуждения А. и К. по ч. 2 ст. 167 УК РФ и производство по делу прекратил на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления с признанием за ними права на реабилитацию.

Осужденные А. и К. в надзорных жалобах просили изменить судебные решения в части разрешения гражданского иска, указывая, что суд апелляционной инстанции исключил осуждение по ч. 2 ст. 167 УК РФ, между тем оставил без изменения решение о возмещении материального ущерба, причиненного в результате уничтожения имущества.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения в части гражданского иска по следующим основаниям.

А. и К. признаны виновными в умышленном уничтожении и повреждении имущества путем поджога и осуждены по ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Исковые требования потерпевшей О. о возмещении вреда, связанного с уничтожением и повреждением имущества, судом удовлетворены, постановлено взыскать с осужденных К., А. и Ч. в солидарном порядке в пользу потерпевшей О. в счет возмещения материального ущерба 154 637 руб.

Апелляционным определением приговор в части осуждения А. и К. по ч. 2 ст. 167 УК РФ отменен, производство по делу прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления. Однако вопрос об исключении указания о взыскании с осужденных А. и К. солидарно с осужденным Ч. 154 637 руб. - ущерба, причиненного в результате совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, судом апелляционной инстанции в нарушение требований закона не разрешен.

В силу изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор, апелляционное определение и исключил указание о взыскании с осужденных А. и К. 154 637 руб. в пользу потерпевшей О. в солидарном порядке с осужденным Ч.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации N 6-П20

Судебная коллегия по гражданским делам

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

6. Недействительность сделки по отчуждению имущества, совершенной агентом продавца, а также неисполнение агентом своих обязанностей перед продавцом сами по себе не свидетельствуют о том, что имущество выбыло из владения продавца помимо его воли и не являются основанием для истребования имущества у добросовестного приобретателя.

К. обратился в суд с иском к С. и обществу (агенту) о признании недействительными агентского договора и договора купли-продажи автомобиля, о применении последствий недействительности сделки и возложении на С. обязанности возвратить автомобиль.

В обоснование требований истец указал, что между ним и обществом

(ответчиком) заключен агентский договор на оказание услуг по продаже принадлежащего ему автомобиля по цене 3 200 000 руб. Данный автомобиль был продан С. за 2 500 000 руб., однако денежные средства истцу обществом (агентом) не переданы.

В отношении сотрудников общества (агента) имеется вступивший в законную силу обвинительный приговор, по которому они осуждены за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

С. обратилась в суд со встречным иском о признании ее добросовестным приобретателем, поскольку, приобретая автомобиль возмездно, она не знала и не могла знать, что общество (агент) не имело права его отчуждать.

Удовлетворяя иск К., суд первой инстанции, учитывая вступивший в законную силу приговор суда, пришел к выводу о том, что автомобиль выбыл из владения истца помимо его воли, в связи с чем агентский договор является недействительным и не порождает никаких юридических последствий, а сделка купли-продажи автомобиля, заключенная между обществом и С., ничтожна в силу закона.

С такими выводами согласился суд апелляционной инстанции.

Отказывая в удовлетворении встречного иска, судебные инстанции указали, что в отсутствие воли К. на отчуждение автомобиля права добросовестного приобретателя защите не подлежат. Суд апелляционной инстанции также отметил, что С. приобрела автомобиль по цене, которая существенно ниже рыночной, хотя была знакома с заявкой собственника о его продаже за 3 200 000 руб., при этом мер по установлению действительного желания владельца не предприняла.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обжалуемые судебные постановления незаконными по следующим основаниям.

Из ст. 301, 302 ГК РФ с учетом разъяснений, содержащихся в пп. 35 и 39 совместного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" (далее - постановление Пленума N 10/22), следует, что при рассмотрении иска собственника об истребовании имущества из незаконного владения лица, к которому это имущество перешло на основании сделки, юридически значимыми и подлежащими судебной оценке обстоятельствами являются наличие либо отсутствие воли собственника на выбытие имущества из его владения, возмездность или безвозмездность сделок по отчуждению спорного имущества, а также соответствие либо несоответствие поведения приобретателя имущества требованиям добросовестности.

При этом бремя доказывания факта выбытия имущества из владения собственника помимо его воли, а в случае недоказанности этого факта -бремя доказывания недобросовестности приобретателя возлагается на самого собственника.

Судом установлено и сторонами не оспаривалось, что К. с целью продажи автомобиля заключил с обществом агентский договор на оказание услуг по поиску покупателей для продажи спорного транспортного средства и в тот же день по акту приема-передачи самостоятельно передал сотрудникам общества данный автомобиль, два комплекта ключей к нему, а также комплект документов (паспорт транспортного средства, свидетельство о регистрации, сервисную книжку).

Наличие у истца денежного требования к лицам, которые не исполнили

своих обязательств по названному агентскому договору и не имели изначально намерения передать К. денежную сумму за проданный С. автомобиль само по себе не является основанием для вывода о выбытии транспортного средства из владения истца помимо его воли.

Согласно приговору суда предметом преступного посягательства сотрудников общества (ответчика) являлся не автомобиль, а денежные средства, вырученные от его продажи.

В соответствии с п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

В подтверждение своей добросовестности С. указывала на то, что перед заключением договора купли-продажи автомобиля она убедилась в отсутствии ограничений его оборотоспособности, а впоследствии транспортное средство беспрепятственно было поставлено на государственный учет.

С. также ссылалась на то, что не знала и не могла знать о наличии у сотрудников общества, продавших ей автомобиль, преступного умысла на совершение мошеннических действий и об отсутствии у них намерений исполнять условия агентского договора, заключенного с К.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации апелляционное определение отменила и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение N 5-КГ19-192

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

7. Заказчик, принявший результаты работ, выполненных подрядчиком, не вправе недобросовестно уклоняться от их оплаты, ссылаясь на незаключенность договора подряда.

К. обратился в суд с иском к обществу о взыскании денежных средств по договору подряда, компенсации морального вреда. В обоснование иска указано, что между сторонами был заключен договор подряда на выполнение работ по ремонту и реконструкции здания школы, работы выполнены в полном объеме и без замечаний, а поскольку денежные средства выплачены не были, истец просил взыскать с ответчика оплату по договору подряда, компенсацию морального вреда и судебные расходы.

Общество с требованиями К. не согласилось и обратилось в суд со встречным иском о признании договора подряда незаключенным, ссылаясь на то, что сторонами не были согласованы существенные условия договора и договор не исполнялся.

К участию в деле были привлечены третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора (школа и две строительные компании).

Судом установлено и из материалов дела следует, что по результатам аукциона в электронной форме между школой и обществом (ответчиком по делу) заключен контракт на выполнение работ по реконструкции здания школы. Составлены локальный сметный и сводный сметный расчеты.

Между обществом (заказчик) и К. (исполнитель) подписан договор на выполнение работ (подряда), по условиям которого исполнитель обязался выполнить по заданию заказчика определенные работы (услуги), сдать результат работ (услуг) заказчику, а заказчик обязывается принять результат работ (услуг) и оплатить их.

В силу договора исполнитель обязуется выполнить работы по

реконструкции здания школы, объем работ определяется соглашением сторон (согласованной сметой).

Отказывая в удовлетворении заявленных К. требований и удовлетворяя встречный иск, суд первой инстанции исходил из того, что договор подряда не может быть признан заключенным, поскольку соглашение сторон спора о видах и объеме работ, подлежащих выполнению в рамках данного договора, то есть о предмете договора, достигнуто не было, смета не составлялась. При этом суд указал, что фактов сдачи результата работ и их принятия лицом, для которого они были выполнены, не установлено.

Суд также сослался на то, что обществом (ответчиком) представлены договоры подряда на выполнение спорных работ по реконструкции школы, заключенные с другими организациями, с приложением технических заданий, актов, счетов-фактур, бухгалтерских справок, платежных поручений.

Суд апелляционной инстанции согласился с данными выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов ошибочными.

В соответствии с п. 1 ст. 702 ГК РФ по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых между сторонами должно быть достигнуто соглашение.

Пунктом 3 ст. 432 ГК РФ установлено, что сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (п. 3 ст. 1).

В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора" разъяснено, что, если сторона приняла от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердила действие договора, она не вправе недобросовестно ссылаться на то, что договор является незаключенным (п. 3 ст. 432 ГК РФ).

Например, если работы выполнены до согласования всех существенных условий договора подряда, но впоследствии сданы подрядчиком и приняты заказчиком, то к отношениям сторон подлежат применению правила о подряде и между ними возникают соответствующие обязательства.

Таким образом, если стороны не согласовали какое-либо условие договора, относящееся к существенным, но затем своими действиями по исполнению договора и его принятию фактически выполнили такое условие, то стороны не вправе ссылаться на его незаключенность.

Кроме того, незаключенность договора подряда не освобождает заказчика от оплаты фактически выполненных подрядчиком и принятых заказчиком работ, имеющих для последнего потребительскую ценность. В

случае если результат выполненных работ находится у заказчика, у него отсутствуют какие-либо замечания по объему и качеству работ и их результат может им использоваться, незаключенность договора подряда не может являться основанием для освобождения заказчика от оплаты работ.

Суды первой и апелляционной инстанций, обосновывая вывод о том, что истец не выполнял каких-либо работ по договору подряда, исходили из отсутствия актов приема-передачи выполненных работ и утверждения ответчика о выполнении работ, предусмотренных договором между сторонами, другими организациями.

Между тем акты выполненных работ хотя и являются наиболее распространенными в гражданском обороте документами, фиксирующими выполнение подрядчиком работ, в то же время не являются единственным средством доказывания соответствующих обстоятельств. Законом не предусмотрено, что факт выполнения работ подрядчиком может доказываться только актами выполненных работ (ст. 60 ГПК РФ).

Возражая против утверждений ответчика о выполнении работ другими лицами (строительными компаниями), К. ссылался на то обстоятельство, что договоры строительного подряда заключены обществом (ответчиком по делу) со строительными компаниями уже после фактического допуска К. на объект (здание школы) и начала им ремонтных работ и на иные виды работ, которые истец не выполнял, за исключением работ по заливке стяжки полов.

Однако суд первой инстанции данным возражениям истца оценки не дал и, в нарушение ст. 67, 198 ГПК РФ, не создал условий для выяснения имеющих существенное значение для правильного разрешения спора обстоятельств соответствия характера и объемов выполненных работ.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации апелляционное определение отменила и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение N 77-КГ19-17

8. Размер процентов, предусмотренный п. 1 ст. 395 ГК РФ, определяется исходя из редакции этой нормы, действовавшей в соответствующий период, и снижению на основании ст. 333 ГК РФ не подлежит.

М. обратилась в суд с иском к П. о взыскании неосновательного обогащения и процентов, указав в обоснование заявленных требований, что 16 мая 2010 г. она передала ответчику 1 650 000 руб. в счет платежа за покупку земельного участка, однако решением суда от 31 мая 2017 г. право собственности М. на приобретенный участок прекращено с истребованием земельного участка в собственность Российской Федерации. Денежные средства в размере 1 650 000 руб. ответчиком не возвращены.

М. также просила взыскать проценты на сумму неосновательного обогащения за период с 16 мая 2010 г. по 22 мая 2018 г., что составляет 1 131 264 руб. 08 коп.

Ответчик исковые требования не признал, а также заявил о снижении размера процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, иск удовлетворен частично: с П. в пользу М. взыскано неосновательное обогащение в размере 1 650 000 руб. При разрешении требований М. о взыскании с П. процентов за пользование чужими денежными средствами суд пришел к выводу о том, что сумма процентов, заявленная истцом к

возмещению, явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, в связи с чем применил положения ст. 333 ГК РФ и уменьшил ее до 350 000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обжалуемые судебные постановления незаконными по следующим основаниям.

Согласно п. 2 ст. 1107 ГК РФ на сумму неосновательного денежного обогащения подлежат начислению проценты за пользование чужими средствами (ст. 395) с того времени, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств.

В силу п. 1 ст. 395 ГК РФ в редакции, действовавшей до 1 августа 2016 г., за пользование чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица подлежат уплате проценты на сумму этих средств. Размер процентов определяется существующими в месте жительства кредитора или, если кредитором является юридическое лицо, в месте его нахождения опубликованными Банком России и имевшими место в соответствующие периоды средними ставками банковского процента по вкладам физических лиц. Эти правила применяются, если иной размер процентов не установлен законом или договором.

Согласно указанной норме в редакции, действующей после 1 августа 2016 г., размер процентов определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды, если иной размер процентов не установлен законом или договором.

В соответствии с п. 1 ст. 333 ГК РФ, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку. Если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить неустойку при условии заявления должника о таком уменьшении.

Федеральным законом от 8 марта 2015 г. N 42-ФЗ, вступившим в силу с 1 июня 2015 г., ст. 395 ГК РФ дополнена п. 6, согласно которому, если подлежащая уплате сумма процентов явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд по заявлению должника вправе уменьшить предусмотренные договором проценты, но не менее чем до суммы, определенной исходя из ставки, указанной в п. 1 данной статьи.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. N 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств" разъяснено, что согласно п. 1 ст. 395 ГК РФ, действовавшей до 1 августа 2016 г., размер процентов за пользование чужими денежными средствами, начисляемых за периоды просрочки исполнения денежного обязательства, имевшие место с 1 июня 2015 г. по 31 июля 2016 г. включительно, если иной размер процентов не был установлен законом или договором, определяется в соответствии с существовавшими в месте жительства кредитора - физического лица или в месте нахождения кредитора - юридического лица опубликованными Банком России и имевшими место в соответствующие периоды средними ставками банковского процента по вкладам физических лиц.

Если иной размер процентов не установлен законом или договором, размер процентов за пользование чужими денежными средствами, начисляемых за периоды просрочки, имевшие место после 31 июля 2016 г., определяется

на основании ключевой ставки Банка России, действовавшей в соответствующие периоды (п. 1 ст. 395 ГК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. N 315-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации").

Источниками информации о средних ставках банковского процента по вкладам физических лиц, а также о ключевой ставке Банка России являются официальный сайт Банка России в сети "Интернет" и официальное издание Банка России "Вестник Банка России" (п. 39).

К размеру процентов, взыскиваемых по п. 1 ст. 395 ГК РФ, по общему правилу, положения ст. 333 ГК РФ не применяются (п. 48).

Бремя доказывания несоразмерности неустойки и необоснованности выгоды кредитора возлагается на ответчика. Несоразмерность и необоснованность выгоды могут выражаться, в частности, в том, что возможный размер убытков кредитора, которые могли возникнуть вследствие нарушения обязательства, значительно ниже начисленной неустойки (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ). Доводы ответчика о невозможности исполнения обязательства вследствие тяжелого финансового положения, наличия задолженности перед другими кредиторами, наложения ареста на денежные средства или иное имущество ответчика, отсутствия бюджетного финансирования, неисполнения обязательств контрагентами, добровольного погашения долга полностью или в части на день рассмотрения спора, выполнения ответчиком социально значимых функций, наличия у должника обязанности по уплате процентов за пользование денежными средствами (например, на основании ст. 317.1, 809, 823 ГК РФ) сами по себе не могут служить основанием для снижения неустойки (п. 73).

Возражая против уменьшения размера неустойки, кредитор не обязан доказывать возникновение у него убытков (п. 1 ст. 330 ГК РФ), но вправе представлять доказательства того, какие последствия имеют подобные нарушения обязательства для кредитора, действующего при сравнимых обстоятельствах разумно и осмотрительно, например, указать на изменение средних показателей по рынку (процентных ставок по кредитам или рыночных цен на определенные виды товаров в соответствующий период, валютных курсов и т.д.) (п. 74).

Из приведенных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что расчет процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ, за период до 1 августа 2016 г. и после этой даты осуществляется по разным правилам.

При этом в п. 1 ст. 395 ГК РФ установлен минимальный размер процентов на случай неисполнения денежного обязательства, который уменьшению не подлежит.

Бремя доказывания несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства возлагается на должника.

Снижение судом неустойки не должно влечь убытки для кредитора и вести к экономической выгоде недобросовестного должника в виде пользования денежными средствами по заниженной ставке процентов.

В нарушение данных требований закона расчет процентов произведен судом первой инстанции как за период до 1 августа 2016 г., так и после этой даты исходя из процентных ставок по Центральному федеральному округу.

Кроме того, в решении суда не приведено мотивов, основанных на законе, по которым суд счел возможным снизить размер процентов,

предусмотренных п. 1 ст. 395 ГК РФ.

Суд первой инстанции указал, что размер неустойки, рассчитанный истцом, явно несоразмерен последствиям нарушения обязательства, однако в чем это заключается, не уточнил.

Судом апелляционной инстанции допущенные судом первой инстанции нарушения не устранены.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации апелляционное определение отменила в части оставления без изменения решения суда первой инстанции и отказа в удовлетворении части требований, направив дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции в данной части.

Определение N 4-КГ19-48

Разрешение споров о взыскании страхового возмещения

9. За нарушение срока выплаты страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств неустойка начисляется на всю сумму страхового возмещения, подлежащую взысканию со страховщика.

Ж. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании неустойки, компенсации морального вреда и иными требованиями.

В обоснование иска Ж. указал на то, что 25 июля 2018 г. обратился к ответчику с заявлением о возмещении убытков. Страховая компания выдала истцу направление на ремонт, в проведении которого станцией технического обслуживания (далее - станция ТО) отказано. В ответ на претензию истца страховая компания 25 сентября 2018 г. произвела страховую выплату.

По мнению истца, страховая компания нарушила сроки осуществления страхового возмещения, предусмотренные п. 21 ст. 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. N 40-ФЗ "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" (далее - Закон об ОСАГО) в редакции, действовавшей на момент заключения договора ОСАГО виновным в дорожно-транспортном происшествии), в связи с чем со страховой компании подлежит взысканию неустойка.

Разрешая спор в части взыскания неустойки, суд первой инстанции исходил из того, что страховая компания выдала истцу направление на ремонт в срок, предусмотренный п. 21 ст. 12 Закона об ОСАГО.

Вместе с тем суд первой инстанции пришел к выводу о нарушении права истца на замену формы страхового возмещения на денежную выплату, в связи с чем взыскал неустойку за период с 28 сентября 2018 г. (истечение срока для удовлетворения претензии).

При этом суд снизил размер неустойки на основании ст. 333 ГК РФ.

Суд апелляционной инстанции не согласился с решением суда первой инстанции в части размера и периода расчета неустойки.

Исходя из того, что заявление истца о возмещении убытков получено страховой компанией 25 июля 2018 г., а страховое возмещение с учетом утраты товарной стоимости перечислено только 25 сентября 2018 г., суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что неустойка подлежит взысканию за данный период.

Расчет неустойки произведен судом второй инстанции исходя из суммы не выплаченной в срок утраты товарной стоимости и убытков.

Суд апелляционной инстанции также сделал вывод об отсутствии

оснований для снижения неустойки в порядке ст. 333 ГК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции о порядке расчета размера подлежащей взысканию неустойки ошибочными, указав следующее.

По смыслу положений п. 15.1 ст. 12 Закона об ОСАГО и разъяснений по их применению, содержащихся в пп. 60, 65 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. N 58 "О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" (далее - постановление Пленума N 58), страховая компания обязана выдать направление на ремонт на станцию ТО, которая соответствует требованиям к организации восстановительного ремонта в отношении конкретного потерпевшего, при условии согласования сроков и полной стоимости проведения такого ремонта.

Однако в данном случае страховая компания нарушила установленный законом порядок выдачи потерпевшему направления на ремонт, поскольку не согласовала со станцией ТО стоимость ремонта поврежденного транспортного средства истца при выдаче ему направления на ремонт.

Как следует из материалов дела, 19 августа 2018 г. страховая компания выдала Ж. направление на ремонт на станцию ТО.

В заявлении от 10 сентября 2018 г., адресованном станции ТО, Ж. сообщил о том, что 23 августа 2018 г. представителем станции ТО произведен осмотр поврежденного автомобиля и истцу предложено произвести доплату, с которой он не согласен. В связи с этим истец просил принять автомобиль на ремонтные работы или выдать письменный мотивированный ответ о принятом решении.

В ответ на судебный запрос станция ТО сообщила, что ремонт автомобиля Ж. не осуществлялся ввиду невозможности согласования стоимости ремонта между сторонами, так как стоимость запасных частей отличается от стоимости, предусмотренной справочником РСА. В связи с этим между сторонами не согласована окончательная стоимость восстановительных работ.

В связи с отказом станции ТО осуществить ремонт поврежденного автомобиля истец обратился в страховую компанию с претензией, по результатам рассмотрения которой ему 25 сентября 2018 г. перечислена страховая выплата.

В соответствии с п. 21 ст. 12 Закона об ОСАГО при несоблюдении срока осуществления страховой выплаты или срока выдачи потерпевшему направления на ремонт транспортного средства страховщик за каждый день просрочки уплачивает потерпевшему неустойку (пеню) в размере одного процента от определенного в соответствии с данным федеральным законом размера страхового возмещения.

Суд апелляционной инстанции, исходя из того, что заявление о возмещении убытков подано истцом 25 июля 2018 г., правильно указал, что страховая компания должна была исполнить обязанность по осуществлению страхового возмещения в срок до 15 августа 2018 г., однако страховое возмещение было осуществлено 25 сентября 2018 г.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что со страховой компании подлежит взысканию неустойка за период с 15 августа 2018 г.

Вместе с тем расчет неустойки ошибочно произведен судом апелляционной инстанции только из суммы утраты товарной стоимости без учета страховой суммы в размере стоимости восстановительного ремонта поврежденного автомобиля.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации апелляционное определение отменила и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение N 32-КГ19-28

10. При заключении договора добровольного страхования транспортного средства стороны вправе согласовать условие о страховании только на случай повреждения транспортного средства при управлении им определенным водителем или определенными водителями.

В. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании расходов по оценке ущерба и штрафа в размере 50% от присужденных сумм.

Судом установлено и из материалов дела следует, что между В. (страхователь) и страховой компанией заключен договор добровольного страхования автомобиля в соответствии с правилами страхования автотранспортных средств от ущерба, угона и иных сопутствующих рисков, утвержденными генеральным директором страховой компании (далее - правила страхования).

В качестве лица, допущенного к управлению транспортным средством, указан Ш.

В период действия договора страхования произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого застрахованный автомобиль, находившийся под управлением В., получил механические повреждения.

Истец обратился к ответчику с заявлением о наступлении страхового случая. Ответчик отказал в выплате страхового возмещения, указав, что страховой случай не наступил, поскольку застрахованным транспортным средством управлял В., не указанный в договоре в качестве лица, допущенного к управлению этим транспортным средством.

Претензия, направленная В. в адрес ответчика, оставлена без удовлетворения.

Удовлетворяя требования В., суд первой инстанции исходил из того, что страховая компания допустила нарушение обязательства по осуществлению страхового возмещения в связи с наступившим страховым случаем. При этом суд первой инстанции указал, что по данному делу оснований для освобождения страховой компании от выплаты страхового возмещения, предусмотренных ст. 961, 963, 964 ГК РФ, не имеется.

С выводами суда первой инстанции и их обоснованием согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные постановления и приняла новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований по следующим основаниям.

К числу основных начал гражданского законодательства относится свобода договора (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

Согласно п. 4 ст. 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (ст. 422).

Таким образом, в силу принципа свободы договора стороны вправе согласовать условие договора, которое не противоречит нормам закона.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 942 ГК РФ при заключении договора имущественного страхования между страхователем и страховщиком должно быть

достигнуто соглашение о характере события, на случай наступления которого осуществляется страхование (страхового случая).

Пунктом 2 ст. 9 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. N 4015-I "Об организации страхового дела в Российской Федерации" предусмотрено, что страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 20 "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан" (далее - постановление Пленума N 20), стороны вправе включать в договор добровольного страхования имущества условия о действиях страхователя, с которыми связывается вступление в силу договора, об основаниях отказа в страховой выплате, о способе расчета убытков, подлежащих возмещению при наступлении страхового случая, и другие условия, если они не противоречат действующему законодательству, в частности ст. 16 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. N 2300-I "О защите прав потребителей".

Из приведенных правовых норм и акта их толкования следует, что стороны договора добровольного страхования имущества вправе по своему усмотрению определить перечень случаев, признаваемых страховыми, а также случаев, которые не могут быть признаны таковыми.

В силу пп. 1 и 2 ст. 943 ГК РФ условия, на которых заключается договор страхования, могут быть определены в стандартных правилах страхования соответствующего вида, принятых, одобренных или утвержденных страховщиком либо объединением страховщиков (правилах страхования).

Условия, содержащиеся в правилах страхования и не включенные в текст договора страхования (страхового полиса), обязательны для страхователя (выгодоприобретателя), если в договоре (страховом полисе) прямо указывается на применение таких правил и сами правила изложены в одном документе с договором (страховым полисом) или на его оборотной стороне либо приложены к нему. В последнем случае вручение страхователю при заключении договора правил страхования должно быть удостоверено записью в договоре.

Судами установлено, что договор добровольного страхования принадлежащего истцу автомобиля заключен на условиях правил страхования, которые в соответствии со ст. 943 ГК РФ приобрели силу условий договора и стали для страхователя В. обязательными.

При этом в полисе страхования прямо указано, что, подписывая данный договор, В. подтверждает: правила страхования и другие приложения к полису он получил, полностью проинформирован об условиях страхования, все условия врученных ему правил и приложений ему разъяснены и понятны, ему представлен соответствующий выбор объема страхового покрытия и он самостоятельно выбирает указанный в полисе вариант страхового покрытия с имеющимися ограничениями и условиями за соответствующую плату (страховую премию).

Согласно п. 1.1 ст. 18 правил страхования страховщик обеспечивает страховую защиту по договору страхования от риска "ДТП при управлении транспортным средством лицами, допущенными к управлению", которым является дорожно-транспортное происшествие, произошедшее при управлении

транспортным средством лицом, указанным в договоре страхования, или лицом, соответствующим критериям, указанным в договоре страхования.

Согласно ст. 9 названных правил в случае, если страхователь не указан в договоре страхования в числе водителей и (или) не соответствует критериям их определения, страхователь не является лицом, допущенным к управлению транспортным средством, для договоров, предусматривающих доступ к управлению транспортным средством ограниченного числа водителей.

Аналогичное положение отражено и в самом полисе страхования. При этом соответствующая отметка в полисе о том, что страхователь является водителем, отсутствует.

В качестве лица, допущенного к управлению застрахованным транспортным средством, в полисе указан только Ш.

Заключив договор добровольного страхования на указанных условиях, В. самостоятельно определил круг лиц, допущенных к управлению автомобилем, в рамках договора добровольного страхования транспортного средства, исходя из чего и уплатил страховую премию.

Поскольку в момент дорожно-транспортного происшествия автомобилем управлял В., не указанный в страховом полисе в качестве лица, допущенного к управлению данным транспортным средством, то такое событие не отвечает признакам страхового случая, предусмотренного условиями договора страхования, а потому обязанность по осуществлению страхового возмещения у ответчика не наступила.

Суды ошибочно сослались на положения ст. 961, 963, 964 ГК РФ, регламентирующие основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения. Положения указанных статей предусматривают случаи освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения, когда страховой случай наступил.

В данном споре с учетом условий конкретного договора добровольного страхования страховой случай не наступил, в связи с чем к возникшим правоотношениям названные выше статьи ГК РФ применению не подлежат.

Определение N 12-КГ19-5

Разрешение споров в области социальных отношений

11. Излишне выплаченные в качестве мер социальной поддержки денежные средства в силу положений п. 1 ст. 1102 и подп. 3 ст. 1109 ГК РФ должны быть возвращены получателем только в случае установления недобросовестности с его стороны или счетной ошибки.

Бремя доказывания недобросовестности со стороны получателя денежных средств возлагается на истца, требующего их возврата.

Положения ст. 395 ГК РФ, устанавливающие ответственность за неисполнение денежного обязательства, не подлежат применению к отношениям по предоставлению мер социальной поддержки в виде ежемесячной денежной выплаты.

Территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации (далее - пенсионный орган) 7 июня 2018 г. обратился в суд с иском к Г. о взыскании излишне выплаченной суммы ежемесячной денежной выплаты и процентов за пользование чужими денежными средствами.

В обоснование заявленных требований истец ссылался на то, что Г. с 26 июля 2005 г. является получателем ежемесячной денежной выплаты на дочь Г.Е., 2005 года рождения, на основании Закона Российской Федерации от 15

мая 1991 г. N 1244-I "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС" (далее также - Закон N 1244-I) как гражданина, постоянно проживающего на территории зоны проживания с льготным социально-экономическим статусом.

17 июня 2009 г. Г. вместе с дочерью Г.Е. снялся с регистрационного учета по месту жительства, но не сообщил пенсионному органу о смене места жительства дочери, в связи с чем ежемесячная денежная выплата на дочь Г. Е. производилась ему до 31 марта 2018 г. Сведения о факте смены несовершеннолетней Г.Е. места жительства были получены пенсионным органом 27 марта 2018 г.

Указывая на то, что в результате несообщения Г. пенсионному органу о перемене места жительства своей несовершеннолетней дочери им незаконно получена ежемесячная денежная выплата на дочь за период с 1 июля 2009 г. по 31 марта 2018 г., пенсионный орган со ссылкой на ч. 2 ст. 28 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. N 400-ФЗ "О страховых пенсиях", ст. 395 ГК РФ просил взыскать с Г. незаконно полученные денежные средства, а также проценты за пользование чужими денежными средствами.

Ответчик Г. в суде первой инстанции исковые требования не признал и заявил о пропуске пенсионным органом без уважительных причин срока исковой давности по требованиям о взыскании излишне выплаченной суммы ежемесячной денежной выплаты за период, имевший место до 30 мая 2015 г.

Разрешая спор о взыскании с Г. излишне полученной суммы ежемесячной денежной выплаты на дочь за период с 1 июля 2009 г. по 31 марта 2018 г., суд первой инстанции со ссылкой на положения Закона N 1244-I, п. 1 ст. 1102, подп. 3 ст. 1109 ГК РФ удовлетворил исковые требования пенсионного органа, взыскал в пользу пенсионного органа с Г. как неосновательное обогащение сумму излишне выплаченной ежемесячной денежной выплаты на дочь Г. Е. за период с 1 июля 2009 г. по 31 марта 2018 г., а также в соответствии со ст. 395 ГК РФ проценты за пользование чужими денежными средствами.

Суд исходил из того, что Г., являясь получателем ежемесячной денежной выплаты на дочь Г.Е. в связи с ее проживанием в зоне проживания с льготным социально-экономическим статусом, не поставил пенсионный орган в известность о том, что с 1 июля 2009 г. она утратила право на получение ежемесячной денежной выплаты по причине смены места жительства. С даты регистрации по новому месту жительства несовершеннолетней дочери Г. должен был знать о безосновательном получении ежемесячной денежной выплаты на нее.

По мнению суда первой инстанции, основания для применения к спорным отношениям положений подп. 3 ст. 1109 ГК РФ, определяющих виды выплат, не подлежащих возврату в качестве неосновательного обогащения, отсутствуют, так как Г. не исполнена обязанность известить пенсионный орган, осуществляющий ежемесячную денежную выплату, об обстоятельствах, влекущих ее прекращение.

Суд первой инстанции счел не подлежащим удовлетворению заявление Г. о применении последствий пропуска истцом срока исковой давности для взыскания с него полученной им ежемесячной денежной выплаты на дочь за период с 1 июля 2009 г. по 30 мая 2015 г., указав на отсутствие в материалах дела каких-либо доказательств, свидетельствующих о том, что пенсионный орган знал или мог узнать ранее марта 2018 года о смене места жительства несовершеннолетней Г.Е. и, как следствие, о неосновательном получении им на дочь ежемесячной денежной выплаты. Поскольку пенсионный

орган обратился с иском в суд 7 июня 2018 г. в пределах срока исковой давности, то с Г. подлежит взысканию сумма излишне выплаченной ему ежемесячной денежной выплаты на дочь за весь спорный период.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов основанными на неправильном применении норм материального права, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 11 09 данного кодекса.

По смыслу положений подп. 3 ст. 1109 ГК РФ не считаются неосновательным обогащением и не подлежат возврату денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средств к существованию, в частности заработная плата, приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, и т.п., то есть суммы, которые предназначены для удовлетворения его необходимых потребностей, и возвращение этих сумм поставило бы гражданина в трудное материальное положение. Закон устанавливает исключения из этого правила, а именно: излишне выплаченные суммы должны быть получателем возвращены, если их выплата явилась результатом недобросовестности с его стороны или счетной ошибки.

При этом добросовестность гражданина (получателя спорных денежных средств) презюмируется, следовательно, бремя доказывания недобросовестности гражданина, получившего названные в данной норме виды выплат, лежит на стороне, требующей возврата излишне выплаченных денежных сумм.

Эти нормы ГК РФ о неосновательном обогащении и недопустимости возврата определенных денежных сумм могут применяться и за пределами гражданско-правовой сферы, в частности в рамках правоотношений, связанных с получением отдельными категориями граждан Российской Федерации выплат, предусмотренных Законом N 1244-I.

Из положений ст. 1, п. 8 ч. 1 ст. 13, п. 10 ч. 1 и ч. 5 ст. 27.1 Закона N 1244-I; п. 6, абзацев первого и второго п. 14, п. 16, абзаца второго п. 21, подп. 2 п. 29, п. 38 Порядка осуществления ежемесячной денежной выплаты отдельным категориям граждан в Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 30 ноября 2004 г. N 294, действовавшим на момент назначения Г. ежемесячной денежной выплаты за дочь Г.Е., следует, что право на ежемесячную денежную выплату в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 13 Закона N 1244-I имеют граждане, постоянно проживающие (работающие) на территории зоны проживания с льготным социально-экономическим статусом. Такая выплата производится территориальным органом Пенсионного фонда Российской Федерации, который разъясняет гражданам законодательство Российской Федерации, принимает заявление об установлении ежемесячной денежной выплаты со всеми необходимыми документами и дает оценку правильности оформления этих документов, проверяет в необходимых случаях обоснованность выдачи представленных документов, принимает решения о назначении ежемесячной

денежной выплаты, распоряжения о перерасчете ее размера, а также решения об отказе в назначении (перерасчете) ежемесячной денежной выплаты на основе всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех представленных документов.

При этом основанием для прекращения ежемесячной денежной выплаты является наступление обстоятельств, вследствие которых гражданином утрачивается право на эту выплату. На гражданина возлагается обязанность безотлагательно сообщать территориальному органу Пенсионного фонда Российской Федерации об обстоятельствах, влияющих на изменение размера ежемесячной денежной выплаты, и иных обстоятельствах, влекущих прекращение ежемесячной денежной выплаты.

Разрешая спор, суд не учел, что излишне выплаченные Г. суммы ежемесячной денежной выплаты на дочь Г.Е. в силу положений п. 1 ст. 1102 и подп. 3 ст. 1109 ГК РФ должны быть возвращены получателем в случае установления недобросовестности с его стороны или счетной ошибки.

По данному делу юридически значимым с учетом исковых требований пенсионного органа, возражений ответчика Г. относительно иска и регулирующих спорные отношения норм материального права являлось установление следующих обстоятельств: имела ли место со стороны Г., несовершеннолетняя дочь которого изменила в июне 2009 года место своего жительства, недобросовестность в получении на нее в период с 1 июля 2009 г. по 31 марта 2018 г. ежемесячной денежной выплаты; изменился ли статус дочери Г. - Г.Е. как лица, имеющего право на получение ежемесячной денежной выплаты на основании п. 10 ч. 1 ст. 271 Закона N 1244-I, в результате регистрации ее в июне 2009 года по новому месту жительства; был ли Г. проинформирован пенсионным органом при подаче 26 июня 2005 г. заявления об установлении ежемесячной денежной выплаты на дочь Г. Е. как лицу, постоянно проживающему в зоне проживания с льготным социально-экономическим статусом, о том, что не вся территория соответствующего округа относится к зоне проживания с льготным социально-экономическим статусом и выезд его дочери из такой зоны является обстоятельством, влекущим прекращение ей ежемесячной денежной выплаты, о котором он обязан своевременно сообщать пенсионному органу.

Поскольку добросовестность гражданина (в данном случае Г. как законного представителя несовершеннолетней дочери) по требованиям о взыскании ежемесячной денежной выплаты презюмируется, суду первой инстанции следовало возложить бремя доказывания недобросовестности Г. при получении в период с 1 июля 2009 г. по 31 марта 2018 г. сумм ежемесячной денежной выплаты на дочь Г.Е. на пенсионный орган, требующий их возврата, то есть на истца.

Однако суд первой инстанции, неправильно применив регулирующие спорные отношения нормы материального права, данные обстоятельства в качестве юридически значимых не определил и не устанавливал, сославшись в обоснование вывода об удовлетворении исковых требований пенсионного органа лишь на несоблюдение Г. обязанности представить пенсионному органу сведения об изменении места жительства его дочери Г.Е.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась и с выводом суда первой инстанции о том, что пенсионный орган не пропустил срок исковой давности по требованиям о взыскании излишне выплаченной суммы ежемесячной денежной выплаты, обратившись в суд с указанным иском 7 июня 2018 г.

В п. 1 ст. 196 ГК РФ предусмотрено, что общий срок исковой давности

составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 данного кодекса.

Исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске (п. 2 ст. 199 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Исходя из норм Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (пп. 2-4), утвержденного постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. N 2122-I, на Пенсионный фонд Российской Федерации возложена функция контроля за правильным и рациональным расходованием его средств, формируемых в том числе за счет ассигнований из республиканского бюджета Российской Федерации на предоставление льгот в части пенсий, пособий и компенсаций гражданам, пострадавшим от чернобыльской катастрофы.

Эти нормы суду первой инстанции необходимо было учитывать во взаимосвязи с нормами ГК РФ о сроке исковой давности при разрешении вопроса об исчислении срока исковой давности по иску пенсионного органа к гражданину, имеющему право на получение ежемесячной денежной выплаты, о взыскании излишне полученной суммы ежемесячной денежной выплаты. Суду следовало установить начальный момент течения данного срока, то есть день, когда пенсионный орган узнал или должен был узнать, исходя из его полномочий по контролю за расходованием его средств, о возможной утрате гражданином права на получение ежемесячной денежной выплаты, при этом начало течения срока исковой давности должно совпадать с моментом возникновения у пенсионного органа права на иск и возможности реализовать его в судебном порядке.

Однако судом первой инстанции не были установлены обстоятельства, связанные с определением момента возникновения у пенсионного органа с учетом имеющихся у него полномочий по контролю за расходованием его средств, в том числе на выплату пособий и компенсаций гражданам, пострадавшим от чернобыльской катастрофы, права на иск к Г. о взыскании суммы излишне выплаченной ежемесячной денежной выплаты на дочь Г.Е. Не были предметом исследования суда первой инстанции и причины отсутствия со стороны пенсионного органа контроля за расходованием средств на осуществление Г. ежемесячной денежной выплаты на дочь Г.Е. на протяжении столь длительного времени - с 1 июля 2009 г. до 31 марта 2018 г., а также обстоятельства, свидетельствующие о том, когда пенсионный орган должен был узнать о возможной утрате гражданином права на получение ежемесячной денежной выплаты, в том числе с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия, обеспечивающей информационное взаимодействие при предоставлении государственных и муниципальных услуг и исполнении государственных и муниципальных функций.

Ввиду изложенного выводы суда первой инстанции о том, что сведения о регистрации несовершеннолетней дочери Г. по новому месту жительства были получены пенсионным органом только 26 марта 2018 г. и эта дата является началом течения срока исковой давности по требованиям пенсионного органа к Г. о взыскании суммы неосновательного обогащения, вследствие чего

обращение пенсионного органа в суд 7 июня 2018 г. имело место в пределах срока исковой давности, признаны незаконными.

Неправомерным признано и применение судом первой инстанции к спорным отношениям положений ст. 395 ГК РФ, устанавливающих ответственность за неисполнение денежного обязательства.

Пунктом 1 ст. 395 ГК РФ определено, что в случаях неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате подлежат уплате проценты на сумму долга. Размер процентов определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды. Эти правила применяются, если иной размер процентов не установлен законом или договором.

Применение положений ст. 395 ГК РФ в конкретных спорах зависит от того, являются ли спорные имущественные правоотношения гражданско-правовыми, а нарушенное обязательство - денежным, а если не являются, то имеется ли указание законодателя о возможности их применения к спорным отношениям (п. 3 мотивировочной части определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 г. N 99-О).

Таким образом, положения ст. 395 ГК РФ предусматривают ответственность за нарушение денежного обязательства гражданско-правового характера и определяют последствия неисполнения или просрочки исполнения денежного обязательства, в силу которого на должника возлагается обязанность уплатить деньги, вернуть долг.

Между тем в данном случае спорные отношения связаны с реализацией гражданином права на получение мер социальной поддержки в связи с постоянным проживанием на территории зоны проживания с льготным социально-экономическим статусом. Эти отношения урегулированы нормами специального законодательства -Законом Российской Федерации от 15 мая 1991 г. N 1244-I "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС", Порядком осуществления ежемесячной денежной выплаты отдельным категориям граждан в Российской Федерации, утвержденным приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 30 ноября 2004 г. N 294, действовавшим на момент возникновения спорных отношений, которыми возможность взыскания с получателей ежемесячной денежной выплаты процентов за пользование чужими денежными средствами по правилам ст. 395 ГК РФ не предусмотрена.

Поскольку отношения по предоставлению несовершеннолетней Г.Е. мер социальной поддержки в виде ежемесячной денежной выплаты в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 27.1 Закона N 1244-I в рамках специального правового регулирования не носят гражданско-правового характера и не относятся к денежным обязательствам по смыслу, придаваемому этим обязательствам нормами ст. 395 ГК РФ, то взыскание судом с отца несовершеннолетней Г. процентов за пользование чужими денежными средствами (суммой ежемесячной денежной выплаты, предоставляемой ему на дочь как лицу, постоянно проживающему на территории зоны проживания с льготным социально-экономическим статусом) на основании ст. 395 ГК РФ противоречит нормативным положениям, подлежащим применению к спорным отношениям.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации судебные постановления суда первой и апелляционной инстанций отменила и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение N 15-КГ19-3

12. Размер компенсации морального вреда, присужденной ко взысканию с работодателя в пользу близкого родственника работника, смерть которого наступила вследствие несчастного случая на производстве, должен быть обоснован в том числе с учетом степени вины работодателя в произошедшем несчастном случае.

Вывод суда о размере компенсации морального вреда должен быть мотивирован.

С. Г. обратилась в суд с иском к организации о компенсации морального вреда, причиненного гибелью близкого родственника вследствие несчастного случая на производстве.

В обоснование заявленных требований С.Г. указала, что ее сын С. работал в этой организации по трудовому договору газоэлектросварщиком.

11 октября 2017 г. в 16 час. 30 мин. С., находясь на рабочем месте, был смертельно травмирован.

Ссылаясь на положения ст. 212, 237 ТК РФ и полагая, что причиной гибели С. явились грубые нарушения правил охраны труда и техники безопасности, допущенные по вине организации (работодателя), что было установлено в ходе проверки, проведенной территориальным управлением Ростехнадзора, С.Г. обратилась в суд с данным иском к работодателю, указав на причинение ей смертью близкого человека тяжелых моральных и нравственных страданий, а также на ухудшение состояния ее здоровья, которые она рассматривает как моральный вред, просит взыскать его компенсацию в размере 1 000 000 руб., расходы по оплате юридических услуг.

Представитель организации (ответчика по делу) в суде исковые требования С.Г. не признал.

Разрешая спор и частично удовлетворяя заявленные исковые требования о компенсации морального вреда, причиненного гибелью близкого родственника (сына) вследствие несчастного случая на производстве, суд первой инстанции с учетом норм ГК РФ о компенсации морального вреда и положений ТК РФ об охране труда исходил из того, что несчастный случай с сыном С.Г. произошел при исполнении им должностных обязанностей в результате неудовлетворительной организации производства работ со стороны работодателя. В связи с этим суд пришел к выводу о том, что организация как работодатель С. должна выплатить матери погибшего - С.Г. компенсацию морального вреда, причиненного ей смертью сына.

Определяя размер подлежащей взысканию с организации в пользу С.Г. в связи с гибелью при исполнении трудовых обязанностей работника данной организации С. (ее сына) компенсации морального вреда в сумме 300 000 руб., а не 1 000 000 руб., как просила истец, суд первой инстанции, исходя из положений п. 2 ст. 1083 ГК РФ об учете вины потерпевшего, сослался на то, что несчастный случай с погибшим С. произошел в том числе из-за грубой неосторожности самого С., выразившейся в выполнении работы, которую ему не поручали. В числе таких действий суд указал на то, что в момент возгорания и задымления экскаватора С. изначально выполнил указание машиниста покинуть экскаватор, но, находясь рядом с экскаватором, беспокоясь о его возгорании и желая защитить экскаватор от возгорания, нарушил дисциплину труда, проник в отверстие нижней рамы экскаватора и головой приблизился к высоковольтным кольцам поворотной платформы, получив поражение электрическим током.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, в том числе по размеру взысканной в пользу С.Г. компенсации морального вреда. Отклоняя довод апелляционной жалобы С.Г. о том, что судом первой инстанции неправомерно занижен размер присужденной ей компенсации морального вреда, суд апелляционной инстанции отметил, что при определении размера компенсации морального вреда суд первой инстанции учел все фактические обстоятельства, имеющие значение для дела, а также требования разумности и справедливости.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судов в части определения размера подлежащей взысканию в пользу С.Г. компенсации морального вреда в связи с гибелью ее сына С. вследствие несчастного случая на производстве основаны на неправильном толковании и применении норм права, регулирующих спорные отношения, а также сделаны с существенным нарушением норм процессуального права.

Отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, Судебная коллегия указала, что обжалуемые судебные постановления не отвечают требованиям положений п. 1 ст. 150, ст. 151, пп. 1, 2 ст. 1064, п. 1 ст. 1099, п. 2 ст. 1101 ГК РФ, регулирующих вопросы компенсации морального вреда и определения размера такой компенсации, и вынесены без учета разъяснений по их применению, содержащихся в пп. 2 и 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. N 10 "Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда", п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. N 1 "О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина", а также правовой позиции Европейского Суда по правам человека, изложенной в постановлении Европейского Суда по правам человека от 18 марта 2010 г. по делу "Максимов (Макштоу) против России".

Право на компенсацию морального вреда возникает при наличии предусмотренных законом оснований и условий ответственности за причинение вреда, а именно: физических или нравственных страданий потерпевшего, то есть морального вреда как последствия нарушения личных неимущественных прав или посягательства на иные нематериальные блага, неправомерного действия (бездействия) причинителя вреда, причинной связи между неправомерными действиями и моральным вредом, вины причинителя вреда. Поскольку, предусматривая в качестве способа защиты нематериальных благ компенсацию морального вреда, закон (ст. 151, 1101 ГК РФ) устанавливает лишь общие принципы для определения размера такой компенсации, суду при разрешении спора о компенсации морального вреда необходимо в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности, учесть заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела, а также требования разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения прав как основополагающие принципы, предполагающие установление судом баланса интересов сторон. При этом соответствующие мотивы о размере компенсации морального вреда должны быть приведены в судебном постановлении.

Вместе с тем, устанавливая компенсацию морального вреда в размере 300 000 руб., подлежащего взысканию с организации (работодателя) в пользу

матери погибшего работника - С.Г., суд первой инстанции ограничился приведением общих принципов определения размера компенсации морального вреда, закрепленных в положениях ст. 151, 1101 ГК РФ: обстоятельства, при которых был причинен вред, степень вины причинителя вреда, объем причиненных истцу переживаний, однако не применил их к спорным отношениям, не выяснил тяжесть причиненных истцу физических и нравственных страданий в связи с гибелью С., не учел индивидуальные особенности личности истца, не дал оценки ее доводам о причинении ей смертью близкого человека тяжелых моральных и нравственных страданий, а также об ухудшении состояния ее здоровья.

Из части первой ст. 21, части второй ст. 22, части первой ст. 210, части первой и абзаца второго части второй ст. 212, части первой ст. 219, части первой ст. 237 ТК РФ в их системной взаимосвязи следует, что работник имеет право на труд в условиях, отвечающих государственным нормативным требованиям охраны труда, включая требования безопасности. Это право работника реализуется исполнением работодателем обязанности создавать такие условия труда. При получении работником во время исполнения им трудовых обязанностей травмы или иного повреждения здоровья ему в установленном законодательством порядке возмещается материальный и моральный вред. В случае смерти работника в результате несчастного случая на производстве право на такое возмещение вреда имеют названные в законе лица, которым причинен ущерб в результате смерти кормильца. Моральный вред работнику, получившему трудовое увечье, и, соответственно, членам семьи работника, если смерть работника наступила вследствие несчастного случая на производстве, возмещает работодатель, не обеспечивший работнику условия труда, отвечающие требованиям охраны труда и безопасности.

Одной из основных обязанностей работника по трудовому договору является бережное отношение к имуществу работодателя, в том числе к имуществу третьих лиц, находящемуся у работодателя, если работодатель несет ответственность за сохранность этого имущества (абзац седьмой части второй ст. 21 ТК РФ).

Снижая более чем в три раза размер заявленной С. Г. ко взысканию с общества компенсации морального вреда, суд первой инстанции в качестве основания для уменьшения суммы компенсации морального вреда, исходя из положений п. 2 ст. 1083 ГК РФ, сослался на то, что несчастный случай с погибшим С. произошел в том числе из-за грубой неосторожности самого С., выразившейся в выполнении работы, которую ему не поручали.

Однако это суждение суда первой инстанции, приведенное в качестве основания для снижения размера компенсации морального вреда, не соответствует подлежащим применению в нормативном единстве и взаимосвязи положениям ст. 151, 1110 ГК РФ о принципах определения компенсации морального вреда, а также положениям абзаца седьмого части второй ст. 21 ТК РФ, которым на работника возложена обязанность бережно относиться к имуществу работодателя.

В соответствии с абзацем первым п. 2 ст. 1083 ГК РФ, если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен.

При грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда в случаях, когда его ответственность наступает независимо от вины, размер возмещения должен быть уменьшен или в возмещении вреда может быть отказано, если законом не предусмотрено иное. При причинении вреда жизни

или здоровью гражданина отказ в возмещении вреда не допускается (абзац второй п. 2 ст. 1083 ГК РФ).

Как разъяснено в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. N 1 "О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина", если при причинении вреда жизни или здоровью гражданина имела место грубая неосторожность потерпевшего и отсутствовала вина причинителя вреда, когда его ответственность наступает независимо от вины, размер возмещения вреда должен быть уменьшен судом, но полностью отказ в возмещении вреда в этом случае не допускается (п. 2 ст. 1083 ГК РФ). Вопрос о том, является ли допущенная потерпевшим неосторожность грубой, в каждом случае должен решаться с учетом фактических обстоятельств дела (характера деятельности, обстановки причинения вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего, его состояния и др.).

Между тем судом первой инстанции, сделавшим вывод о наличии в действиях С. грубой неосторожности и в связи с этим о наличии оснований для снижения размера компенсации морального вреда с причинителя этого вреда - работодателя, положения абзаца седьмого части второй ст. 21 ТК РФ, а также ст. 1083 ГК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по применению данной нормы не были приняты во внимание.

Как установлено судом и следует из материалов дела, основной причиной несчастного случая, в результате которого был смертельно травмирован С., явилось нарушение со стороны работодателя технологии производства ремонтных работ в не обеспеченном по требованиям безопасности месте - ремонтные работы проводились на крыше экскаватора, который не был отключен от энергоснабжения и находился под напряжением, при выполнении сварочных работ отсутствовали асбестовые полотна (коврики-искрогасители), предотвращающие возгорание. Эти нарушения привели к задымлению экскаватора, которое заметил С.

Судом первой инстанции не было учтено и то обстоятельство, что С. в сложившейся ситуации, выполняя работу, которая ему не была поручена, действовал в интересах работодателя, пытаясь спасти имущество работодателя - экскаватор - от возгорания и тем самым исключить причинение работодателю ущерба.

Действуя подобным образом, С. исполнял возложенную на работника абзацем седьмым части второй ст. 21 ТК РФ обязанность по бережному отношению к имуществу работодателя, в том числе к имуществу третьих лиц, находящемуся у работодателя, если работодатель несет ответственность за сохранность этого имущества.

Судом первой инстанции при рассмотрении данного дела обязанность работника по бережному отношению к имуществу работодателя фактически была поставлена в вину работнику С. и послужила для суда основанием для снижения размера компенсации морального вреда до 300 000 руб. матери работника в виду его смерти, что не может быть признано правомерным.

Суд первой инстанции не обосновал, почему он пришел к выводу о том, что сумма в 300 000 руб. является достаточной компенсацией причиненных истцу ответчиком нравственных страданий. Судом первой инстанции не учтено, что по смыслу действующего правового регулирования размер компенсации морального вреда определяется исходя из установленных при разбирательстве дела характера и степени понесенных истцом физических или

нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями истца, и иных заслуживающих внимания обстоятельств дела.

В решении суда также не приведены мотивы относительно степени вины работодателя в произошедшем несчастном случае на производстве с работником С. Вместе с тем его вина указана судом в числе обстоятельств, которые учитывались при определении размера компенсации морального вреда. При этом судом не дана оценка доводам истца о том, что причиной гибели С. явились грубые нарушения правил охраны труда и техники безопасности, допущенные по вине работодателя, что было установлено актом о несчастном случае на производстве.

Таким образом, вывод суда первой инстанции о размере взыскиваемой в пользу С. суммы компенсации морального вреда, в нарушение норм материального права об основаниях, о принципах и критериях определения размера компенсации морального вреда, не мотивирован, в решении суда не приведены доводы в обоснование размера присужденной истцу компенсации морального вреда со ссылкой на какие-либо доказательства, что не отвечает требованиям ст. 195 ГПК РФ о законности и обоснованности решения суда.

Суд апелляционной инстанции допущенные судом первой инстанции нарушения норм материального и процессуального права не устранил.

Определение N 53-КГ19-6

Процессуальные вопросы

13. Государственный служащий на основании ст. 28 и ч. 6 ст. 29 ГПК РФ вправе обратиться с иском об оспаривании дисциплинарного взыскания по своему выбору в суд по месту своего жительства либо в суд по месту нахождения работодателя (ответчика).

У. обратился в районный суд г. Калининграда (по месту своего жительства) с иском к Северо-Западному следственному управлению на транспорте Следственного комитета Российской Федерации (далее также - Северо-Западное следственное управление на транспорте), в котором просил признать незаконным и отменить приказ руководителя Северо-Западного следственного управления на транспорте о привлечении его к дисциплинарной ответственности в виде строгого выговора, взыскать компенсацию морального вреда.

Определением судьи районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковое заявление У. возвращено ему со ссылкой на п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ по причине неподсудности дела данному суду с разъяснением, что с этим исковым заявлением У. вправе обратиться в районный суд г. Санкт-Петербурга (с соблюдением общих правил о подсудности исков, установленных ст. 28 ГПК РФ, - по месту нахождения ответчика).

Судья первой инстанции, возвращая исковое заявление У., исходил из того, что заявленный У. спор не относится к трудовым, а является служебным, а потому положения ч. 6 ст. 29 ГПК РФ об альтернативной подсудности, то есть подсудности по выбору истца по искам о восстановлении трудовых прав, применению к его исковому заявлению не подлежат.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя материал по исковому заявлению У. в суд первой инстанции для

решения вопроса о принятии его к производству суда, руководствовалась ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации, ст. 28, чч. 6 и 10 ст. 29 ГПК РФ и исходила из следующего.

Из материала по иску У. к Северо-Западному следственному управлению на транспорте усматривается, что на момент обращения в районный суд г. Калининграда с названным иском майор юстиции У. являлся федеральным государственным служащим - сотрудником Следственного комитета Российской Федерации и занимал должность заместителя руководителя следственного отдела на транспорте СевероЗападного следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ "О системе государственной службы Российской Федерации" система государственной службы включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу, а также государственную службу иных видов. В соответствии с п. 3 данной статьи военная служба и государственная служба иных видов, которые устанавливаются федеральными законами, являются видами федеральной государственной службы.

Служба в Следственном комитете является федеральной государственной службой, которую проходят сотрудники Следственного комитета в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ "О Следственном комитете Российской Федерации" (далее также - Федеральный закон о Следственном комитете) и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (ч. 1 ст. 15).

Сотрудники Следственного комитета являются федеральными государственными служащими, исполняющими обязанности по замещаемой должности федеральной государственной службы с учетом особенностей, предусмотренных названным федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (ч. 2 ст. 15).

На сотрудников Следственного комитета (кроме военнослужащих) распространяется трудовое законодательство с особенностями, предусмотренными Федеральным законом о Следственном комитете (ч. 3 ст. 15).

Между тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, военная служба, служба в органах внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службе, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы и иная государственная служба, посредством прохождения которой граждане реализуют свое право на труд, является одной из форм свободного распоряжения своими способностями к труду и на выбор деятельности (постановление от 26 декабря 2002 г. N 17-П, определения от 10 марта 2005 г. N 14-О, от 24 июня 2008 г. N 333-О-О, от 23 марта 2010 г. N 357-О-О, постановление от 15 октября 2013 г. N 21-П, постановление от 12 января 2018 г. N 2-П).

Соответственно, прохождение У. службы в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации является формой реализации его права на труд, осуществляемого в виде профессиональной служебной деятельности по обеспечению исполнения полномочий федерального государственного органа.

Согласно ст. 381 ТК РФ индивидуальный трудовой спор -это неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора,

соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров.

Индивидуальные трудовые споры рассматриваются комиссиями по трудовым спорам и судами (ст. 382 ТК РФ).

В Федеральном законе о Следственном комитете не содержится понятие "служебный спор", вместе с тем данное понятие приводится в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации".

Индивидуальный служебный спор - неурегулированные между представителем нанимателя и гражданским служащим либо гражданином, поступающим на гражданскую службу или ранее состоявшим на гражданской службе, разногласия по вопросам применения законов, иных нормативных правовых актов о гражданской службе и служебного контракта, о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных служебных споров (ст. 69 названного федерального закона).

Согласно ч. 1 ст. 70 этого же федерального закона индивидуальные служебные споры рассматриваются комиссией государственного органа по служебным спорам, судом.

Из приведенных нормативных положений и правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации следует, что между трудовыми и служебными спорами отсутствуют сущностные различия - и те и другие представляют собой неурегулированные разногласия между работодателем (представителем нанимателя) и работником (государственным служащим). При разрешении данных споров осуществляется защита трудовых прав работника или государственного служащего либо констатируется правомерность действий работодателя (представителя нанимателя) посредством принятия решения органом по рассмотрению индивидуальных трудовых (служебных) споров, в частности судом.

Поскольку процессуальным законодательством не установлены специальные правила подсудности по искам, вытекающим из служебных споров, с учетом того, что государственная служба является одной из форм реализации гражданином права на труд, то в соответствии с нормативными положениями ч. 6.3 ст. 29 ГПК РФ об альтернативной подсудности по делам о восстановлении трудовых прав истец - государственный служащий (в данном случае сотрудник следственных органов Следственного комитета Российской Федерации) вправе обратиться с иском о защите трудовых прав в суд по своему месту жительства.

Таким образом, У. имел право по своему выбору на основании ст. 28 и ч. 6.3 ст. 29 ГПК РФ обратиться с иском об оспаривании дисциплинарного взыскания либо в суд по месту своего жительства, либо в суд по месту нахождения ответчика (Северо-Западного следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации).

С учетом изложенного вывод суда первой и апелляционной инстанций о том, что исковое заявление У. как федерального государственного служащего подлежит возврату, так как заявленный им спор является служебным и в соответствии со ст. 28 ГПК РФ должен рассматриваться по месту нахождения ответчика (Северо-Западного следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации) в районном суде г. Санкт-Петербурга, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала основанным на ошибочном толковании и применении норм процессуального права.

Определение N 71-КГ19-1

14. Гражданские дела, связанные с государственной тайной, в качестве суда первой инстанции рассматривают областные и равные им суды (п. 1 ч. 1 ст. 26 ГПК РФ).

Если при рассмотрении дела в суде общей юрисдикции будет установлено, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности, то данный суд передает дело на рассмотрение другого суда общей юрисдикции в соответствии с установленными правилами подсудности.

Щ. обратился в суд с иском к организации (работодателю) об отмене приказа о привлечении его к дисциплинарной ответственности в виде выговора, приказа о снятии формы допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, и приказа об отстранении его от работы. Щ. также просил обязать работодателя выплатить ему премии за 2018 год, в том числе за выполнение им государственного оборонного заказа, компенсацию морального вреда и судебные расходы.

При разрешении спора в части требований Щ. об отмене приказа о привлечении его к дисциплинарной ответственности в виде выговора суд первой инстанции исходил из того, что факт совершения Щ. дисциплинарного проступка, а именно ненадлежащего исполнения истцом по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, связанных с оформлением документов для получения предприятием соответствующих лицензий, нашел свое подтверждение при рассмотрении дела. В связи с этим суд пришел к выводу о наличии у работодателя оснований для применения к Щ. меры дисциплинарной ответственности в виде выговора.

Отказывая в удовлетворении иска в части требований Щ. об отмене приказа о снятии формы допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, суд первой инстанции исходил из того, что работодателем было выявлено нарушение Щ. взятых на себя согласно занимаемой должности обязательств, связанных с защитой государственной тайны, выразившееся в несоблюдении режима работы со сведениями ограниченного распространения, а также со сведениями, составляющими государственную тайну. Данные обстоятельства подтверждены решением комиссии предприятия, в связи с чем, по мнению суда, у ответчика имелись основания для издания оспариваемого приказа.

Рассматривая требования Щ. об отмене приказа об отстранении его от работы, суд первой инстанции установил, что этот приказ издан в связи с прекращением допуска Щ. к сведениям, составляющим государственную тайну, работодателем были предложены Щ. вакантные должности, не предусматривающие наличие у истца формы допуска к сведениям, составляющим государственную тайну. Суд полагал, что при наличии таких обстоятельств оснований для отмены приказа об отстранении Щ. от работы не имеется.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, как вынесенные с существенным нарушением норм процессуального права.

В силу ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Пунктом 1 ч. 1 ст. 26 ГПК РФ предусмотрено, что в качестве суда первой инстанции гражданские дела, связанные с государственной тайной, рассматривают верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и суд автономного округа.

Согласно абзацам второму и седьмому ст. 2 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. N 5485-I "О государственной тайне" к государственной тайне относятся защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации; гриф секретности - это реквизиты, свидетельствующие о степени секретности сведений, содержащихся в их носителе, проставляемые на самом носителе и (или) в сопроводительной документации на него.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ (в редакции, действовавшей до 1 октября 2019 г.) суд передает дело на рассмотрение другого суда, если при рассмотрении дела в данном суде выявилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности. С 1 октября 2019 г. в ч. 2 ст. 33 ГПК РФ внесены изменения: абзац первый после слова "суда" дополнен словами "общей юрисдикции" (подп. "б" п. 16 ст. 10 Федерального закона от 28 ноября 2018 г. N 451-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации").

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. N 13 "О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции", при наличии нарушений судом первой инстанции норм процессуального права, устанавливающих правила подсудности, суд апелляционной инстанции в соответствии со ст. 47 Конституции Российской Федерации и ч. 2 ст. 33 ГПК РФ отменяет постановление суда первой инстанции по основаниям ч. 3 ст. 330 ГПК РФ и передает дело в суд первой инстанции, к подсудности которого законом отнесено его рассмотрение.

Из материалов дела видно, что исковые требования Щ. связаны с проверкой законности приказа директора организации (работодателя) о снятии (прекращении) ему формы допуска к государственной тайне. Данный приказ имеет гриф секретности "секретно". В протоколе судебного заседания и в решении суда первой инстанции имеется указание о направлении органами Федеральной службы безопасности Российской Федерации в адрес руководства организации (работодателя) уведомления о создании Щ. угрозы разглашения государственной тайны и об отстранении его в связи с этим от работы, связанной с государственной тайной.

Между тем оспариваемый Щ. документ, имеющий гриф секретности "секретно", - приказ директора организации (работодателя), которым Щ. прекращен допуск к государственной тайне, а также уведомление органа Федеральной службы безопасности Российской Федерации, на которое ссылался суд первой инстанции в решении, предметом исследования и оценки суда не являлись.

Суду первой инстанции необходимо было поставить на обсуждение вопрос о подсудности данного дела, поскольку в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 26 ГПК РФ гражданские дела, связанные с государственной тайной, в качестве суда первой инстанции рассматривают верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и

суд автономного округа. Однако этого судом первой инстанции сделано не было.

Допущенные судом первой инстанции нарушения не были устранены и судом апелляционной инстанции.

В нарушение норм процессуального права, устанавливающих правила подсудности гражданских дел, связанных с государственной тайной (п. 1 ч. 1 ст. 26, п. 3 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ), судами первой и апелляционной инстанций не был решен вопрос о передаче данного дела на рассмотрение по подсудности в соответствующий суд, в то время как от изучения содержания документа, имеющего гриф секретности "секретно", зависело определение юридически значимых обстоятельств для правильного разрешения судом спора по требованиям Щ. об отмене приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности, снятии формы допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, об отстранении от работы.

Определение N 4-КГ20-8

Судебная коллегия по экономическим спорам

Споры, возникающие из корпоративных правоотношений

15. Предусматриваемые уставом общества с ограниченной ответственностью правила отчуждения доли в уставном капитале не могут противоречить существу законодательного регулирования отношений участия в таком обществе, заключающегося в том числе в недопустимости ситуации, при которой участнику на неразумно длительный период запрещается отчуждение своей доли или выход из общества с возможностью возврата своих инвестиций.

З. принадлежала доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в размере 0,091% номинальной стоимостью 1280 руб.

Обществом было проведено внеочередное общее собрание участников, на котором в том числе была утверждена новая редакция устава общества.

Согласно новой редакции устава участники общества пользуются преимущественным правом покупки доли или части доли участника по заранее установленной на званным уставом цене. Цена продажи участником доли или ее части определена в размере ее номинальной стоимости.

З. направил в адрес общества оферту в соответствии с п. 5 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" (далее - Закон N 14-ФЗ) о намерении продать третьему лицу часть принадлежащей ему доли в уставном капитале общества в размере 0,002% номинальной стоимостью 28 руб. 13 коп. за 990 000 руб.

В полученном З. ответе указано, что уставом общества не предусмотрено право продажи доли участника третьим лицам.

З. направил обществу новую оферту в соответствии с п. 5 ст. 21 Закона N 14-ФЗ о намерении продать принадлежащую ему часть доли в уставном капитале общества в размере 0,089% номинальной стоимостью 1251 руб. 86 коп. за 20 000 000 руб.

Три участника общества направили в адрес общества заявления об использовании преимущественного права покупки, в которых выразили намерение приобрести принадлежащую З. часть доли в размере 0,089% по заранее определенной уставом цене, равной ее номинальной стоимости, -

1251 руб. 86 коп.

Ввиду отсутствия у З. намерения продать принадлежащую ему долю по номинальной цене и отказа других участников юридического лица от ее приобретения З. направил обществу требование приобрести долю в размере 0,091% в уставном капитале по ее действительной стоимости, которая составляет 23 923 445 руб.

Данное требование истца оставлено без удовлетворения.

З., утверждая о наличии у него в силу п. 2 ст. 23 Закона N 14-ФЗ права требовать от общества приобрести принадлежащую ему долю по цене действительной стоимости, а также о том, что за принятие устава в новой редакции он не голосовал, результаты голосования по первому вопросу повестки дня собрания о единогласном утверждении устава в новой редакции фальсифицированы, в нарушение подп. 3 п. 3 ст. 67.1 ГК РФ решение нотариально не удостоверено, обратился в арбитражный" суд с иском к обществу о признании недействительной новой редакции устава ответчика, утвержденного решением внеочередного общего собрания его участников ; о взыскании действительной стоимости доли и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что обществом при подготовке, созыве и проведении внеочередного общего собрания участников не допущено нарушении действующего корпоративного законодательства, что установлено судебными актами по другим делам. Участники общества единогласно приняли решение об утверждении устава в новой редакции; в протоколе имеется подпись З. Решение собрания З. не оспорено, недействительным не признано. Истец фактически просит признать недействительным не новую редакцию устава, а решение собрания от указанной даты. Поскольку оферты З. о продаже части доли и доли содержали продажную стоимость, не соответствующую номинальной стоимости доли, что противоречит действующему уставу общества, а остальные участники отказались от их приобретения по предложенной рыночной цене, то у З. не возникло права на обращение с требованием к обществу о приобретении принадлежащей ему доли, а у юридического лица - обязанности по ее приобретению и выплате денежных средств.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу п. 1 ст. 12 Закона N 14-ФЗ устав общества является учредительным документом, в основе которого лежит товарищеское соглашение участников (учредителей), носящее в силу своей правовой природы гражданско-правовой характер.

При этом устав является сделкой и к нему применимы нормы гражданского законодательства о сделках, в том числе о решениях собраний, и об основаниях признания их недействительными.

Поскольку в данном случае изменения в устав общества (новая редакция устава) были утверждены решением собрания, оспаривание отдельных положении устава являлось, по существу, оспариванием указанного решения общего собрания участников общества.

Положения о таком специальном виде сделок, как решения собрания, должны применяться в системной взаимосвязи с общими положениями о сделках в части, не урегулированной правилами о решениях собраний и не

противоречащей их существу.

Так, согласно п. 2 ст. 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Следовательно, решение собрания, утвердившее устав (изменение в устав), может быть квалифицировано как ничтожное в части тех положений, которые посягают на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Одним из оснований ничтожности выступает то, что положение устава противоречит существу законодательного регулирования (п. 74 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации").

Согласно уставу в новой редакции участник общества вправе продать или иным образом уступить свою долю в уставном капитале общества либо ее часть одному или нескольким участникам данного общества лишь с согласия общества или других участников общества на совершение такой сделки. Участник общества не вправе продать или иным образом уступить свою долю в уставном капитале общества либо ее часть третьим лицам. Участники общества пользуются преимущественным правом покупки доли или части доли участника общества по заранее установленной на званным уставом цене. Цена продажи участникам доли или ее части устанавливается в размере ее номинальной стоимости. Уступка указанных преимущественных прав покупки доли или части доли в уставном капитале общества не допускается. Участник общества, намеренный продать свою долю или часть доли в уставном капитале общества третьему лицу, обязан известить в письменной форме об этом остальных участников общества и само общество путем направления через общество за свои счет нотариально удостоверенной оферты, адресованной этим лицам и содержащей указание цены и других условий продажи. Участник общества вправе воспользоваться преимущественным правом покупки доли или части доли в уставном капитале общества в течение тридцати дней с даты получения оферты обществом. Выход участника из общества не предусмотрен.

Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 3 июля 2014 г. N 1564-О, действующее правовое регулирование перехода доли (части доли) участника общества в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью к другому лицу учитывает природу хозяйственных обществ как организаций, основанных на экономическом самоопределении граждан и саморегулировании. В связи с этим вышеупомянутый федеральный закон "Об обществах с ограниченной ответственностью " и позволяет участникам обществ с ограниченной ответственностью предусмотреть в уставе дополнительные гарантии своих имущественных прав, в частности, в виде запрета на отчуждение доли или ее части в пользу лиц, не являющихся участниками общества, либо указать на необходимость получения согласия на подобное отчуждение.

Таким образом, в силу презумпции диспозитивности, положенной в основу регулирования общества с ограниченной ответственностью, все правила, касающиеся ограничения отчуждения доли в уставном капитале третьим лицам, включая право преимущественной покупки доли, могут быть изменены или полностью отменены уставом общества.

Вместе с тем предусматриваемые уставом правила не могут

противоречить существу законодательного регулирования товарищеского соглашения, которое заключается в том числе в недопустимости ситуации, при которой участнику запрещается выход из общества без возможности возврата своих инвестиций. Бессрочный запрет или необходимость получения согласия на отчуждение доли (акции) уравновешивается правом выхода из общества в случае отказа в согласии или при наличии запрета на отчуждение (п. 2 ст. 23 Закона N 14-ФЗ), но при этом с точки зрения баланса интересов допустим запрет (необходимость получать согласие) на отчуждение доли в течение разумного краткосрочного периода (например, экономически прогнозируемый срок окупаемости или срок разработки технологии) в отсутствие права на выход (права потребовать от общества приобрести долю) участника, затронутого такими ограничениями.

Преимущественное право покупки доли в уставном капитале выступает функциональным эквивалентом ограничений на отчуждение доли в уставном капитале, не исключая полностью отчуждение, но гарантируя сохранение персонального состава участников.

Следовательно, преимущественное право покупки доли также не может создавать препятствия в отчуждении участниками своих долей на неопределенно долгий срок, лишая их возможности вернуть свои инвестиции.

Так, в рассматриваемом деле за счет установления цены реализации преимущественного права в размере номинальной стоимости доли, по существу, участник вынужденно остается в обществе; при осуществлении преимущественного права по такой цене другими участниками он лишается справедливой стоимости принадлежащей ему доли в уставном капитале, что противоречит сути товарищеского соглашения, поскольку нарушает фундаментальный запрет полностью лишать участия в прибыли от общего дела (ст. 1048 ГК РФ).

Таким образом, решение собрания, утвердившее положение устава общества о закреплении заранее установленной цены покупки доли, которая существенно отличается от ее рыночной стоимости, и без ограничения срока действия такого условия разумным краткосрочным периодом является ничтожным, как противоречащее существу законодательного регулирования.

При этом в рамках рассмотрения данного дела ответчик не пояснял, чем было вызвано установление соответствующих положений устава о заранее определенной цене при реализации преимущественного права.

Соответственно, участник, в отношении которого действуют бессрочные условия о запрете на отчуждение доли или о необходимости получать согласие на ее отчуждение и такое согласие не получено, либо же уставом предусмотрена заведомо заниженная цена покупки доли по преимущественному праву на неопределенно долгий срок, вправе требовать от общества в силу п. 2 ст. 23 Закона N 14-ФЗ приобрести принадлежащую такому участнику долю (часть доли) и выплатить ее действительную стоимость.

Определение N 306-ЭС19-24912

Практика применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)

16. Неисполнение определения суда о возврате в конкурсную массу имущества, переданного должником по преференциальной сделке, является основанием для возбуждения дела о банкротстве контрагента должника.

Вступившими в законную силу определениями арбитражного суда о банкротстве общества на основании ст. 61.3 Федерального закона от 26

октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (далее - Закон о банкротстве) признаны недействительными расчетные операции по перечислению обществом денежных средств фирме, применены последствия недействительности этих операций в виде взыскания с фирмы в конкурсную массу общества денежных средств и восстановления требования фирмы к обществу в той же сумме.

В связи с неисполнением фирмой судебных актов о возврате денежных средств в конкурсную массу общества его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о банкротстве фирмы.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества признано необоснованным, производство по делу о банкротстве фирмы прекращено. При разрешении вопроса о том, какие требования учитываются в целях определения признаков банкротства, суды исходили из того, что инициировать дело о несостоятельности можно только по тем видам требований, которые прямо поименованы в п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Правовая позиция, касающаяся применения п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве, изложена в п. 12 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 марта 2018 г. В абзаце втором п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве применительно к денежным обязательствам законодателем употреблено словосочетание "в том числе". Это свидетельствует о том, что перечень денежных обязательств, на основании которых допускается возбуждение дела о банкротстве, не является исчерпывающим; исключения (виды денежных обязательств, не учитываемых при определении признаков банкротства) должны быть предусмотрены законом.

Реституционное требование о возврате в конкурсную массу полученного с предпочтением к числу такого рода исключений ни Законом о банкротстве, ни иными законами не отнесено.

При этом положения п. 3 ст. 328 ГК РФ, согласно которым сторона обязательства не вправе требовать по суду от другой стороны исполнения в натуре, не предоставив причитающегося с нее, не применяются к двусторонней реституции по сделке, признанной недействительной на основании ст. 61.3 Закона о банкротстве, поскольку порядок исполнения судебного акта о применении последствий недействительности такой сделки регулируется специальными положениями пп. 2, 3 ст. 61.6 Закона о банкротстве: кредитор несостоятельного должника приобретет восстановленное требование к этому должнику только после возврата в конкурсную массу полученного с предпочтением.

Следовательно, принудительное исполнение судебного определения о возврате в конкурсную массу имущества, переданного должником по преференциальной сделке, допускается как в общем порядке - в процедуре исполнительного производства, так и путем возбуждения дела о банкротстве контрагента должника.

Определение N 307-ЭС20-2237

17. Если аффилированное с должником лицо приобрело требование к

должнику у независимого кредитора после открытия процедуры банкротства, очередность погашения такого требования не понижается.

В рамках дела о банкротстве должника К. обратился в арбитражный суд с заявлением о процессуальной замене кредитора третьей очереди - общества на его правопреемника - К. К. является аффилированным с должником лицом.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление удовлетворенно. При этом суд апелляционной инстанции отметил, что факт процессуальной замены одного кредитора на другого, в том числе аффилированного с должником, сам по себе не приводит к нарушению прав конкурсных кредиторов.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции изменены в части. Требование К. признано обоснованным, но подлежащим удовлетворению после погашения требований, указанных в п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве, но приоритетно по отношению к требованиям лиц, получающих имущество должника по правилам п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве и п. 8 ст. 63 ГК РФ (очередность, предшествующая распределению ликвидационной квоты). Суд сослался на правовую позицию, изложенную в пп. 6 и 6.2 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 января 2020 г. (далее - Обзор), и исходил из того, что поскольку аффилированное лицо приобрело право требования к должнику уже в процедуре банкротства, то есть в очевидном для заявителя состоянии неплатежеспособности должника, то очередность требования нового кредитора, аффилированного с должником, должна быть понижена.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым заинтересованность (аффилированность) лица является самостоятельным основанием для отказа во включении в реестр требований кредиторов либо основанием для понижения очередности удовлетворения требований аффилированных (связанных) кредиторов по гражданским обязательствам, не являющихся корпоративными.

Вместе с тем из указанного правила имеется ряд исключений, которые проанализированы в Обзоре, обобщившем правовые подходы, позволяющие сделать вывод о наличии или об отсутствии оснований для понижения очередности (субординации) требования аффилированного с должником лица.

Так, в п. 6.2 Обзора раскрыта ситуация, когда очередность удовлетворения требования кредитора, являющегося контролирующим должника лицом, понижается (требование подлежит удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты), если этот кредитор приобрел у независимого кредитора требование к должнику на фоне имущественного кризиса последнего, создав тем самым условия для отсрочки погашения долга, то есть фактически профинансировал должника.

Однако в рамках данного спора приобретение требования к должнику по договору цессии осуществлено аффилированным лицом после признания должника банкротом.

Данное обстоятельство не позволяет рассматривать такое приобретение

как способ компенсационного финансирования должника в том смысле, который заложен в п. 6.2 Обзора.

Когда должник находится в состоянии имущественного кризиса, приобретение требования у независимого кредитора позволяет отсрочить погашение долга, вводя третьих лиц в заблуждение относительно платежеспособности должника и создавая у них иллюзию его финансового благополучия, что исключает необходимость подачи заявлений о банкротстве. В такой ситуации контролирующее либо аффилированное лицо принимает на себя риск того, что должнику посредством использования компенсационного финансирования в конечном счете удастся преодолеть финансовые трудности и вернуться к нормальной деятельности (п. 3.1 Обзора).

В ситуации, когда скрытый от кредиторов план выхода из кризиса не удалось реализовать, естественным следствием принятия подобного риска является запрет на противопоставление требования о возврате компенсационного финансирования независимым кредиторам, из чего вытекает необходимость понижения очередности удовлетворения требования аффилированного лица.

В отличие от обозначенной ситуации после введения процедуры по делу о банкротстве невозможно скрыть неблагополучное финансовое положение, так как такая процедура является публичной, открытой и гласной. Об осведомленности независимых кредиторов о наличии процедуры банкротства свидетельствует и сам факт включения их требований в реестр. В связи с этим выкуп задолженности у таких кредиторов не может рассматриваться как направленный на предоставление должнику компенсационного финансирования.

Таким образом, п. 6.2 Обзора не подлежит применению в ситуации, когда аффилированное лицо приобретает требование у независимого кредитора в процедурах банкротства.

Определение N 305-ЭС20-8593

18. Цена доли в праве собственности на нежилое помещение при банкротстве сособственника должна быть определена по результатам открытых торгов. Вместе с тем имущество подлежит реализации победителю торгов только после предоставления другим сособственникам возможности реализовать преимущественное право покупки.

Решением арбитражного суда К. признан банкротом, введена процедура реализации его имущества.

К. и его супруга владеют нежилым помещением.

По данным экспертной оценки, рыночная стоимость 1/2 доли в праве общей собственности на нежилое помещение составляет 971 500 руб.

Финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением об утверждении разработанного им положения о порядке реализации имущества должника - 1/2 доли в праве общей собственности на нежилое помещение (далее - положение о реализации). Положение о реализации предусматривало, что долю в нежилом помещении сначала предлагается выкупить сособственнику по цене, установленной экспертом, а случае отказа сособственника проводятся открытые торги.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, положение о реализации утверждено в редакции, предложенной финансовым управляющим.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила

названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По общему правилу, имущество гражданина подлежит реализации на торгах в порядке, установленном Законом о банкротстве (п. 3 ст. 213.26 Закона о банкротстве).

В ст. 255 ГК РФ, регулирующей общие правила обращения взыскания на долю в общем имуществе, предусмотрен алгоритм последовательных действий кредитора, преследующего цель удовлетворить свои требования за счет стоимости этой доли (каждый последующий этап возможен при недостижении цели на предыдущем): выдел доли должника в общем имуществе и обращение на нее взыскания ; продажа должником доли остальным участникам общей собственности по рыночной цене с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга; требование по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов.

В то же время Законом о банкротстве установлено, что имущество должника-банкрота (за редким исключением) может быть реализовано только на торгах (п. 1 ст. 126 и п. 3 ст. 139, п. 3 ст. 213.26 Закона о банкротстве).

В силу этого судебный акт о признании должника банкротом санкционирует обращение взыскания на все его имущество, в том числе и на долю в праве общей собственности, и это не позволяет применить положения ст. 255 ГК РФ, касающиеся отношений, возникающих до получения этой санкции.

Проведением публичных торгов достигается установленная Законом о банкротстве цель : возможно большее удовлетворение требований кредиторов должника-банкрота. Однако законодательством также преследуется цель ухода от долевой собственности как нестабильного юридического образования и охраняется интерес сособственника на укрупнение собственности посредством предоставления последнему преимущественного права покупки доли (ст. 250 ГК РФ). Каких-либо законных оснований для вывода о том, что при банкротстве должника его сособственник лишается преимущественного права покупки доли, не имеется.

Таким образом, при продаже доли должника-банкрота сталкиваются противоположные и защищаемые законом имущественные интересы кредиторов и сособственников должника.

Судебная коллегия полагает, что при действующем правовом регулировании баланс этих интересов будет соблюден следующим образом. Цена доли должника в праве общей собственности на нежилое помещение должна быть определена по результатам открытых торгов. После определения в отношении доли должника победителя торгов (в том числе иного лица, с которым в соответствии с Законом о банкротстве должен быть заключен договор купли-продажи) сособственнику должна предоставляться возможность воспользоваться преимущественным правом покупки этого имущества по цене, предложенной победителем торгов, посредством направления предложения о заключении договора. В случае отказа сособственника или отсутствия его волеизъявления в течение определенного срока с даты получения им предложения имущество должника подлежит реализации победителю торгов.

Такой подход, помимо прочего, отвечает существу преимущественного права покупки, заключающегося в наличии у определенного законом лица правовой возможности приобрести имущество на тех условиях (в том числе по той цене), по которым это имущество готово приобрести третье лицо. До

выявления победителя торгов такого третьего лица не имеется.

Следует заметить, что специального регулирования преимущественного права покупки доли в праве общей собственности на нежилое помещение при обращении на нее взыскания в законодательстве не имеется, а вопрос о реализации преимущественного права покупки в иных ситуациях, связанных с банкротством (в частности, о цене, по которой покупатель может реализовать свое право), в Законе о банкротстве разрешен в пользу рыночной цены, определенной на торгах (п. 3 ст. 179, п. 8 ст. 195, п. 4 ст. 201).

Вопреки выводам судов, экспертная оценка доли не может корректно отображать рыночную стоимость имущества, поскольку она имеет предварительный, предположительный характер. Ее результат в идеале менее достоверен, чем цена, определенная по факту по результатам открытых торгов, то есть собственно рынка как такового. Применение оценочной цены не решает проблему несовершенства методик оценки, качества используемых исходных данных, субъективного фактора в оценке стоимости имущества или возможных злоупотреблений, связанных как с завышением, так и с занижением цены. К тому же правовые нормы о банкротстве гражданина (п. 2 ст. 213.26 Закона о банкротстве) не обязывают финансового управляющего проводить экспертную оценку имущества должника.

Определение N 306-ЭС19-22343

19. Собственник недвижимого имущества, проданного в рамках процедуры банкротства другого лица, на основании чего изменена информация о правообладателе в государственном реестре, вправе защитить свои права путем предъявления иска о признании права собственности к лицу, указанному в реестре в качестве правообладателя, если собственником не было утрачено владение этим имуществом.

Д. (продавец) и И. (покупатель) заключили договор купли-продажи квартиры.

Запись о регистрации права собственности И. на квартиру внесена в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее - государственный реестр).

Впоследствии определением арбитражного суда возбуждено дело о банкротстве Д. Решением того же суда она признана банкротом, введена процедура реализации ее имущества, в ходе которой финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о признании договора купли - продажи квартиры недействительным.

Определением арбитражного суда первой инстанции заявление финансового управляющего удовлетворено, договор признан недействительным, применены последствия его недействительности в виде признания права собственности Д. на квартиру. При этом ни И., ни ее представитель в судебных заседаниях суда первой инстанции участия не принимали.

На основании указанного определения внесена запись о регистрации права собственности Д. на квартиру.

В дальнейшем квартира была выставлена финансовым управляющим на продажу как имущество Д. (должника), составляющее конкурсную массу. Торги по продаже квартиры состоялись, их победителем признан Р., с которым финансовый управляющ ий заключил договор купли -продажи квартиры.

За день до подписания договора купли-продажи и акта приема-передачи к нему представители финансового управляющего выехали к месту нахождения

квартиры и оформили акт. В этом акте отражено, что соседи И. отказались допустить представителей управляющего в общеквартирный коридор, отгороженный металлической дверью, вызвали сотрудников полиции и родственников И., родственники И. сделали заявление о незаконности действий представителей управляющего, отказали им в доступе в квартиру.

Финансовый управляющий составил иск о признании И. утратившей право пользования квартирой, указав в нем, что И., не являясь собственником, фактически владеет квартирой, хранит в ней личные вещи, отказывается передать управляющему ключи. Данный иск подан в суд общей юрисдикции.

В свою очередь, И., узнав о притязаниях третьих лиц на квартиру, подала апелляционную жалобу на определение суда первой инстанции, заявив ходатайство о восстановлении пропущенного срока на обжалование.

Вскоре после этого в государственный реестр внесена запись о регистрации права собственности Р. на квартиру.

Впоследствии суд апелляционной инстанции, признав уважительными причины пропуска И. срока на обжалование определения, отменил данное определение и отказал в удовлетворении заявления финансового управляющего о признании договора купли-продажи квартиры недействительным и о применении последствий его недействительности.

Суд установил, что И., приобретая квартиру, действовала добросовестно, исполнила надлежащим образом обязательство по оплате недвижимости, цена сделки соответствовала рыночной.

И., добившись отмены судебного акта о недействительности договора о продаже ей квартиры, обратилась в суд первой инстанции с заявлением о признании недействительными торгов, договора купли-продажи квартиры, заключенного конкурсным управляющим и Р., прекращении права собственности Р. на квартиру и признании ее права собственности на квартиру.

До разрешения данного спора арбитражным судом суд общей юрисдикции отказал в удовлетворении иска финансового управляющего о признании И. утратившей право пользования квартирой. Суд общей юрисдикции исходил из того, что право собственности И. на квартиру возникло на основании действительного договора купли -продажи, это право она никогда не утрачивала, в том числе не утрачивала право пользования жилым помещением, недвижимость с момента приобретения из ее фактического владения не выбывала.

Затем в рамках данного обособленного спора арбитражный суд первой инстанции удовлетворил в части заявление И., признав недействительными результаты торгов.

Суд апелляционной инстанции отменил названное определение суда первой инстанции и признал заявление И. необоснованным.

Постановление суда апелляционной инстанции мотивировано тем,

что торги могут быть признаны недействительными только при нарушении процедуры их проведения, в рассматриваемом случае таких нарушений не допущено, квартира на момент продажи Р. была включена в конкурсную массу Д.

Арбитражный суд округа согласился с судом апелляционной инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, а также определение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении требований И., требование И. о признании права собственности на квартиру отправила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

И. приобрела право собственности на квартиру на основании действительного договора купли-продажи, исполненного обеими сторонами. Она приняла недвижимость в фактическое владение, оплатила ее и зарегистрировала право собственности за собой в государственном реестре, став собственником.

С момента приобретения квартира из ее владения никогда не выбывала.

Установленные законом основания для прекращения права собственности И. не возникли. Ошибочное судебное решение, отмененное впоследствии, к числу таких оснований не относится. Следовательно, внесенные в государственный реестр записи о прекращении права собственности И. на квартиру и восстановлении права собственности Д. являлись недостоверными.

Поскольку квартира включена в конкурсную массу в отсутствие к тому законных оснований, финансовый управляющий не мог распорядиться данной квартирой (п. 1 ст. 209 ГК РФ).

В случае проявления Р. минимальной степени осмотрительности, которая от него требовалась в сложившейся ситуации, - осмотра недвижимости перед заключением сделки, он с неизбежностью узнал бы о том, что владение осуществляется иным, отличным от продавца, лицом, и о пороках регистрационной записи о восстановлении права собственности Д. на квартиру. Поэтому Р. не может считаться добросовестным приобретателем. Он, равно как и финансовый управляющий, выехавший на осмотр квартиры только после ее продажи с торгов, не вправе в силу абзаца второго п. 6 ст. 8.1 ГК РФ обосновывать возражения по иску И. ссылками на то, что они разумно полагались на записи государственного реестра о правах Д., не зная об их недостоверности.

При таких обстоятельствах следует признать, что Р. не приобрел право собственности на квартиру (п. 2 ст. 218 ГК РФ).

Судебная коллегия считает, что права И. были нарушены не самими фактами проведения торгов, заключения договора с Р., а регистрацией права собственности последнего. Эта регистрация была осуществлена безосновательно и привела к тому, что юридическая судьба квартиры была решена вопреки воле собственника, оставшегося лишь фактическим владельцем.

Как разъяснено в пп. 58 и 59 совместного постановления Пленума Верховного Суда Российск ой Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" (далее - постановление N 10/22), лицо, считающее себя собственником находящегося в его владении недвижимого имущества, право на которое зарегистрировано за иным субъектом, вправе обратиться в суд с иском о признании права собственности. Если иное не предусмотрено законом, иск о признании права подлежит удовлетворению в случае представления истцом доказательств возникновения у него соответствующего права.

Требование о признании права собственности на квартиру, наряду с другими, И., не состоящая в обязательственных правоотношениях с Р. и не утратившая владение, передала на разрешение арбитражного суда первой инстанции. Данное требование она обратила к надлежащему ответчику - лицу, числящемуся в государственном реестре правообладателем. Именно указанное требование подлежало удовлетворению судом, поскольку в этой части И. избрала надлежащий способ защиты и ее иск подтвержден необходимыми доказательствами. Соответствующее судебное решение о признании права

собственности И. должно было стать основанием для корректировки записей государственного реестра, приведения их в соответствие с реальным положением дел (абзац второй п. 52 постановления N 10/22).

Однако в настоящее время Судебная коллегия лишена возможности удовлетворить названное требование И., поскольку, как пояснили в судебном заседании ее представитель, представители финансового управляющего и Р., после истребования дела Верховным Судом Российской Федерации подписан договор о дальнейшем отчуждении квартиры иному лицу, переход права собственности к которому зарегистрирован в государственном реестре. Последний правообладатель к участию в деле не привлечен.

При этом согласно положениям п. 1 ст. 2 АПК РФ основной задачей судопроизводства в арбитражном суде является защита нарушенных прав и законных интересов.

И., не совершившая каких -либо неосмотрительных и тем более противоправных действий, активно пытается в судебном порядке защитить права на приобретенную в соответствии с законом квартиру, в которой она фактически проживает, в трех судебных процессах - в рамках споров о недействительности договора купли-продажи, о ее выселении и данного спора.

Исходя из обстоятельств рассматриваемого дела, изменившихся после подачи кассационной жалобы, Судебная коллегия считает возможным изложить в резолютивной части своего определения вывод о том, что право собственности Р. на квартиру никогда не возникало, и оставить в силе определение суда первой инстанции в части признания результата торгов недействительным, имея в виду недействительность порожденного этим договором юридического эффекта в виде перехода права собственности к Р.

Определение N 305-ЭС19-3996 (6)

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

20. Отказ в удовлетворении иска должника к кредитору о снижении договорной неустойки со ссылкой на то, что положения ст. 333 ГК РФ применяются лишь в том случае, когда иск о взыскании неустойки предъявлен кредитором, является неправомерным.

Уполномоченный орган публично-правового образования (далее - департамент, арендодатель) и общество (арендатор) заключили договор аренды нежилого помещения площадью 125,4 кв. м для использования в целях торговли. В соответствии с условиями договора в случае использования помещения по назначению, которое не предусмотрено договором аренды, арендатор обязан уплатить штраф в размере годовой арендной платы.

Департамент произвел осмотр арендованного обществом помещения, по результатам которого составил акт о том, что фактическое использование помещения соответствует договору, но на части помещения (площадью 1 кв. м) размещен платежный терминал для оплаты мобильной связи и услуг ЖКХ.

Департамент направил обществу требование об уплате штрафа в размере годовой арендной платы ввиду размещения данного платежного терминала.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к департаменту о применении положений ст. 333 ГК РФ и снижении размера штрафа.

Суд первой инстанции согласился с доводами общества и снизил размер штрафа.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без

изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано. Суды апелляционной и кассационной инстанций пришли к выводу, что обращение с подобным иском является преждевременным, поскольку департамент не обращался в суд с требованием о взыскании с общества штрафа, сумма штрафа в размере, указанном в претензии департамента, не списана со счета должника.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В силу ст. 2 АПК РФ одной из задач судопроизводства в арбитражных судах является защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в порядке, установленном Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 4 АПК РФ).

Согласно ст. 12 ГК РФ защита гражданских прав осуществляется различными способами, перечень которых не является исчерпывающим.

В соответствии с п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

В силу п. 1 ст. 333 ГК РФ, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку; если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить неустойку при условии заявления должника о таком уменьшении. Уменьшение неустойки, определенной договором и подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, допускается в исключительных случаях, если будет доказано, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению кредитором необоснованной выгоды (п. 2 ст. 333 ГК РФ).

В соответствии с разъяснениями, приведенными в п. 79 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. N 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств" (далее - постановление N 7), в случае списания по требованию кредитора неустойки со счета должника (п. 2 ст. 847 ГК РФ), а равно зачета суммы неустойки в счет суммы основного долга и/или процентов должник вправе ставить вопрос о применении к списанной неустойке положений ст. 333 ГК РФ, например, путем предъявления самостоятельного требования о возврате излишне уплаченного (ст. 1102 ГК РФ). В то же время, если подлежащая уплате неустойка перечислена самим должником, он не вправе требовать снижения суммы такой неустойки на основании ст. 333 ГК РФ (подп. 4 ст. 1109 ГК РФ), за исключением случаев, если им будет доказано, что перечисление неустойки являлось недобровольным, в том числе ввиду злоупотребления кредитором своим доминирующим положением.

Согласно изложенным разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации допускается возможность самостоятельного обращения должника в суд с требованием о снижении размера неустойки в отдельных случаях, перечень которых в названном постановлении не является исчерпывающим, так как закон не содержит прямого запрета на предъявление должником кредитору

такого требования. Аналогичная правовая позиция приведена в п. 17 Обзора судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 сентября 2017 г.

Данный способ защиты направлен на установление правовой определенности в отношениях между сторонами обязательства в части суммы подлежащей уплате неустойки (штрафа), изначальный размер которой должник считает чрезмерным.

Общество, с которым договор аренды принадлежащего городу Москве помещения заключен на аукционе, не отрицая факта нарушения им обязательства по договору аренды и необходимости понести ответственность за допущенное нарушение в виде штрафа, получив претензию департамента с требованием уплатить штраф, правомерно обратилось с настоящим иском в суд для определения соразмерного объема ответственности и о применении к начисленному штрафу положений ст. 333 ГК РФ, полагая, что начисленный департаментом штраф является завышенным, несоразмерным последствиям нарушения им обязательства и, как следствие, нарушающим его права и законные интересы в сфере предпринимательской деятельности.

При таком положении являются неверными, не соответствующими приведенным нормам права и разъяснениям постановления N 7 выводы судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что обращение общества с настоящим иском в суд является преждевременным, а доводы о завышенном размере штрафа и о его снижении общество вправе приводить только при рассмотрении спора о взыскании этого штрафа.

Определение N 305-ЭС19-25950

21. Условие банковской гарантии об освобождении гаранта от ответственности за умышленное нарушение им собственных обязательств является ничтожным.

Банк (гарант) выдал клубу (бенефициару) банковскую гарантию в обеспечение исполнения обязательств общества (заемщика) перед клубом (займодавцем). Условиями гарантии предусматривалось, что ответственность гаранта за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательств по банковской гарантии ограничивается текущим объемом обязательств по банковской гарантии. Убытки, причиненные бенефициару вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения гарантом своих обязательств по банковской гарантии, возмещению не подлежат.

Общество не вернуло заем клубу, и клуб обратился к банку с требованием об осуществлении выплаты по банковской гарантии. Банк отказал в выплате.

Решением суда, вступившим в законную силу, с банка в пользу клуба взыскана задолженность по банковской гарантии.

Клуб обратился в арбитражный суд с иском к банку о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами за период необоснованного неисполнения обязательства банка.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды применили условие банковской гарантии об исключении ответственности гаранта за неисполнение обязательства.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила

названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В п. 1 ст. 377 ГК РФ установлено, что предусмотренное банковской гарантией обязательство гаранта перед бенефициаром ограничивается уплатой суммы, на которую выдана гарантия. В данном пункте речь идет о пределах собственного обязательства гаранта перед бенефициаром, которое выражается в обязанности полностью и своевременно выплатить денежную сумму по гарантии.

Ответственность гаранта за неисполнение или ненадлежащее исполнение этого его обязательства урегулирована в п. 2 ст. 377 ГК РФ. При отсутствии в гарантии иных условий бенефициар вправе получить от гаранта, допустившего необоснованную просрочку, проценты в соответствии со ст. 395 ГК РФ.

Обязательство гаранта по банковской гарантии выплатить сумму бенефициару при соблюдении условий гарантии является денежным, и ответственность гаранта перед бенефициаром за невыполнение или ненадлежащее выполнение гарантом обязательства по гарантии не ограничивается суммой, на которую выдана гарантия, если в гарантии не предусмотрено иное. Следовательно, при отсутствии в гарантии иных условий бенефициар вправе требовать от гаранта, необоснованно уклонившегося или отказавшегося от выплаты суммы по гарантии либо просрочившего ее уплату, выплаты процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ.

По общему правилу, собственная ответственность гаранта не ограничена суммой, на которую выдана гарантия. Однако норма, изложенная в п. 2 ст. 377 ГК РФ, носит диспозитивный характер, на что прямо в ней указано, и в банковской гарантии может быть предусмотрено иное.

В таком случае необходимо с учетом существа нормы и целей законодательного регулирования определить пределы диспозитивности, в рамках которых в банковской гарантии может быть установлено условие, отличное от общего правила, содержащегося в п. 2 ст. 377 ГК РФ. Ограничение диспозитивности может быть продиктовано существом законодательного регулирования данного вида обязательства, необходимостью защиты соответствующих особо значимых охраняемых законом интересов или недопущением грубого нарушения баланса интересов участников правоотношений.

Не имеется достаточных оснований полагать, что гарант обладает безграничной свободой усмотрения при формулировании им в банковской гарантии условия о собственной ответственности. В частности, в банковской гарантии не может быть условия об освобождении гаранта от ответственности за нарушение им собственных обязательств (в том числе за просрочку оплаты) по его же умышленной вине.

Данный вывод основан, прежде всего, на категоричном запрете о заключении предварительного соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства, установленного в п. 4 ст. 401 ГК РФ.

Этот запрет актуален и для банковской гарантии, поскольку, во-первых, нормы о банковской гарантии не содержат правила, указывающего на допустимость и действительность условия гарантии, исключающего ответственность гаранта в случае его умысла.

Во-вторых, к банковской гарантии применим п. 4 ст. 401 ГК РФ в силу ст. 156 ГК РФ, согласно которой к односторонней сделке применяются общие положения об обязательствах и о договорах, поскольку это не противоречит

закону, одностороннему характеру и существу сделки.

В-третьих, свобода умышленного нарушения обязательства не влечет для нарушителя никаких неблагоприятных последствий и тем самым лишает обязательство силы, что противоречит самому существу понятия обязательства и позволяет должнику действовать недобросовестно в нарушение положений п. 4 ст. 1 ГК РФ. Наделение должника возможностью не отвечать за умышленное нарушение позволяет ему по своему усмотрению решать, исполнять ему обязательство или нет, что явно нарушает баланс интересов участников правоотношений. По сути, отсутствие ответственности даже за умышленное нарушение обязательств - это полная безответственность, что никак не отвечает целям правового регулирования обязательственных правоотношений

Отсюда следует, что ни существо правового регулирования банковской гарантии, ни защита каких -либо особо значимых охраняемых интересов, ни баланс интересов не позволяют обосновать исключение ответственности гаранта при наличии в его действиях умышленного нарушения своих обязательств.

Таким образом, условие об исключении ответственности гаранта за просрочку выплаты должно признаваться ничтожным либо толковаться ограничительно в системной взаимосвязи с положениями п. 4 ст. 401 ГК РФ и не подлежит применению к случаям умышленного нарушения гарантом своих обязательств, то есть к ситуациям, когда гарант в результате, например, несвоевременного рассмотрения требования бенефициара, отказа ему в выплате по надуманным основаниям, вынуждающим нести издержки при выполнении необоснованных требований гаранта, не проявил минимальной степени заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась для своевременного исполнения обязательства.

В данном деле Судебная коллегия полагает, что положения банковской гарантии следует толковать таким образом, что они не освобождают банк от его ответственности за умышленное нарушение собственных обязательств вне зависимости от той суммы, которую он выплатил по банковской гарантии.

Определение N 305-ЭС19-25839

22. В результате передачи договора (ст. 392.3 ГК РФ) к третьему лицу переходят все права и обязанности стороны, в том числе возникшие до передачи договора, если иное прямо не установлено в соглашении о передаче договора.

Комбинатом (заказчик) и обществом (подрядчик) заключен договор монтажных и пусконаладочных работ. В соответствии с условиями договора при просрочке исполнения обязанности по исправлению выявленных недостатков работ подрядчик уплачивает заказчику неустойку.

После подписания актов о приемке выполненных работ заказчиком выявлены недостатки, которые признаны подрядчиком и отражены в двусторонних актах осмотра.

Впоследствии комбинатом (заказчиком), обществом (подрядчиком) и фирмой (новым подрядчиком) заключено трехстороннее соглашение о передаче договора, в соответствии с которым подрядчик передает новому подрядчику указанный договор монтажных и пусконаладочных работ. Соглашением о передаче договора было предусмотрено, что подрядчик передает все его права и обязанности, включая гарантийные обязательства по договору, а также в соглашении были указаны конкретные суммы неотработанного аванса и

штрафных санкций, размер которых определял обязательства нового подрядчика.

Заказчик направил новому подрядчику акт-предписание, согласно которому новому подрядчику необходимо исправить недостатки работ, которые выявлены до подписания соглашения о передаче договора.

Новый подрядчик отказался безвозмездно устранять указанные недостатки.

Заказчик обратился в арбитражный суд с требованием к новому подрядчику об уплате неустойки за просрочку в устранении недостатков работ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что соглашением о передаче договора предусмотрены конкретные суммы, определяющие размер обязательств нового подрядчика, и требуемая заказчиком неустойка в эти суммы не входит.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с положениями ст. 392 ГК РФ в случае одновременной передачи стороной всех прав и обязанностей по договору другому лицу (передача договора) к сделке по передаче соответственно применяются правила об уступке требования и о переводе долга.

Как указано в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. N 54 "О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки" (далее - постановление N 54), по смыслу ст. 392 ГК РФ стороны договора и третье лицо вправе согласовать переход всех прав и обязанностей одной из сторон договора третьему лицу. В этом случае к третьему лицу переходит комплекс прав и обязанностей по договору в целом, в том числе в отношении которых не предполагается совершение отдельной уступки или перевода долга, в частности, по отношению к третьему лицу, вступившему в договор, у кредитора сохраняется право на безакцептное списание денежных средств, если это право было предоставлено кредитору по отношению к первоначальному должнику.

Сторонами в соглашении о передаче договора не поименованы какие-либо конкретные права и обязанности, не подлежащие передаче новому подрядчику, что позволило бы согласиться с выводами судов о толковании условий договора о передаче новому подрядчику лишь части обязательств. Напротив, в соглашении прямо указано на передачу гарантийных обязательств по договору, которые существуют на дату его подписания.

Соглашение не содержит условий об исключении каких -либо конкретных прав и обязанностей по договору из всего их объема, передаваемых новому подрядчику.

В абзаце третьем п. 43 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора " (далее - постановление N 49) указано, что условия договора подлежат толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Толкование договора не должно приводить к такому пониманию условия

договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду.

Согласно п. 43 постановления N 49 при толковании условий договора в силу абзаца первого ст. 431 ГК РФ судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений (буквальное толкование). Такое значение определяется с учетом их общепринятого употребления любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно (п. 5 ст. 10, п. 3 ст. 307 ГК РФ), если иное значение не следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела. Значение условия договора устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом (абзац первый ст. 431 ГК РФ). Условия договора толкуются и рассматриваются судом в их системной связи и с учетом того, что они являются согласованными частями одного договора (системное толкование).

Таким образом, поскольку соглашение предусматривало передачу всего договора, в том числе включая гарантийные обязательства, без исключения каких -либо прав и обязанностей, у судов при толковании договора не имелось оснований для выводов о передаче ответчиком только обязанностей по выполнению оставшихся работ и ответственности в отношении тех работ, которые не выполнены подрядчиком на момент заключения соглашения о передаче договора.

Поскольку целью соглашения являлась передача ответчику всех прав и обязанностей первоначального подрядчика, что предполагало полную его замену, то ссылку на переход только их части нельзя признать обоснованной и соответствующей природе такого обязательства, по общему правилу предусматривающего полную передачу всех прав и обязанностей.

Равным образом в абзаце втором п. 29 постановления N 54 разъяснено, что по смыслу ст. 392 и 391 ГК РФ, если с согласия арендодателя арендатор и третье лицо заключили договор перенайма, то третье лицо полностью заменяет первоначального должника в отношениях с кредитором и обязано вносить арендную плату за все периоды пользования имуществом, в том числе до вступления в договор, если в соглашении о передаче договора не предусмотрено иное.

Определение N 309-ЭС20-1152

23. Толкование договора должно осуществляться в том числе на основе принципа добросовестности, в частности, при наличии сомнений в том, является ли договор заключенным в пользу третьего лица, такой договор должен толковаться как предоставляющий права третьему лицу, если иной подход приведет к произвольному лишению третьего лица компенсации за утрату права собственности.

Общество являлось собственником нежилого здания, которое расположено на земельном участке публично-правового образования, переданном обществу в аренду на неопределенный срок.

Публично-правовое образование уведомило общество о прекращении аренды на основании ст. 610 ГК РФ.

Компанией и публичным образованием был заключен инвестиционный контракт на строительство многоэтажного гаража-стоянки с торговым комплексом на строительной площадке, включающей земельный участок, на котором расположено нежилое здание общества. В контракте было указано, что объект не свободен от текущих имущественных обязательств перед обществом и из торговых площадей, подлежащих разделу по результатам

реализации контракта, исключается площадь, принадлежащая на праве собственности обществу. Контракт также предусматривал выделение конкретного размера торговой площади обществу.

Впоследствии компания признана банкротом, в отношении ее открыто конкурсное производство.

Решением уполномоченного органа публичного образования контракту присвоен статус "прекращен", на объект незавершенного строительства оформлен соответствующий кадастровый паспорт.

Компания уступила свои права по контракту фирме.

Фирма обратилась в арбитражный суд с иском к публично-правовому образованию о признании права собственности на долю в объекте незавершенного строительства. Публично-правовое образование обратилось со встречным иском к фирме об определении доли по инвестиционному контракту и о признании права собственности на долю в объекте незавершенного строительства.

Общество вступило в указанное дело в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора об определении доли по инвестиционному контракту и о признании права собственности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, первоначальный и встречный иски удовлетворены, в удовлетворении требований общества отказано. Суды пришли к выводу, что условия контракта имеют юридическую силу только для его непосредственных участников. Само по себе упоминание в соглашении двух сторон третьего лица не может являться основанием для возникновения какого-либо права у указанного третьего лица.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку указанные выводы сделаны судами без учета положений ст. 430 ГК РФ, согласно которой договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу.

В соответствии с разъяснениями, данными в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. N 54 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении ", по общему правилу, предусмотренному п. 3 ст. 308 ГК РФ, обязательство не создает прав и обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц). Вместе с тем в установленных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон случаях обязательство может создавать обязанность должника совершить определенное действие или воздержаться от него в отношении третьих лиц, создавать для третьих лиц права в отношении сторон обязательства (например, в случае заключения договора в пользу третьего лица в соответствии со ст. 430 ГК РФ).

Как указывало общество, инвестиционным контрактом стороны прямо предусмотрели, что в качестве компенсации за уничтожение объекта недвижимости, принадлежащего обществу, в связи со строительством нового здания последний получит недвижимое имущество из торговых площадей нового объекта.

По мнению общества, указанные положения инвестиционного контракта одновременно наделяют его правом требования предоставления соответствующих площадей в собственность и обязывают стороны инвестиционного контракта осуществить указанное предоставление.

В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в части первой данной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон (часть вторая).

При таких обстоятельствах судам надлежало с учетом приведенных выше положений о толковании условий договора разрешить вопрос о квалификации контракта в соответствующей части в качестве договора в пользу третьего лица и, соответственно, оценить его условия о праве требования общества на предоставление соответствующих площадей в собственность и обязанности сторон контракта осуществить указанное предоставление.

Однако, как следует из материалов дела, фактически, выделяя доли в объекте незавершенного строительства и признавая право собственности истца и ответчика на них, суды окончательно распределили между сторонами более недействующей сделки полученные в результате площади в объекте, созданном в процессе ее исполнения, без учета положений контракта о том, что при окончательном разделе возведенных площадей из числа распределяемых площадей исключается площадь, принадлежащая на праве собственности обществу.

Таким образом, определяя доли компании и публично -правового образования в отношении всех площадей объекта, без необходимости предоставления указанной в контракте части получаемых в результате строительства площадей обществу, суды, по сути, в противоречие положений ст. 430 ГК РФ, признали право собственности компании и публично-правового образования на площади, возможность передачи которых в собственность указанных лиц не предусмотрена названным контрактом.

Положения контракта не наделяют его стороны правами в отношении части объекта эквивалентной площади, ранее принадлежавшего заявителю жалобы на праве собственности. Иных соглашений, определяющих правовой режим указанных площадей, ни обществом, ни сторонами названного контракта не заключалось.

С учетом разъяснений, данных в п. 3 совместного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав", в случае ненадлежащего формулирования истцом способа защиты при очевидности преследуемого им материально-правового интереса суд обязан самостоятельно определить, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежат применению при разрешении дела с тем, чтобы обеспечить восстановление нарушенного права, за защитой которого обратился истец.

Аналогичные разъяснения содержатся и в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации".

При таких обстоятельствах судам следовало дать оценку доводам общества и определить, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежали применению при разрешении дела.

Определение N 305-ЭС19-27017

24. Рассматривая спор о расторжении договора поставки, по которому поставщик передал в собственность покупателя определенное имущество, и установив предусмотренные п. 2 ст. 475 ГК РФ основания для возврата уплаченной покупателем денежной суммы, суд должен одновременно рассмотреть вопрос о возврате продавцу переданного покупателю товара независимо от предъявления данного требования продавцом.

Фирма (покупатель) обратилась в арбитражный суд с иском к обществу (продавцу) о расторжении договора купли-продажи и возврате покупной цены.

Решением суда первой инстанции в иске отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение отменено, иск удовлетворен.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации изменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и дополнила резолютивную часть постановления суда апелляционной инстанции положением об обязании фирмы возвратить обществу полученный по договору товар по следующим основаниям.

Поскольку в силу п. 2 ст. 453 ГК РФ в случае расторжения договора обязательства сторон прекращаются, если иное не предусмотрено законом, договором или не вытекает из существа обязательства, отсутствие соответствующих указаний применительно к договору поставки означает, что удовлетворение требования о расторжении такого договора и возврате уплаченной за товар денежной суммы (ст. 450, 475 ГК РФ) не должно повлечь неосновательного приобретения или сбережения имущества на стороне покупателя или продавца, то есть нарушать эквивалентность осуществленных ими при исполнении расторгнутого договора встречных имущественных предоставлений.

Следовательно, рассматривая спор о расторжении договора поставки, по которому поставщик передал в собственность покупателя определенное имущество, и установив предусмотренные п. 2 ст. 475 ГК РФ основания для возврата уплаченной покупателем денежной суммы, суд должен одновременно рассмотреть вопрос о возврате продавцу переданного покупателю имущества, поскольку сохранение этого имущества за покупателем после взыскания с продавца покупной цены означало бы нарушение согласованной сторонами эквивалентности встречных предоставлений.

В то же время предусмотренное п. 2 ст. 475 ГК РФ право покупателя на возврат покупной цены не ограничивает иные права, принадлежащие ему в связи с нарушением обязательства продавцом, в частности право на возмещение убытков.

В свою очередь, продавец, имеющий право на возврат переданного покупателю имущества при расторжении договора поставки, вправе потребовать от покупателя возмещения стоимости износа имущества за время

его использования последним, противопоставив соответствующее возражение требованию о возврате покупной цены.

Учитывая неразрывную взаимосвязь и взаимозависимость требований о возврате покупной цены, возвращении поставленного имущества в натуре и возмещения убытков, понесенных покупателем в связи с расторжением договора, Судебная коллегия исходит из целесообразности разрешения судом вопросов о судьбе имущества и об убытках одновременно с рассмотрением спора о расторжении договора в связи с поставкой товара ненадлежащего качества, что предопределяет необходимость постановки судом соответствующих вопросов на разрешение сторон независимо от предъявления данного требования продавцом.

Определение N 309-ЭС20-9064

25. Потребитель, пропустивший срок поверки, не лишен возможности представить доказательства, опровергающие пороки учета и необходимость исчисления объема полученного ресурса расчетным способом, поскольку последующее признание прибора учета соответствующим метрологическим требованиям подтверждает достоверность отображаемых им учетных данных на весь период после окончания срока поверки.

Кооператив и сетевая организация подписали акт разграничения балансовой принадлежности электрических сетей, в котором, помимо прочего, указали сведения об измерительных трансформаторах.

Кооператив и гарантирующий поставщик заключили договор энергоснабжения.

Впоследствии в ходе инструментальной проверки сетевая организация выявила истечение межповерочного интервала трансформаторов напряжения и тока (срок поверки истек в 2017 г.) и указала потребителю на необходимость поверки измерительных трансформаторов, о чем составила акт.

В ходе проведенной кооперативом поверки трансформаторов на месте их установки трансформаторы признаны пригодными к применению, соответствующими требованиям метрологической поверки.

Актом сетевой организации измерительный комплекс кооператива признан расчетным, соответствующим предъявляемым требованиям.

За период с даты проверки по дату получения свидетельства о поверке гарантирующий поставщик определил объем поставленной электроэнергии расчетным способом в связи с нарушением потребителем срока поверки.

Кооператив потребовал пересчитать плату, определив объем по данным узла учета.

Отказ гарантирующего поставщика явился поводом для обращения кооператива в арбитражный суд с иском о понуждении гарантирующего поставщика осуществить перерасчет.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями апелляционного и окружного судов, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила иск по следующим основаниям.

Законодательство обязывает осуществлять расчеты за потребленные энергоресурсы на основании данных об их количественном значении, определенных при помощи приборов учета используемых энергетических ресурсов (п. 2 ст. 13 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. N 261-ФЗ "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации").

Обеспечение исправности используемых приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии, по общему правилу, возложено на абонента (потребителя, собственника), что следует из ст. 539, 543 ГК РФ, п. 145 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. N 442 (далее - Основные положения N 442).

Достоверность данных учета потребленных энергетических ресурсов обеспечивается путем соблюдения нормативно установленных требований к техническим характеристикам приборов учета, определенным законодательством об электроэнергетике, об обеспечении единства измерений, нормативно-технических документов и государственных стандартов, в том числе периодичности поверки (ст. 9 Федерального закона от 26 июня 2008 г. N 102-ФЗ "Об обеспечении единства измерений", далее - Закон N 102-ФЗ).

Из положений Закона N 102-ФЗ (пп. 2, 17 ст. 2, п. 1 ст. 5 и ст. 9, п. 1 ст. 13) следует, что использование средств измерения, срок поверки которых истек, не допускается; истечение срока поверки свидетельствует о недостоверности показаний средства измерения о количестве поставленного ресурса и фактически означает отсутствие прибора учета.

Последствием истечения срока межповерочного интервала является применение расчетного способа определения платы за электрическую энергию ретроспективно с даты истечения срока поверки по правилам безучетного потребления, а также с момента проверки до подтверждения соответствия прибора учета (системы учета) метрологическим требованиям или их замены (пп. 166, 179 и 180 Основных положений N 442).

Из определения понятия "безучетное потребление", содержащегося в п. 2 Основных положений N 442, следует, что безучетное потребление электрической энергии действующее законодательство обусловливает совершением потребителем различных действий, одни из которых являются основанием для квалификации в качестве безучетного потребления в силу факта их совершения потребителем, тогда как другие действия (бездействие) для подобной квалификации должны привести к искажению данных об объеме потребления электрической энергии.

Непроведение потребителем поверки прибора учета (измерительного трансформатора в составе измерительного комплекса) не относится к вмешательству в работу прибора учета (системы учета), составляющему первую группу нарушений. Буквальное содержание указанной нормы позволяет квалифицировать такое нарушение как бездействие, которое привело к искажению данных об объеме потребленной электрической энергии (мощности). При этом сам факт истечения межповерочного интервала предполагает искажение прибором учета (системой учета) данных об объеме потребления, пока не доказано обратное. Возложение на проверяющих (сетевую организацию, гарантирующего поставщика) обязанности доказать наличие искажения, по сути, приведет к освобождению потребителя от установленной законодательством обязанности своевременно проводить поверку как элемента надлежащей эксплуатации прибора учета.

Вместе с тем потребитель, пропустивший срок поверки, не лишен возможности представить доказательства, опровергающие пороки учета и необходимость исчисления объема полученного ресурса расчетным путем, поскольку последующее признание прибора учета (измерительного

трансформатора в составе системы учета) соответствующим метрологическим требованиям лишь подтверждает его соответствие указанным требованиям на весь период после окончания срока поверки (п. 17 ст. 2 Закона N 102-ФЗ). В процессе эксплуатации приборов учета (системы учета) улучшения их технических характеристик (параметров), влияющих на результат и показатели точности измерений, не происходит.

Данных, свидетельствующих о наличии в бездействии кооператива признаков злоупотребления правом (осведомленности при предыдущей проверке о необходимости провести очередную поверку спорного измерительного комплекса, уклонения от этой обязанности и т.п.), равно как и иных оснований для вывода о невозможности использования измерительного комплекса, судами не установлено. Напротив, после составления акта кооператив своевременно исполнил указание сетевой организации о проведении поверки и получил свидетельства о поверке трансформаторов тока.

С учетом изложенного при наличии доказательств, подтверждающих признание спорных трансформаторов тока пригодными к применению и соответствующими метрологическим требованиям, основания для квалификации потребления кооперативом электрической энергии в качестве безучетного, как и основания для исчисления объема последующего после проверки потребления ресурса расчетным путем, отсутствовали.

Определение N 310-ЭС19-27004

26. При отсутствии в договоре условия о сроке возврата арендуемой вещи срок исковой давности по иску арендодателя о возврате вещи арендатором в случае одностороннего отказа арендодателя от договора аренды начинает течь не ранее отказа арендатора исполнить требование арендодателя о ее возврате.

Уполномоченным органом муниципального образования (арендодатель; далее - комитет) и обществом (арендатор) заключен договор аренды нежилых помещений на срок до 31 марта 2015 г.

Письмом от 1 апреля 2015 г. комитет уведомил общество о прекращении договора аренды в соответствии с п. 2 ст. 610 ГК РФ и о необходимости освободить арендуемые помещения.

Общество помещения не освободило, обратившись в суд с исками, направленными на приобретение прав на это имущество.

Судебными актами по другим делам обществу отказано в удовлетворении исковых требований к комитету о понуждении к заключению договора аренды, о признании незаконным уклонения от заключения договора аренды, о признании незаконным отказа в заключении договора купли-продажи спорных нежилых помещений.

Комитет 29 декабря 2018 г. обратился в арбитражный суд с иском к обществу о понуждении освободить спорные нежилые помещения и передать по акту приема-передачи истцу.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано.

Суды исходили из того, что по смыслу ст. 622 ГК РФ с учетом разъяснений, данных в п. 34 совместного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих

в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав", п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 июня 2014 г. N 35 "О последствиях расторжения договора", требование о возврате арендованного имущества подлежит удовлетворению в случае доказанности факта прекращения договорных отношений сторон. Между тем, поскольку после 1 апреля 2015 г. (дата уведомления об отказе от исполнения договора аренды) арендатор продолжал пользоваться имуществом при отсутствии возражений со стороны комитета, суды в силу п. 2 ст. 621 ГК РФ сочли договор возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок. Непринятие истцом мер по возврату спорных помещений свыше 3,5 года, факт продолжения владения и пользования арендатором муниципальным объектом недвижимости, надлежащее исполнение обществом обязательств по перечислению истцу арендной платы, бремя содержания помещений и прилегающих площадей перехода были расценены судами в качестве обстоятельств, свидетельствующих о сохранении между сторонами возникших между ними правоотношений, прекращение договора аренды, по мнению судов, не состоялось. Исходя из указанных обстоятельств и положений ст. 195, 196 ГК РФ, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о пропуске комитетом срока исковой давности. Арбитражный суд округа указал на необходимость повторного направления комитетом обществу заявления об отказе от договора.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 622 ГК РФ при прекращении договора аренды арендатор обязан вернуть арендодателю имущество в том состоянии, в котором он его получил, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором.

В п. 82 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" даны разъяснения о том, что в случае недействительности договора, по которому полученное одной из сторон выражалось во временном возмездном пользовании индивидуально-определенной вещью, эта сторона возмещает стоимость такого пользования другой стороне, если оно не было оплачено ранее (п. 2 ст. 167 ГК РФ). Переданная в пользование по такому договору вещь также подлежит возврату. С учетом особого характера временного пользования индивидуально-определенной вещью срок исковой давности по иску о ее возврате, независимо от момента признания сделки недействительной, начинается не ранее отказа соответствующей стороны сделки от ее добровольного возврата (абзац второй п. 2 ст. 200 ГК РФ).

Судебная коллегия полагает, что указанная правовая позиция подлежит применению при рассмотрении данного спора, в котором также отпали законные основания для правомерного пользования спорным имуществом, арендатор добровольно не возвратил объект аренды после направления ему уведомления о расторжении договора, в том числе при направлении ему иска с требованием о возврате, не исполненным ответчиком, поведение которого следует расценивать как отказ общества от добровольного возврата арендуемого имущества по требованию истца.

Следовательно, с учетом установленных по делу обстоятельств о прекращении арендных отношений в связи с отказом собственника имущества от договора, характера и результатов ранее рассмотренных судами споров об

отсутствии у ответчика прав на него, на период рассмотрения которых он продолжал использовать помещения, при наличии обстоятельств, свидетельствующих об отказе арендатора от добровольного возврата спорного имущества после прекращения договора аренды, а также после предъявления указанного иска, являющегося требованием о возврате арендованного имущества, противоправное поведение ответчика не могло быть защищено исковой давностью и выводы судов о пропуске комитетом срока исковой давности по данному иску нельзя признать законными и обоснованными.

Определение N 306-ЭС19-24156

27. Подписание арендатором акта приема-передачи предмета аренды в случае невозможности использовать предмет аренды по обстоятельствам, за которые арендатор не отвечает, не порождает права арендодателя требовать арендную плату.

Уполномоченный орган муниципального образования (далее -администрация) принял постановление об организации и о проведении аукциона на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, и опубликовал информацию о проведении открытого аукциона на право заключения договора аренды.

Согласно опубликованному извещению предметом аукциона являлся земельный участок с видом раз решенного использования: "основной вид - деловое управление, вспомогательный - магазины, развлечение"; аукционной документацией установлены максимально и (или) минимально допустимые параметры разрешенного строительства объекта капитального строительства; технические условия подключения объектов капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения и т.д.

По результатам проведенного аукциона победителем стал предприниматель, с которым администрация заключила договор аренды указанного земельного участка на срок один год и шесть месяцев.

Договор аренды в установленном законом порядке не зарегистрирован.

Администрация, ссылаясь на то, что предприниматель в период с сентября 2016 г. по июль 2017 г. не заплатил за аренду в размере, установленном договором аренды, обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности по арендной плате и неустойки.

Предприниматель предъявил встречный иск о признании договора аренды недействительным, в обоснование которого указал следующее: спорный договор аренды в нарушение требований подп. 1 п. 8, п. 9 ст. 39 ЗК РФ заключен на один год и шесть месяцев вместо предусмотренного названными нормами срока предоставления участков для строительства -не менее трех лет; данный договор по вине администрации не был зарегистрирован, так как администрация не представила в регистрирующий орган протокол о результатах аукциона, от имени администрации за регистрацией обратилось лицо на основании ненадлежащей доверенности; до окончания срока договора администрация не устранила недостатки, послужившие основанием для отказа в регистрации; в отсутствие государственной регистрации предприниматель не мог пользоваться участком в целях строительства, в том числе получить разрешение на строительство.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении первоначального иска отказано, встречный иск удовлетворен.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части отказа в удовлетворении первоначального иска

администрации, первоначальный иск удовлетворен, в части удовлетворения встречного иска предпринимателя применены последствия недействительности сделки в виде возложения на предпринимателя обязанности вернуть спорный земельный участок администрации. Суд счел, что, поскольку предприниматель подписал акт приема-передачи участка, с него надлежит взыскать арендную плату за весь срок, на который заключался договор, и начисленные на сумму долга пени.

Арбитражный суд округа изменил постановление апелляционного суда в части взыскания по иску администрации с предпринимателя штрафных санкций (пеней), начисленных на сумму долга, в остальной части оставил постановление суда апелляционной инстанции без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления апелляционного и окружного судов и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 606 ГК РФ по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. В случае невыполнения этой обязанности в силу ст. 328 ГК РФ арендатор не обязан вносить арендную плату.

Регулирование, содержащееся в ст. 328 ГК РФ применительно ко всем встречным обязательствам, специально оговорено в п. 4 ст. 614 ГК РФ.

Согласно этой норме, если законом не предусмотрено иное, арендатор вправе потребовать соответственного уменьшения арендной платы, если в силу обстоятельств, за которые он не отвечает, условия пользования, предусмотренные договором аренды, или состояние имущества существенно ухудшились.

Арендодатель обязан предоставить арендатору имущество в состоянии, соответствующем условиям договора аренды и назначению имущества (п. 1 ст. 611 ГК РФ), а арендатор обязан пользоваться арендованным имуществом в соответствии с условиями договора аренды, а если такие условия в договоре не определены, в соответствии с назначением имущества (п. 1 ст. 615 ГК РФ).

Согласно п. 3 ст. 405 ГК РФ должник не считается просрочившим, пока обязательство не может быть исполнено вследствие просрочки кредитора.

Кредитор считается просрочившим, если он отказался принять предложенное должником надлежащее исполнение или не совершил действий, предусмотренных законом, иными правовыми актами или договором либо вытекающих из обычаев или из существа обязательства, до совершения которых должник не мог исполнить своего обязательства (п. 1 ст. 406 ГК РФ).

Из анализа приведенных норм следует, что договор аренды носит взаимный характер, риск невозможности использования арендованного имущества в соответствии с условиями договора и назначением этого имущества лежит на арендодателе. Если невозможность использования имущества возникла по причине, за которую арендатор не отвечает, то он не обязан вносить арендную плату. Данная правовая позиция изложена в п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2015), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 мая 2015 г., п. 5 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12 июля 2017 г.

Как установлено судами, спорный договор аренды носил целевой

характер - осуществление строительства объекта недвижимости и подлежал обязательной государственной регистрации.

В силу ч. 2 ст. 51 ГрК РФ строительство, реконструкция объектов капитального строительства осуществляются на основании разрешения на строительство, за исключением случаев, предусмотренных данной статьей.

Согласно ч. 7 ст. 51 ГрК РФ для получения разрешения на строительство застройщик должен приложить к заявлению в числе прочих документов правоустанавливающие документы на земельный участок, градостроительный план земельного участка, проектную документацию, подготовленную специализированной организацией в порядке ст. 48 данного кодекса.

Правоустанавливающим документом на земельный участок, в частности, является договор аренды земельного участка.

В силу п. 2 ст. 25, п. 2 ст. 26 ЗК РФ, п. 2 ст. 609 ГК РФ договоры аренды земельных участков, заключенные на срок год и более, подлежат государственной регистрации.

Последствия отсутствия государственной регистрации договора установлены п. 3 ст. 433 ГК РФ, в соответствии с которым договор, подлежащий государственной регистрации, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом.

В отсутствие государственной регистрации такой договор не влечет юридических последствий для третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о его заключении.

Если публично-правовое образование - арендодатель и публично-правовое образование, орган которого уполномочен выдавать разрешение на строительство, совпадают, то такое публично-правовое образование не может считаться третьим лицом в отношении заключенного им же договора аренды и правовые последствия отсутствия государственной регистрации договора аренды на него не распространяются.

Вместе с тем для оформления разрешения на строительство арендатору необходимо представить различные документы (проектную документацию, заключения экспертов, технические условия на подключение объекта капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения и другие документы, указанные в ст. 51 ГрК РФ), подготовка которых осуществляется третьими лицами. Как пояснил представитель предпринимателя в судебном заседании Судебной коллегии, в отсутствие государственной регистрации договора аренды земельного участка третьи лица отказали арендатору в подготовке указанной документации.

Как следует из материалов дела и установлено судом первой инстанции, служба государственного строительного надзора дала письменное разъяснение предпринимателю о возможности получения разрешения на выполнение строительных работ только при наличии договора аренды земли, сведения о котором внесены в Единый государственный реестр недвижимости.

Если отсутствие государственной регистрации договора аренды и невозможность получения разрешительной документации для начала строительства вызваны обстоятельствами, за которые отвечает арендодатель, то арендатор на основании ст. 328, п. 1 ст. 611, п. 4 ст. 614 ГК РФ не обязан вносить арендную плату за период, пока эти обстоятельства не будут устранены.

При этом следует отметить, что п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. N 73 "Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса

Российской Федерации о договоре аренды" касается случаев, когда арендодатель надлежащим образом исполнял свою встречную обязанность и не касается ситуаций невозможности использования земельного участка по назначению ввиду обстоятельств, за которые отвечает арендодатель.

Создание арендодателем таких условий, при которых невозможно достижение цели аренды - осуществление строительства, означает, что он не выполнил свою обязанность перед арендатором по обеспечению владения и (или) пользования сданным в аренду земельным участком.

В этом случае передача по акту предпринимателю спорного земельного участка подтверждает лишь переход во владение арендатора земельного участка, однако не исключает установления обстоятельств возможности его действительного использования. Кроме того, в силу ч. 5 ст. 71 АПК РФ наличие акта приема-передачи не исключает исследования обстоятельств дела на основании других доказательств.

При решении вопроса о взыскании арендной платы правовые последствия недействительности и незаключенности договора аренды будут идентичны, поскольку в обоих случаях для взыскания денежных средств на основании норм как ст. 167 ГК РФ, так и ст. 1102 ГК РФ необходимо установить наличие встречного предоставления со стороны арендодателя, ставшего обогащением арендатора. В отсутствие возможности пользоваться арендованным участком, по обстоятельствам не зависящим от арендатора, последний не обязан оплачивать пользование ни по договору, ни по правилам ст. 167 ГК РФ, ни по нормам гл. 60 ГК РФ.

Определение N 310-ЭС19-16588

28. Если после 1 марта 2015 г. арендатор продолжает пользование земельным участком сельскохозяйственного назначения, находящимся в государственной или муниципальной собственности, предоставленным в аренду до указанной даты, по истечении срока договора при отсутствии возражений со стороны арендодателя, договор считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок. К продлению таких договоров не применяется правило, предусмотренное в п. 1 ст. 39.6 ЗК РФ.

Уполномоченный орган субъекта Российской Федерации (далее - комитет, арендодатель) и фирма (арендатор) заключили договор аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения сроком на 5 лет. Договором предусмотрено, что по истечении срока договора арендатор обладает преимущественным правом на заключение договора аренды на новый срок, если арендодатель за 1 месяц до окончания срока аренды не уведомил арендатора о нежелании заключать с ним договор на новый срок. Если арендатор продолжает пользоваться земельными участками после истечения срока договора при отсутствии возражений со стороны арендодателя, договор считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок ; каждая из сторон вправе отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за 3 месяца. Если арендатор по истечении срока договора желает заключить договор аренды на новый срок, он обязан письменно уведомить об этом арендодателя не позднее чем за 2 месяца до истечения срока договора.

В связи с реорганизацией фирмы в форме присоединения к обществу к последнему перешли права и обязанности по договору аренды.

По истечении установленного срока арендатор продолжил пользование участками в отсутствие возражений со стороны арендодателя.

Общество, ссылаясь на то, что действие договора возобновилось на неопределенный срок в соответствии с п. 2 ст. 621 ГК РФ, обратилось в комитет с заявлением о предоставлении земельных участков сельскохозяйственного назначения в аренду на новый срок на основании подп. 31 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ.

Комитет отказал обществу в предоставлении в аренду на новый срок указанных земельных участков, сославшись на то, что общество обратилось с заявлением о заключении договора аренды земельных участков после прекращения действия договора аренды.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к комитету о признании незаконным отказа в заключении договора аренды земельных участков.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, удовлетворил требование общества.

Суд округа отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и отказал в удовлетворении требования общества. Суд округа исходил из того, что с 1 марта 2015 г. Федеральным законом от 23 июня 2014 г. N 171-ФЗ "О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" внесены изменения в Земельный кодекс Российской Федерации, касающиеся порядка и оснований предоставления в аренду публичных земельных участков ; согласно п. 1 ст. 39.6 ЗК РФ договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на торгах, проводимых в форме аукциона, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 данной статьи; подп. 31 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ предоставлено преимущественное право на заключение на новый срок без торгов договора аренды земельного участка, предназначенного для сельскохозяйственного производства, арендатору, который подал заявление о заключении договора аренды на новый срок до дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды; из буквального толкования положений ст. 39.6 ЗК РФ, введенной в действие с 1 марта 2015 г., следует, что земельным законодательством не предусмотрено автоматической пролонгации договора аренды земельного участка; поскольку нормы земельного законодательства имеют приоритет над нормами гражданского законодательства, положения ст. 621 ГК РФ с 1 марта 2015 г. не применяются к отношениям, которые регламентируются земельным законодательством; так как общество обратилось с заявлением о заключении договора аренды земельных участков после прекращения действия ранее заключенного договора аренды, комитет правомерно отказал в заключении договора аренды испрашиваемых земельных участков на новый срок без торгов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 3 ст. 3 ЗК РФ предусмотрено, что имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами.

Согласно п. 1 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. N 101-ФЗ

"Об обороте земель сельскохозяйственного назначения " (далее -Закон N 101-ФЗ), регулирующего оборот земель сельскохозяйственного назначения, земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, предоставляются гражданам и юридическим лицам в порядке, установленном Земельным кодексом Российской Федерации.

Земельным кодексом Российской Федерации и Зак оном N 101-ФЗ в редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г., не был установлен запрет на возможность возобновления на неопределенный срок по правилам п. 2 ст. 621 ГК РФ договоров аренды публичных земельных участков, при заключении которых не требовалось проведения торгов.

В соответствии с разъяснениями, приведенными в п.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. N 73 "Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды", договор аренды государственного или муниципального имущества может быть возобновлен на неопределенный срок в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 621 ГК РФ, если этот договор заключен до вступления в силу закона, требующего обязательного проведения торгов для заключения договора аренды (ст. 422 ГК РФ).

Положениями Земельного кодекса Российской Федерации в редакции, действующей с 1 марта 2015 г., прямо не исключено применение положений п. 2 ст. 621 ГК РФ к договору аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, правомерно заключенному без проведения торгов, в случае когда арендатор имеет право на заключение нового договора аренды без проведения торгов.

Следовательно, если после 1 марта 2015 г. арендатор продолжил пользование таким земельным участком, предоставленным в аренду до указанной даты, по истечении срока договора при отсутствии возражений со стороны арендодателя договор считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок. К продлению таких договоров не применяется общее правило, предусмотренное в п. 1 ст. 39.6 ЗК РФ.

В соответствии с п. 4 ст. 10 Закона N 101-ФЗ гражданин или юридическое лицо, которым земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, предоставлен в аренду и в отношении которых у исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления, указанных в ст. 39 ЗК РФ, отсутствует информация о выявленных в рамках государственного земельного надзора и неустраненных нарушениях законодательства Российской Федерации при использовании такого земельного участка, вправе приобрести такой земельный участок в собственность или заключить новый договор аренды такого земельного участка в случае и в порядке, которые предусмотрены Земельным кодексом Российской Федерации.

Согласно подп. 31 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ без проведения торгов заключается договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, предназначенного для ведения сельскохозяйственного производства, с арендатором, в отношении которого у уполномоченного органа отсутствует информация о выявленных в рамках государственного земельного надзора и неустраненных нарушениях законодательства Российской Федерации при использовании такого земельного участка, при условии, что заявление о заключении нового договора аренды такого земельного участка подано этим арендатором до дня истечения срока

действия ранее заключенного договора аренды такого земельного участка.

Поскольку по истечении указанного в договоре аренды пятилетнего срока ни одна из сторон не заявила о его расторжении и общество продолжило использование участков без возражений со стороны арендодателя, суды первой и апелляционной инстанций сделали правильные выводы о том, что, по правилам п. 2 ст. 621 ГК РФ, действие данного договора возобновилось на тех же условиях на неопределенный срок, общество, обратившись в период действия указанного договора к арендодателю с заявлением о заключении договора аренды участков на новый срок, как надлежащий арендатор, использующий по целевому назначению арендованные им земельные участки на протяжении длительного времени, вправе требовать предоставления ему в аренду спорных земельных участков на новый срок по правилам подп. 31 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ.

Определение N 310-ЭС19-25907

29. Обязанности по внесению платы при заключении договора о развитии застроенной территории корреспондирует обязанность по предоставлению земельного участка и обеспечению возможности осуществления строительства. При невозможности осуществления строительства по обстоятельствам, за которые отвечает публично-правовое образование, такая плата подлежит возврату застройщику.

Уполномоченный орган муниципального образования (далее - администрация) приняла решение о развитии застроенной территории согласно схеме ; утвердила здания, строения, сооружения, подлежащие сносу, реконструкции, расположенные на территории, подлежащей развитию.

Как указано в преамбуле данного решения, администрация приняла его в соответствии со ст. 46.1 ГрК РФ, постановлением губернатора Владимирской области от 31 декабря 2010 г. N 1407 "Об утверждении границ зон охраны достопримечательного места регионального значения "Исторический центр города Владимира", режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон " (далее - постановление губернатора), Правилами землепользования и застройки муниципального образования, постановлением администрации о признании многоквартирного дома, расположенного на указанной территории, аварийным и подлежащим сносу, режимами использования земель и градостроительными регламентами данных зон.

Администрация опубликовала информацию о проведении открытого аукциона на право заключения договора о развитии застроенной территории с указанием начальной цены на право заключения данного договора в размере 1 120 000 руб.

По результатам аукциона администрация и общество (застройщик) заключили договор о развитии застроенной территории сроком на 4 года.

Администрация, указывая на то, что общество не исполнило обязательство по передаче в муниципальную собственность благоустроенных жилых помещений, обратилась в арбитражный суд с иском об обязании общества исполнить данное обязательство путем передачи в муниципальную собственность благоустроенных квартир и жилых помещений площадью, указанной в договоре.

Общество, возражая против удовлетворения иска администрации и в обоснование встречного иска о признании договора недействительным и о возврате уплаченных им при заключении договора денежных средств,

сослалось на то, что данный договор о развитии застроенной территории, целью которого в силу ст. 46 ГрК РФ является осуществление строительства, противоречит требованиям градостроительного законодательства, так как на территории, в отношении которой принято решение о ее развитии, строительство каких-либо капитальных объектов запрещено.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, первоначальные исковые требования удовлетворены, в удовлетворении встречных исковых требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Отношения, связанные с вопросами развития застроенной территории, регулируются положениями ст. 46.1-46.3 ГрК РФ, которые были внесены в данный кодекс Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. N 232-ФЗ "О внесении изменений в Градостроительный кодекс

Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" в целях увеличения объемов жилищного строительства и совершенствования механизмов вовлечения в хозяйственный оборот земельных участков для жилищного строительства.

Данным законом введено понятие "развитие застроенной территории", которое означает снос /реконструкцию зданий, строений, сооружений, являющихся аварийными или подлежащими сносу/реконструкции по иному основанию, и осуществление нового строительства на освобожденной территории.

В соответствии со ст. 46.1 ГрК РФ в редакции, действовавшей в спорный период, развитие застроенных территорий осуществляется в границах элемента планировочной структуры (квартала, микрорайона) или его части (частей), в границах смежных элементов планировочной структуры или их частей ; решение о развитии застроенной территории принимается органом местного самоуправления по инициативе органа государственной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления, физических или юридических лиц при наличии градостроительного регламента, а также местных нормативов градостроительного проектирования (при их отсутствии - утвержденных органом местного самоуправления расчетных показателей обеспечения такой территории объектами социального и коммунально-бытового назначения, объектами инженерной инфраструктуры); решение о развитии застроенной территории может быть принято, если на такой территории расположены: многоквартирные дома, признанные в установленном Правительством Российской Федерации порядке аварийными и подлежащими сносу; многоквартирные дома, снос, реконструкция которых планируются на основании муниципальных адресных программ, утвержденных представительным органом местного самоуправления.

Таким образом, согласно данной статье решение о развитии застроенной территории должно приниматься органом местного самоуправления с учетом заключения компетентных в вопросах градостроительства и архитектуры органов при наличии градостроительного регламента, а также местных нормативов градостроительного проектирования в целях освобождения земельных участков от старых строений и их нового комплексного освоения.

Согласно ч. 1 ст. 46.2 ГрК РФ в редакции, действовавшей в спорный период, по договору о развитии застроенной территории одна сторона обязуется в установленный договором срок своими силами и за свой счет и

(или) с привлечением других лиц и (или) средств других лиц выполнить обязательства в соответствии с пп. 3-6 ч. 3 указанной статьи, а другая сторона (орган местного самоуправления) обязуется создать необходимые условия для выполнения обязательств в соответствии с пп. 7-9 ч. 3 этой же статьи.

Частью 2 ст. 46.2 ГрК РФ в указанной редакции предусмотрено, что договор заключается органом местного самоуправления с победителем открытого аукциона на право заключить такой договор или иным лицом в соответствии с чч. 25 и 28 ст. 46.3 данного Кодекса.

В ч. 3 ст. 46.2 ГрК РФ приведены существенные условия договора, к которым в том числе относятся: сведения о местоположении и площади застроенной территории, в отношении которой принято решение о развитии, перечень адресов зданий, строений, сооружений, подлежащих сносу, реконструкции; цена права на заключение договора; срок договора; ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора, взаимные обязательства сторон договора.

В данной норме предусмотрены следующие обязательства сторон : орган местного самоуправления обязуется создать необходимые условия для строительства (утвердить проект планировки, принять решение об изъятии путем выкупа жилья в аварийных домах, предоставить земельные участки для застройки), а другая (победитель либо единственный участник аукциона на право заключения такого договора) - подготовить проект планировки застроенной территории, создать или приобрести и передать в государственную или муниципальную собственность благоустроенное жилье для предоставления гражданам определенных категорий, уплатить выкупную цену за изымаемые жилые помещения в аварийных многоквартирных домах, осуществить строительство на территории, в отношении которой принято решение о развитии.

Одним из ключевых моментов договора является то, что земельный участок, находящийся в границах застроенной территории, в отношении которой принято решение о развитии, предоставляется лицу, с которым заключен такой договор, для строительства без проведения торгов. Участок по выбору такого лица передается бесплатно в собственность или в аренду (п. 2.1 ст. 30 ЗК РФ в редакции, действовавшей на момент заключения спорного договора, подп. 13 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ, введенной в действие с 1 марта 2015 г., ч. 8 ст. 46.1 ГрК РФ).

По смыслу приведенных норм в результате исполнения договора о развитии территории достигаются как цели, преследуемые органом местного самоуправления за счет средств исполнителя (застройщика) по увеличению жилищного фонда, в том числе по сносу аварийных домов, предоставлению благоустроенного жилья гражданам, проживающим в аварийных и подлежащих сносу домах, передаче в муниципальную собственность дополнительного жилья, так и цели, преследуемые застройщиком, по получению земельных участков в границах подлежащей развитию территории для капитального строительства и получению прибыли в результате использования и реализации построенных объектов. В градостроительном законодательстве отсутствуют нормы, из которых бы следовало, что развитие застроенных территорий может осуществляться в целях благоустройства территории без возведения капитальных объектов.

Поскольку по своей право вой природе существенные условия договора о развитии застроенной территории являются взаимными обязательствами органа местного самоуправления и лица, заключившего договор о развитии

застроенной территории с органом местного самоуправления (п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 307, п. 1 ст. 307.1 ГК РФ), к отношениям сторон подлежат применению также нормы гражданского законодательства.

В силу пп. 1 и 2 ст. 328 ГК РФ встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств. В случае непредоставления обязанной стороной предусмотренного договором исполнения обязательства либо при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков.

Ни одна из сторон обязательства, по условиям которого предусмотрено встречное исполнение, не вправе требовать по суду исполнения, не предоставив причитающегося с нее по обязательству другой стороне (п. 3 ст. 328 ГК РФ).

Специальным законодательством об обязательствах, возникающих из договора о развитии застроенной терри тории, не предусмотрено возложение на застройщика риска невозможности исполнения обязательств муниципального образования, то есть обязанность исполнять договор без встречного предоставления со стороны муниципального образования, что, по сути, превращало бы предоставление застройщика в дарение.

В случае невозможности исполнения муниципальным образованием своих обязательств, предусмотренных положениями градостроительного законодательства и условиями договора о развитии застроенной территории (исполнение сделки является юридически невозможным в том числе из -за градостроительных ограничений, установленных органом власти), по общим правилам, прекращаются и обязательства исполнителя такого договора, а следовательно, муниципальное образование не вправе требовать от инвестора -застройщика исполнения в натуре - передачи в муниципальную собственность благоустроенных квартир.

Положения градостроительного законодательства и условия заключенного сторонами договора определяют, что развитие застроенной территории осуществляется в целях строительства на территории, в отношении которой органом местного самоуправления принято решение о развитии объектов недвижимости на месте многоквартирного дома, признанного аварийным и подлежащим сносу.

При таком положении является неверным, противоречащим смыслу договора о развитии застроенной территории вывод судов о наличии у общества обязанности передать в муниципальную собственность квартиры и жилые помещения со ссылкой на то, что, приняв участие в аукционе и заключив спорный договор, общество осознанно приняло решение о заключении договора о развитии застроенной территории, в границах которой невозможно осуществление строительства каких -либо капитальных объектов, но которое не исключает проведения работ по благоустройству данной территории.

Суды, отказывая обществу в удовлетворении заявленных им встречных требований о признании спорного договора недействительным и о взыскании уплаченных им по договору 1 120 000 руб., исходили из того, что указанная сумма перечислена за право заключить спорный договор, которое было им реализовано, и в силу п. 5 ст. 166 ГК РФ заявление общества о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности, если

его поведение после заключения сделки давало основания другим лицам полагаться на действительность сделки.

Системное толкование ст. 46.1 -46.3 ГрК РФ свидетельствует о том, что обязанности по внесению платы при заключении договора со стороны общества корреспондирует не обязанность заключить договор как факт (плата исключительно за заключение договора), а обязанность по предоставлению земельного участка и возможность осуществления строительства. Поэтому при невозможности исполнить обязанность по осуществлению строительства по обстоятельствам, риск которых возложен на муниципальное образование, оно должно вернуть полученное встречное предоставление, так как ничего не предоставило взамен. Именование указанного денежного предоставления платой за заключение дог овора не может изменять его суть, предписанную императивными нормами градостроительного законодательства.

Неверна позиция судов о применения п. 5 ст. 166 ГК РФ к заявлению общества о недействительности договора. Данная норма требует установления недобросовестности застройщика. Однако, поскольку решение о развитии застроенной территории и проведении аукциона принимала администрация, общество, полагавшееся на действия органа публичной власти, не может быть признано недобросовестным. К тому же применение п. 5 ст. 166 ГК РФ не может изменить структуру договорных отношений со встречных на безвозмездные с учетом положений ст. 328 ГК РФ.

Определение N 301-ЭС19-25810

30. Предусмотренная ч. 2 ст. 100 Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации неустойка является зачетной, то есть убытки, причиненные грузоотправителю (грузополучателю) ненадлежащим исполнением перевозчиком обязательства по своевременной подаче (уборке) вагонов, подлежат возмещению в части, не покрытой неустойкой.

Перевозчиком и обществом заключен договор на эксплуатацию пути необщего пользования, которым урегулированы отношения по подаче, расстановке на места погрузки, выгрузки и уборке вагонов с железнодорожного пути необщего пользования общества, обслуживаемого локомотивом перевозчика.

Компанией (поставщик) и обществом (покупатель) заключен договор поставки. В соответствии с договором поставки покупатель обязался обеспечить срок нахождения вагонов-цистерн поставщика на путях общего и/или необщего пользования железнодорожных станций назначения, включая время нахождения вагонов под выгрузкой, не превышающий 2 суток. В случае нарушения покупателем предусмотренных сроков покупатель обязался оплатить поставщику расходы за сверхнормативное нахождение вагонов у грузополучателя исходя из конкретной ставки.

Впоследствии общество оплатило компании расходы за сверхнормативное нахождение вагонов на путях общества.

Полагая, что вагоны простаивали на путях общества в ожидании оформления и уборки по причине занятости локомотива перевозчика, что подтверждается актами общей формы, общество обратилось в арбитражный суд с иском к перевозчику с требованием возместить понесенные убытки.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды пришли к выводу о том, что ни законом, ни заключенным между сторонами договором не предусмотрена возможность

взыскания с перевозчика убытков сверх штрафа (неустойки), установленного ст. 100 Федерального закона от 10 января 2003 г. N 18 "Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации" (далее - УЖТ РФ).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По общему правилу, лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (п. 1 ст. 15 ГК РФ). Применительно к обязательственным правоотношениям указанное правило конкретизировано в п. 1 ст. 393 ГК РФ, в силу которого должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. При этом использование кредитором иных способов защиты нарушенных прав, предусмотренных законом или договором, не лишает кредитора, если иное не установлено законом, права требовать от должника возмещения убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства (абзац второй п. 1 ст. 393 ГК РФ).

Соотношение требования об уплате предусмотренной законом или договором неустойки (штрафа, пени) и требования о возмещении убытков, а также последствия заявления кредитором одновременно обоих требований установлены в ст. 394 ГК РФ.

В силу абзаца первого п. 1 названной статьи, если за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена неустойка, то убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой. При этом законом или договором могут быть предусмотрены случаи: когда допускается взыскание только неустойки, но не убытков ; когда убытки могут быть взысканы в полной сумме сверх неустойки ; когда по выбору кредитора могут быть взысканы либо неустойка, либо убытки (абзац второй п. 1 ст. 394 ГК РФ).

Исключение из приведенного правила установлено в п. 2 ст. 394 ГК РФ, в силу которого в случаях, когда за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена ограниченная ответственность, убытки, подлежащие возмещению в части, не покрытой неустойкой, либо сверх ее, либо вместо нее, могут быть взысканы до пределов, установленных таким ограничением.

Из приведенных законоположений следует, что убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой (зачетная неустойка), если иное не предусмотрено законом или договором, в силу которых может допускаться взыскание только неустойки, но не убытков (исключительная неустойка), или взыскание убытков в полной сумме сверх неустойки (штрафная неустойка), или взыскание по выбору кредитора либо неустойки, либо убытков (альтернативная неустойка).

Таким образом, оценивая ссылку перевозчика на исключительный характер неустойки за задержку вагонов на пути необщего пользования общества, судам следовало установить закон или договор, которыми в соответствии с абзацем вторым п. 1 ст. 394 ГК РФ установлено, что за задержку приема вагонов с перевозчика допускается взыскание в пользу грузоотправителя или грузополучателя только неустойки, но не убытков.

Между тем, отказывая в иске, суды не сослались на закон или договор, которыми установлено указанное ограничение. Судебная коллегия считает, что ст. 100 УЖТ РФ такого ограничения не содержит.

В соответствии с п. 1 ст. 793 ГК РФ в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств по перевозке стороны несут

ответственность, установленную названным кодексом, транспортными уставами, кодексами и иными законами, а также соглашением сторон.

Следовательно, при решении вопроса о характере спорной неустойки содержание соответствующих положений транспортных уставов и кодексов, иных законов или договора должно устанавливаться с учетом императивного требования п. 1 ст. 394 ГК РФ об исключении взыскания убытков за нарушение обязательств по перевозке (исключительная неустойка).

В соответствии с ч. 2 ст. 100 УЖТ РФ за задержку по вине перевозчика подачи вагонов под погрузку и выгрузку грузов или на железнодорожные выставочные пути, а также за задержку уборки вагонов с мест погрузки и выгрузки грузов на железнодорожных путях необщего пользования или с железнодорожных выставочных путей в случае, если уборка вагонов осуществляется локомотивами перевозчика, либо за задержку по вине перевозчика приема вагонов с железнодорожных путей необщего пользования перевозчик уплачивает грузоотправителю, грузополучателю штраф в размере 0,2 размера минимального размера оплаты труда за каждый час задержки каждого вагона. Штраф начисляется за все время задержки начиная с момента нарушения предусмотренных соответствующими договорами сроков подачи, уборки вагонов.

Из приведенной нормы, устанавливающей только размер и порядок исчисления законной неустойки, не усматривается необходимое в силу абзаца второго п. 1 ст. 394 ГК РФ указание о том, что взыскание убытков не допускается.

Судебная коллегия считает, что по смыслу абзаца второго п. 1 ст. 394 ГК РФ отсутствие в названной норме УЖТ РФ упоминания об иных, кроме уплаты неустойки, видах ответственности за нарушение обязательства не может рассматриваться как исключение применения таких видов ответственности к спорным отношениям. Соответственно, ч. 2 ст. 100 УЖТ РФ в отсутствие прямого указания не может квалифицироваться и в качестве закона, которым по смыслу п. 1 ст. 400 ГК РФ может быть ограничено право на полное возмещение убытков (ограниченная ответственность).

Определение N 302-ЭС20-4636

31. Поскольку на момент заключения бюджетным учреждением договора законодательство устанавливало субсидиарную ответственность собственника имущества бюджетного учреждения при недостаточности денежных средств учреждения и положения впоследствии принятого закона, исключающего такую ответственность, не содержат норм о его распространении на ранее заключенные договоры, субсидиарная ответственность собственника по такому договору сохраняется.

Агентство (государственный заказчик), учреждение (заказчик-застройщик) и общество (подрядчик) 17 ноября 2010 г. заключили государственный контракт на выполнение работ по строительству объекта. Контрактом предусмотрено, что в случае просрочки исполнения заказчиком-застройщиком обязательств по оплате работ подрядчик вправе требовать уплаты неустойки.

В рамках другого дела удовлетворены исковые требования общества к учреждению о взыскании задолженности по контракту и неустойки. Во исполнение решения суда выдан исполнительный лист, который передан обществом в управление казначейства.

Общество направило агентству, осуществляющему полномочия

собственника учреждения, претензию, в которой предложило погасить задолженность учреждения по исполнительному листу в порядке субсидиарной ответственности.

Агентство отказало обществу в удовлетворении претензии.

Управление казначейства сообщило обществу об истечении трехмесячного срока исполнения исполнительного документа и о неисполнении должником содержащихся в нем требований.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к агентству об уплате заложенности по исполнительному листу в порядке субсидиарной ответственности, а также к учреждению, а при недостаточности у него денежных средств к агентству в порядке субсидиарной ответственности о взыскании пеней за период просрочки исполнения исполнительного листа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены частично к учреждению. Отказывая в иске к агентству, суды исходили из того, что Федеральным законом от 8 мая 2010 г. N 83-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений" (далее - Закон N 83-ФЗ) п. 2 ст. 120 ГК РФ дополнен абзацем шестым, согласно которому собственник имущества бюджетного учреждения не несет ответственности по обязательствам бюджетного учреждения. С учетом того, что спорный контракт заключен сторонами спустя более чем полгода после опубликования Закона N 83-ФЗ в официальном источнике (май 2010 г.), вступление данного закона в силу (1 января 2011 г.) не является существенным изменением обстоятельств для сторон и общество в такой ситуации не могло рассчитывать на ответственность собственника бюджетного учреждения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Спорное требование возникло из нарушения условий контракта, заключенного 17 ноября 2010 г., то есть до введения в действие абзаца шестого п. 2 ст. 120 ГК РФ и п. 5 ст. 123.22 ГК РФ, первый из которых указывает на недопустимость привлечения собственника имущества бюджетного учреждения к субсидиарной ответственности по долгам такого учреждения, а второй предусматривает подобную ответственность только по обязательствам, связанным с причинением вреда гражданам.

Спорный контракт заключен в период действия более ранней редакции п. 2 ст. 120 ГК РФ, в соответствии с которой при недостаточности денежных средств учреждения субсидиарную ответственность по обязательствам учреждения несет собственник его имущества. На момент заключения контракта был опубликован, но не вступил в силу закон, отменяющий такую ответственность путем изменения редакции п. 2 ст. 120 ГК РФ (Закон N 83-ФЗ).

Вместе с тем, как следует из п. 1 ст. 4 ГК РФ, акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом. Отношения сторон по договору, заключенному до введения в действие акта гражданского законодательства, регулируются в соответствии со ст. 422 ГК РФ (п. 2 ст. 4 ГК РФ).

В силу ст. 422 ГК РФ к договору применяются нормы, действовавшие в

момент его заключения.

Согласно п. 2 ст. 422 ГК РФ закон, принятый после заключения договора и устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, распространяет свое действие на отношения сторон по такому договору лишь в случае, когда в законе прямо установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров. Согласно п. 2 ст. 4 ГК РФ это правило применяется как к императивным, так и к диспозитивным нормам (п. 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. N 16 "О свободе договора и ее пределах ", п. 83 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. N 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств").

Соответственно, действующее право в качестве основного критерия применения той или иной нормы к договорным отношениям сторон устанавливает действие нормы, а не отсутствие знания о будущих изменениях закона, возможность полагаться на действующее регулирование или наличие (отсутствие) разумных ожиданий, основанных на том, что закон не будет изменен в будущем.

Как положения ст. 4 ГК РФ, так и положения ст. 422 ГК РФ допускают в качестве исключения из общего правила, применимого к договорным отношениям, прямое указание законодателя на немедленное применение закона или применение закона с обратной силой к уже существующим отношениям. При этом даже в случае прямого указания закона на его немедленное применение или применение с обратной силой необходимо учитывать правовую позицию о недопустимости лишения прав в результате такого применения, высказанную в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2016 г. N 3-П.

Однако переходные положения Закона N 83-ФЗ, напротив, содержат прямое указание на то, что положения абзаца шестого п. 2 ст. 120 ГК РФ (в редакции Закона N 83-ФЗ) в части исключения субсидиарной ответственности собственника имущества бюджетного учреждения по обязательствам такого учреждения не применяются к правоотношениям, возникшим до 1 января 2011 г. (п. 12 ст. 33 Закона N 83-ФЗ).

Таким образом, в рассматриваемом случае опубликование закона не являлось основанием для неприменения п. 2 ст. 4, п. 2 ст. 422 ГК РФ. Применение нормы, вступившей в силу после заключения контракта, прямо противоречит переходным положениям Закона N 83-ФЗ, которыми и определяется темпоральная сфера действия рассматриваемой нормы, в связи с чем вывод судов первой и апелляционной инстанций о невозможности возложения на агентство субсидиарной ответственности по обязательствам учреждения является ошибочным.

Определение N 305-ЭС19-24791

Практика применения законодательства о государственных контрактах

32. Представление исполнителем государственного контракта недостоверных документов при проведении конкурса на его заключение может являться основанием ничтожности указанного контракта. Если заказчик, принимая исполнение по такому договору, не знал и не должен был знать о наличии оснований его ничтожности, применение положений п. 5 ст. 166 ГК

РФ исключается.

По результатам открытого конкурса государственное бюджетное учреждение (заказчик; далее - учреждение) и общество (подрядчик) заключили государственный контракт на выполнение проектно-изыскательских работ.

В рамках исполнения обязательств по контракту учреждением перечислен обществу аванс.

Впоследствии представлением прокуратуры учреждению предписано устранить нарушения законодательства в сфере обеспечения государственных и муниципальных нужд, принять меры по расторжению контракта и возврату уплаченного аванса, поскольку для участия в конкурсе в подтверждение опыта работы и деловой репутации в сфере проектирования общество представило недостоверные документы, а именно - договоры подряда и акты выполненных работ, составленные формально, в отсутствие фактических подрядных правоотношений.

Учреждение обратилось в арбитражный суд с иском к обществу о признании государственного контракта ничтожным и о применении последствий его недействительности в виде взыскания с ответчика суммы аванса.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказано. Суд пришел к выводу о ничтожности государственного контракта, однако применил положения п. 5 ст. 166 ГК РФ, указав, что после заключения сделки учреждение принимало исполнение по контракту и лишилось права ссылаться на его недействительность, за исключением оснований, предусмотренных ст. 179 ГК РФ. Кроме того, учреждение пропустило срок исковой давности по требованию о признании государственного контракта недействительным на основании ст. 179 ГК РФ.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, иск удовлетворен. Суд пришел к выводу о невозможности применения к данным отношениям положений п. 5 ст. 166 ГК РФ.

Постановлением арбитражного суда округа отменено постановление суда апелляционной инстанции, оставлено в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Как следует из п. 2 ст. 8 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (далее - Закон N 44-ФЗ), конкуренция при осуществлении закупок должна быть основана на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок в целях выявления лучших условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг. Запрещается совершение заказчиками, специализированными организациями, их должностными лицами, комиссиями по осуществлению закупок, членами таких комиссий, участниками закупок, операторами электронных площадок, операторами специализированных электронных площадок любых действий, которые противоречат требованиям указанного федерального закона, в том числе приводят к ограничению конкуренции, в частности к необоснованному ограничению числа участников закупок.

Учреждение, являясь государственным заказчиком, заключая, исполняя государственные контракты, действует в публичных интересах.

Действуя в пределах пред оставленных полномочий, учреждением заключен с обществом контракт на выполнение подрядных работ.

К целям контрактной системы в силу ст. 1, 6 и 8 Закона N 44-ФЗ отнесены повышение эффективности, результативность осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечение гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращение коррупции и других злоупотреблений, создание равных условий для участников. Согласно пп. 3, 4 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно ; никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

В соответствии с положениями п. 3.1 ст. 53 Закона N 44-ФЗ в случае установления недостоверной информации, содержащейся в документах, представленных участником конкурса в соответствии с ч. 2 ст. 51 указанного федерального закона, конкурсная комиссия обязана отстранить такого участника от участия в конкурсе на любом этапе его проведения.

Исходя из ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Между тем общество в нарушение правил участия в конкурсе, установленных Законом N 44-ФЗ, представило документы, отражающие недостоверную информацию, которая способствовала признанию его победителем торгов и заключению контракта. О представлении обществом недостоверных сведений учреждение узнало из представления прокуратуры после проведения торгов и заключения контракта.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 18 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2017 г. (далее - Обзор), государственный (муниципальный) контракт, заключенный с нарушением требований Закона N 44-ФЗ и влекущий, в частности, нарушение принципов открытости, прозрачности, ограничение конкуренции, необоснованное ограничение числа участников закупки, а следовательно, посягающий на публичные интересы и (или) права и законные интересы третьих лиц, является ничтожным.

Согласно п. 75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" посягающей на публичные интересы является в том числе сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом.

Таким образом, договоры, при заключении которых допущено нарушение законодательства о закупках, являются ничтожными в силу ч. 2 ст. 8 Закона N 44-ФЗ и п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 167 ГК РФ недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения.

Согласно п. 2 ст. 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость.

Правило, установленное ч. 15 ст. 95 Закона N 44-ФЗ, об обязанности

заказчика отказаться от исполнения ничтожного контракта, по мнению заявителя, в полной мере корреспондирует правилам о последствиях недействительности сделки, указанным в пп. 1 и 2 ст. 167 ГК РФ.

Признание государственного контракта ничтожной сделкой свидетельствует о выполнении обществом работ в отсутствие государственного контракта.

Согласно п. 20 Обзора по Закону N 44-ФЗ, по общему правилу, поставка товаров, выполнение работ или оказание услуг в целях удовлетворения государственных или муниципальных нужд в отсутствие государственного или муниципального контракта не порождает у исполнителя право требовать оплаты соответствующего предоставления.

Таким образом, поскольку основания для удержания аванса отсутствуют, последствием признания государственного контракта ничтожным является его возврат.

В соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

В соответствии с п. 1 ст. 181 ГК РФ срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной (п. 3 ст. 166)

составляет три года. Течение срока исковой давности по указанным требованиям начинается со дня, когда началось исполнение ничтожной сделки, а в случае предъявления иска лицом, не являющимся стороной сделки, со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. При этом срок исковой давности для лица, не являющегося стороной сделки, во всяком случае не может превышать десять лет со дня начала исполнения сделки.

Поскольку спорный контракт заключен с нарушением требований Закона N 44-ФЗ, при недобросовестном поведении участника торгов, с целью обхода закона с противоправной целью, нарушая принципы контрактной системы, а следовательно, публичные интересы, в связи с чем она является ничтожной, применение судами первой и кассационной инстанций при рассмотрении данного спора п. 5 ст. 166 ГК РФ, позволяющее такому лицу получить имущественное удовлетворение из своего незаконного поведения, является необоснованным. Действия по уплате аванса были совершены учреждением до того момента, как стало известно о нарушениях участника торгов, а следовательно, не могут считаться подтверждением сделки с подобным нарушением. Иной подход свидетельствовал бы о возможности недобросовестного лица извлекать прибыль при совершении противозаконных действий, нарушая публичный правопорядок.

Определение N 310-ЭС19-26526

33. Обязательство публично-правового образования как собственника помещения в здании по оплате расходов по содержанию и ремонту общего имущества возникает в силу закона и не обусловлено заключением государственного (муниципального) контракта.

По результатам общего собрания собственников помещений в нежилом здании обществу, являющемуся одним из собственников, поручено заключить

договор с порядной организацией на ремонт крыши.

Между сособственниками здания подписано соглашение о порядке осуществления ремонта крыши. Субъект Российской Федерации, являющийся собственником части помещений в здании, и учреждение, которому часть помещений была передана на праве оперативного управления, в заключении соглашения участия не принимали.

Общество заключило договор с подрядной организацией, работы выполнены и оплачены.

Департамент, осуществляющий полномочия собственника от имени субъекта Российской Федерации, и учреждение отказались оплачивать часть выполненных работ.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к субъекту Российской Федерации в лице департамента и к учреждению о взыскании неосновательного обогащения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды исходили из того, что в данном случае необходимым было заключение государственного контракта по правилам Федерального закона от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (далее - Закон N 44-ФЗ), а в отсутствие такого контракта взыскание платы за подряд невозможно.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно разъяснениям, приведенным в абзаце третьем п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. N 64 "О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания ", отношения собственников помещений, расположенных в нежилом здании, возникающие по поводу общего имущества в таком здании, прямо законом не урегулированы. Поэтому в соответствии с п. 1 ст. 6 ГК РФ к указанным отношениям подлежат применению нормы законодательства, регулирующие сходные отношения.

В силу ст. 210 ГК РФ собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

Согласно п. 4 ст. 214 ГК РФ имущество, находящееся в государственной собственности, закрепляется за государственными предприятиями и учреждениями во владение, пользование и распоряжение в соответствии с названным кодексом.

Учреждение и казенное предприятие, за которыми имущество закреплено на праве оперативного управления, владеют, пользуются этим имуществом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности, назначением этого имущества и, если иное не установлено законом, распоряжаются этим имуществом с согласия собственника этого имущества (п. 1 ст. 296 ГК РФ).

В соответствии со ст. 249 ГК РФ каждый участник долевой собственности обязан участвовать в издержках по содержанию и сохранению объекта долевой собственности соразмерно своей доле.

Согласно ст. 39 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме несут бремя расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме (ч. 1). Доля обязательных расходов на содержание общего имущества в

многоквартирном доме, бремя которых несет собственник помещения в таком доме, определяется долей в праве общей собственности на общее имущество в таком доме указанного собственника (ч. 2).

Плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме включает в себя плату за содержание жилого помещения, в том числе плату за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме (ч. 2 ст. 154 ЖК РФ).

Собственник помещения в многоквартирном доме обязан нести расходы на содержание принадлежащего ему помещения, а также участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения платы за содержание и ремонт жилого помещения (ч. 1 ст. 158 ЖК РФ).

По смыслу приведенных положений собственники помещений, расположенных в названном здании, обязаны нести бремя содержания общего имущества, участвовать в издержках по содержанию и сохранению общего имущества соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения платы за содержание и ремонт помещения, взносов на капитальный ремонт.

Поскольку обязательства собственника по оплате содержания общего имущества основаны на императивных нормах ГК РФ и ЖК РФ, регулирующих правоотношения сторон, вывод судов об отказе в удовлетворении исковых требований в связи с незаключением сторонами контракта в соответствии с Законом N 44-ФЗ в отношении спорных работ является ошибочным. Отсутствие контракта в данном случае не освобождает государственного (муниципального) собственника от оплаты расходов на содержание и ремонт здания. Данная ситуация является исключением из общего правила о недопустимости оплаты предоставленного в случае отсутствия контракта, изложенного в п. 20 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2017 г. (далее - Обзор).

В соответствии с п. 24 Обзора обязательство собственника помещения в здании по оплате расходов по содержанию и ремонту общего имущества возникает в силу закона и не обусловлено наличием договорных отношений и заключением государственного (муниципального) контракта.

Отсутствие со стороны собственника помещения в многоквартирном доме действий по заключению контракта в целях исполнения своей обязанности по несению расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме не является основанием для освобождения его от внесения соответствующей платы на содержание.

Определение N 301-ЭС19-22897

Практика применения законодательства о защите конкуренции

34. Внесение задатка третьим лицом, по общему правилу, не является основанием для отказа в допуске лица к участию в торгах.

Администрацией организованы торги в форме открытого аукциона на

право заключения договоров аренды двух земельных участков (лот N 1 и лот N 2).

По условиям торгов для участия в аукционе претендент должен перечислить задаток в безналичном порядке путем перечисления денежных средств на расчетный счет организатора аукциона в указанный срок.

В администрацию в отношении лота N 1 поступили заявки от граждан Ч. и М. До участия в аукционе допущена только заявка Ч., а заявка М. не допущена, поскольку задаток перечислен иным лицом.

Аукционная комиссия признала аукцион несостоявшимся и приняла решение заключить договор аренды земельного участка по лоту N 1 с Ч., как единственным участником аукциона.

М. обратился с жалобой в антимонопольный орган, по результатам рассмотрения которой администрации выдано предписание о необходимости отмены протокола рассмотрения заявок на участие в открытом аукционе по лоту N 1 и размещения информации об этом на официальном сайте администрации: URL: https:torgi.gov.ru Администрации также предписано направить участникам, подавшим заявки на участие в аукционе по лоту N 1, уведомления о принятии названного решения, повторно рассмотреть заявки, поданные на участие в аукционе по лоту N 1, и продолжить проведение аукциона в установленном законом порядке.

Не согласившись с решением антимонопольного органа, Ч. обратился в арбитражный суд с заявлением о признании предписания незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленное требование удовлетворено.

При этом суды руководствовались положениями пп. 18, 21 ст. 39.11, пп. 7, 11, 21 ст. 39.12 Земельного кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ), положениями аукционной документации, разработанной администрацией, истолковав их таким образом, что внесение задатка должно быть произведено непосредственно участником аукциона, поскольку иное документацией не предусмотрено. При этом суды приняли во внимание интересы администрации, действующей от имени публично-правового образования - собственника земельных участков, вытекающие из необходимости определения в результате торгов платежеспособного землепользователя.

Суды отметили, что условия торгов не содержали запрета на внесение задатка третьим лицом за участника торгов, но буквальное содержание п. 5 ст. 448 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что правоотношения между организатором торгов и участником торгов по внесению, зачету и возврату задатка складываются исключительно между организатором торгов и участником, что исключает участие в этих правоотношениях третьих лиц.

Одновременно суды указали, что регулирование отношений, возникающих при внесении залога, подчиняется общим правилам гражданского законодательства, поскольку торги в силу ст. 447 ГК РФ являются формой заключения договора. Вместе с тем исходя из ст. 380 ГК РФ внесение задатка третьим лицом должно сопровождаться соглашением, предусматривающим указание, в обеспечение какой обязанности или обязательства оно вносится и при каких условиях, и суть задатка, как обеспечивающего обязательства, должна ясно и недвусмысленно вытекать из такого соглашения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований Ч. по

следующим основаниям.

Статья 313 ГК РФ допускает исполнение обязательства третьим лицом и признает такое исполнение надлежащим.

При этом закон не наделяет добросовестного кредитора, не имеющего материального интереса ни в исследовании сложившихся между третьим лицом и должником отношений, ни в установлении мотивов, побудивших должника перепоручить исполнение своего обязательства другому лицу, полномочиями по проверке того, действительно ли имело место возложение должником исполнения обязательства на третье лицо. Следовательно, не может быть признано ненадлежащим исполнение добросовестному кредитору, который принял как причитающееся с должника предложенное третьим лицом, если кредитор не знал и не мог знать об отсутствии факта возложения исполнения обязательства на предоставившее исполнение лицо и при этом исполнением не были нарушены права и законные интересы должника.

Ни ЗК РФ, ни ст. 448 ГК РФ, устанавливающая порядок проведения торгов, не содержат запрета на исполнение обязательства по внесению задатка третьим лицом.

Подобный запрет не вытекает и из содержания обязательства по внесению задатка. Задаток согласно п. 1 ст. 380 ГК РФ и п. 21 ст. 39.12 ЗК РФ в определенной степени обеспечивает исполнение обязательства, позволяя кредитору (собственнику земельного участка) засчитать полученную им сумму в счет исполнения обязательства в случае возникновения просрочки со стороны должника в будущем при исполнении договора. Следовательно, для кредитора значение имеет как таковой факт получения задатка, за счет которого в будущем могут быть удовлетворены его имущественные интересы, а не личность лица, вносящего задаток.

С учетом изложенного при отсутствии оснований для вывода о нарушении прав кредитора тем, что задаток внесен третьим лицом, произведенное исполнение в соответствии со ст. 313 ГК РФ признается надлежащим и, следовательно, внесение задатка третьим лицом не может служить основанием для отказа в допуске лица к участию в торгах.

Доказательства того, что исполнение обязанности по внесению задатка третьим лицом за М. привело к нарушению прав и законных интересов администрации, отсутствуют.

Наличие у администрации, действующей от имени публично-правового образования (собственника земельных участков), интереса в определении в результате торгов платежеспособного землепользователя могло служить основанием для отказа в допуске к участию в торгах, если поведение претендента свидетельствовало о его намерении получить право аренды земельного участка без встречного предоставления (пп. 3-4 ст. 1, ст. 10 ГК РФ).

Однако само по себе отсутствие непосредственно у участника торгов денежных средств, необходимых для уплаты задатка, на момент проведения торгов не может служить основанием для вывода о его недобросовестности, поскольку не означает, что он не сможет вносить арендную плату в дальнейшем исходя из получаемых им доходов и с учетом стоимости иного принадлежащего такому участнику имущества. Напротив, внесение задатка непосредственно участником торгов не исключает риска того, что в дальнейшем этот участник, ставший победителем торгов, не утратит возможность исполнять свои обязательства, тем более в ситуации, когда срок аренды земли является значительным, составляя 49 лет, как это предусмотрено аукционной документацией.

Таким образом, суды не установили обстоятельств, которые в соответствии с законом позволяли бы считать М. неисполнившим обязанность по внесению задатка, и основания для отказа ему в допуске к участию в аукционе.

Определение N 310-ЭС19-26858

Практика применения законодательства о налогах и сборах

35. При оспаривании правомерности применения налоговых вычетов по основаниям, связанным с отсутствием экономического источника для вычета (возмещения) НДС налогоплательщиком-покупателем, значение имеет реальность приобретения им товаров (работ, услуг) для осуществления своей облагаемой налогом деятельности, а также то, преследовал ли налогоплательщик-покупатель цель - уклонение от налогообложения в результате согласованных с иными лицами действий, либо в отсутствие такой цели - знал или должен был знать о допущенных этими лицами нарушениях.

При оценке проявления налогоплательщиком должной осмотрительности необходимо исходить из поведения в гражданском (хозяйственном) обороте, ожидаемого от его разумного участника в сравнимых обстоятельствах.

Между налогоплательщиком и обществом заключен договор поставки, по условиям которого общество обязалось поставлять инструмент, строительные материалы и запасные части, сопутствующие товары на основании заявки налогоплательщика, а налогоплательщик -принимать и своевременно оплачивать товары.

По взаимоотношениям с обществом налогоплательщик принял к вычету НДС. В подтверждение обоснованности налоговых вычетов налогоплательщик представил счета-фактуры и товарные накладные, полученные от общества.

По результатам проверки налоговым органом принято решение о доначислении налогоплательщику НДС, пени и штрафа.

Основанием для доначисления НДС соответствующих сумм пени и штрафа послужил вывод налогового органа о том, что представленные налогоплательщиком документы не подтверждают реальность поставки товаров данным контрагентом.

Не согласившись с произведенными доначислениями, налогоплательщик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, отметив следующее.

С учетом природы НДС как косвенного налога, предполагающего переложение бремени его уплаты с участвующих в товародвижении хозяйствующих субъектов на потребителей, в силу пп. 1 и 2 ст. 171 НК РФ налогоплательщик при осуществлении облагаемых НДС операций имеет право уменьшить общую сумму исчисленного налога на установленные данной статьей налоговые вычеты - суммы налога, предъявленные ему при приобретении товаров (работ, услуг) и имущественных прав для осуществления операций, признаваемых объектами налогообложения.

Обусловленная природой НДС стадийность взимания данного налога

означает, что использование права на вычет налога покупателем предопределяется непрерывным предъявлением налога по мере движения товаров (работ, услуг) от одного хозяйствующего субъекта к другому (п. 1 ст. 168 НК РФ) и принятием в связи с этим каждым из участников оборота обязанности по уплате в бюджет предъявляемых сумм налога (п. 1 ст. 173 НК РФ).

Соответственно, отказ в праве на налоговый вычет может иметь место, если процесс реализации товаров (работ, услуг) не сопровождается соблюдением корреспондирующей этому праву обязанности по уплате НДС в бюджет в денежной форме, на что обращено внимание в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 4 ноября 2004 г. N 324-О.

В то же время, как неоднократно отмечалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, исполнение обязанности по уплате налогов не предполагает возложения на налогоплательщика ответственности за действия всех организаций, участвующих в многостадийном процессе уплаты и перечисления налогов в бюджет: право налогоплательщика на налоговый вычет не может быть обусловлено исполнением непосредственными контрагентами (продавцами, поставщиками) и предшествующими им лицами своей обязанности по уплате НДС, а также финансово-экономическим положением и поведением третьих лиц.

Таким образом, отказ в праве на вычет "входящего" налога обусловливается фактом неисполнения обязанности по уплате НДС контрагентом налогоплательщика или (и) поставщиками предыдущих звеньев в той мере, в какой это указывает на отсутствие экономического источника вычета (возмещения) налога, но один лишь этот факт не может быть достаточным, чтобы считать применение налоговых вычетов покупателем неправомерным. Лишение права на вычет НДС налогоплательщика-покупателя, который не преследовал цель уклонения от налогообложения в результате согласованных с иными лицами действий, а при отсутствии такой цели - не знал и не должен был знать о допущенных этими лицами нарушениях, действуя в рамках поведения, ожидаемого от разумного участника хозяйственного оборота, по существу, означало бы применение меры имущественной ответственности за неуплату налогов, допущенную иными лицами, в том числе и при искажении ими фактов своей хозяйственной деятельности, к налогоплательщику-покупателю, не имевшему возможности предотвратить эти нарушения и (или) избежать наступления их последствий.

Следовательно, к обстоятельствам, подлежащим установлению при оспаривании правомерности применения налоговых вычетов по основаниям, связанным с отсутствием экономического источника для вычета (возмещения) НДС налогоплательщиком-покупателем, помимо данного факта также относится реальность приобретения товаров (работ, услуг) налогоплательщиком для осуществления своей облагаемой налогом деятельности, и то, преследовал ли налогоплательщик-покупатель цель уклонения от налогообложения в результате согласованных с иными лицами действий, либо в отсутствие такой цели - знал или должен был знать о допущенных этими лицами нарушениях.

В тех случаях, когда налоговым органом не ставится вопрос об участии налогоплательщика в уклонении от уплаты НДС в результате согласованных действий с поставщиками (п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. N 53 "Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды", далее - постановление Пленума N 53), но приводятся доводы о том, что налогоплательщик знал или должен был знать об уклонении его

поставщика, поставщиков предыдущих звеньев от уплаты НДС (п. 10 постановления Пленума N 53), при оценке данных доводов судебная практика исходит из стандарта осмотрительного поведения в гражданском (хозяйственном) обороте, ожидаемого от его разумного участника в сравнимых обстоятельствах.

При выборе контрагента субъекты предпринимательской деятельности, как правило, оценивают не только условия сделки и их коммерческую привлекательность, но и деловую репутацию, платежеспособность контрагента, риск неисполнения обязательств и предоставление обеспечения их исполнения, наличие у контрагента необходимых ресурсов (производственных мощностей, технологического оборудования, квалифицированного персонала) и соответствующего опыта; а при совершении значимых сделок, например по поводу дорогостоящих объектов недвижимости, изучают историю взаимоотношений предшествующих собственников и принимают тому подобные меры.

Поэтому значение имеют не только доказанные налоговым органом обстоятельства, порочащие исполнение поставщиками их налоговых обязанностей, но и то, должны ли данные обстоятельства быть ясны налогоплательщику-покупателю в конкретной ситуации совершения сделки с поставщиком с учетом характера и объемов деятельности покупателя (крупная ли сделка и какова регулярность совершения аналогичных сделок), специфики приобретаемых товаров, работ и услуг (наличие специальных требований к исполнителю, в том числе лицензий и допусков к выполнению определенных операций), особенностей коммерческих условий сделки (наличие значимого отклонения цены от рыночного уровня, наличие у поставщика предшествующего опыта исполнения аналогичных сделок) и т.п. Соответственно, критерии проявления должной осмотрительности не могут быть одинаковыми для случаев ординарного пополнения материально-производственных запасов и в ситуациях, когда налогоплательщиком приобретается дорогостоящий актив либо привлекается подрядчик для выполнения существенного объема работ.

Распределение бремени доказывания названных обстоятельств между налоговым органом и налогоплательщиком также не является одинаковым.

Если налоговый орган установит, что экономический источник вычета (возмещения) НДС не создан, а поставщик (исполнитель) в период взаимодействия с налогоплательщиком-покупателем не имел экономических ресурсов (материальных, финансовых, трудовых и т.п.), необходимых для исполнения заключенного с покупателем договора, в связи с чем сделка в действительности исполнена иными лицами, которым обязательство по ее исполнению поставщик не мог передать в силу своей номинальности, данные обстоятельства могут указывать на то, что налогоплательщик не проявил должной осмотрительности при выборе контрагента, пока иное не будет доказано налогоплательщиком.

Напротив, вступление в отношения с хозяйствующим субъектом, обладающим экономическими ресурсами, достаточными для исполнения сделки самостоятельно либо с привлечением третьих лиц, представление таким субъектом бухгалтерской и налоговой отчетности, отражающей наличие указанных ресурсов, дает разумно действующему налогоплательщику-покупателю основания ожидать, что сделка этим контрагентом будет исполнена надлежащим образом, а налоги при ее совершении - уплачены в бюджет. В подобной ситуации предполагается, что выбор контрагента отвечал условиям делового оборота, пока иное не будет доказано налоговым органом.

Поскольку судами не дана надлежащая оценка доводам налогового органа и возражениям налогоплательщика о наличии (отсутствии) экономического источника вычета (возмещения) НДС по взаимоотношениям с поставщиком, реальности исполнения договора поставки данным поставщиком и проявлению налогоплательщиком должной осмотрительности при выборе контрагента, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение.

Определение N 307-ЭС19-27597

36. Законодательством о налогах и сборах не установлен обязательный досудебный порядок урегулирования споров для имущественных требований о возврате излишне взысканных налогов.

Индивидуальный предприниматель (далее - предприниматель) обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными решений налогового органа о взыскании недоимки, о наложении ограничения (ареста) в банке. Кроме того, предприниматель в поданном им заявлении также просил обязать налоговый орган возвратить денежные средства, списанные с его банковского счета в связи с указанными решениями налогового органа.

Определением суда первой инстанции заявление предпринимателя оставлено без движения ввиду непредставления доказательств оплаты государственной пошлины в установленном размере и соблюдения обязательного досудебного порядка разрешения спора в нарушение пп. 2 и 7 ст. 126 АПК РФ.

Названным определением предпринимателю предложено представить доказательства уплаты государственной пошлины за оспаривание двух решений налогового органа, а также доказательства досудебного урегулирования спора. Во исполнение определения суда предприниматель представил документы, подтверждающие уплату государственной пошлины, а также направленное им в налоговый орган обращение.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление возвращено предпринимателю.

Суды исходили из неполного устранения заявителем обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без движения, а именно непредставления доказательств соблюдения обязательного досудебного порядка в делах об оспаривании актов налоговых органов ненормативного характера, предусмотренного п. 2 ст. 138 НК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила заявление предпринимателя для рассмотрения по существу в суд первой инстанции в связи со следующим.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ арбитражный суд возвращает исковое заявление, если при рассмотрении вопроса о принятии заявления установит, что истцом не соблюден претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора с ответчиком, если такой порядок является обязательным в силу закона.

Возвращая заявление предпринимателя, в том числе в части рассмотрения требования о возложении на налоговый орган обязанности возвратить денежные средства, списанные на основании решения налогового органа о взыскании недоимки, суды не привели иного мотива, как несоблюдение заявителем досудебного (административного) порядка

урегулирования спора.

Однако денежные средства, списанные с банковского счета налогоплательщика во исполнение решений налогового органа, являются взысканными и в силу подп. 5 п. 1 ст. 21 НК РФ. В случае излишнего взыскания налогоплательщик вправе требовать возврата соответствующих сумм из бюджета.

В отличие от излишней уплаты налоговых платежей, допускаемой, как правило, в результате ошибочных действий самого плательщика, в случае излишнего их взыскания в связи с принятием налоговым органом незаконных решений, совершением незаконных действий (бездействием) права налогоплательщика нарушаются самим фактом взыскания, что в соответствии со ст. 46 Конституции Российской Федерации и ч. 1 ст. 4 АПК РФ является основанием для обращения в суд за восстановлением нарушенного права.

При этом НК РФ не содержит специальных требований об обязательной досудебной процедуре урегулирования споров по искам налогоплательщиков о возврате (возмещении) сумм налогов, пеней, штрафа. В соответствии с п. 2 ст. 138 НК РФ досудебный (административный) порядок урегулирования споров предусмотрен только для случаев обращения налогоплательщика в суд с требованием о признании недействительными актов ненормативного характера, действий (бездействия) налоговых органов.

По указанной причине в п. 65 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. N 57 "О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации" разъяснено, что указанные имущественные требования налогоплательщик может предъявить в суд независимо от оспаривания ненормативных правовых актов налоговых органов и по основаниям в том числе необоснованности начисления сумм налога, пеней, штрафа, уплатив государственную пошлину в соответствующем размере (подп. 1 п. 1 ст. 333.21 НК РФ).

Статья 79 НК РФ регламентирует административный порядок возврата из бюджета сумм излишне взысканных налогов, сборов, страховых взносов, пеней и штрафов, а не порядок обращения в суд. Согласно п. 3 ст. 79 НК РФ в ее новой редакции заявление о возврате суммы излишне взысканного налога может быть подано налогоплательщиком в налоговый орган в течение трех лет со дня, когда налогоплательщику стало известно о факте излишнего взыскания с него налога.

При этом в новой редакции ст. 79 НК РФ отсутствует указание о возможности обращения налогоплательщика в суд о возврате излишне взысканного налога только при условии соблюдения досудебного порядка урегулирования вопроса о возврате излишне взысканных сумм. Не установлен такой порядок и иным федеральным законом. Исходя из новой редакции указанной статьи подача заявления о возврате излишне взысканных платежей в налоговый орган является правом налогоплательщика, но не его обязанностью.

Установление в законе обязательного досудебного порядка рассмотрения спора является административным барьером для доступа к правосудию. Соответственно, наличие такого барьера должно четко и однозначно следовать из законодательства и практики его применения.

Поэтому положения п. 3 ст. 79 НК РФ (в новой редакции) нельзя расценивать как ухудшающие положение налогоплательщика и возлагающие на него дополнительные обязанности либо как ограничивающие его право на обращение в суд за защитой нарушенного права. Налогоплательщик не лишен

права обратиться в суд с требованием о возврате суммы излишне взысканного налога (сбора, пеней, штрафа), минуя налоговый орган.

Таким образом, возврат предпринимателю заявления в связи с непредставлением доказательств соблюдения обязательного досудебного порядка в делах об оспаривании актов налогового органа ненормативного характера не мог препятствовать рассмотрению по существу имущественных требований о возврате налога.

Определение N 307-ЭС19-23989

Практика применения таможенного законодательства

37. При обращении в суд с имущественным требованием о возврате таможенных платежей, поступивших в бюджет в связи с незаконными действиями (решениями) таможенного органа, соблюдение административной процедуры возврата не является обязательным.

Во исполнение внешнеторгового контракта общество ввезло на таможенную территорию Евразийского экономического союза и задекларировало товар. При декларировании товара его таможенная стоимость определена обществом на основе стоимости сделки (первый метод).

По результатам таможенного контроля таможенным органом приняты решения о корректировке таможенной стоимости, указанной в представленных обществом декларациях, таможенная стоимость определена по резервному методу в большем размере.

Общество обратилось в таможенный орган с заявлением о возврате (зачете) излишне уплаченных (взысканных) сумм.

Таможенный орган оставил заявление общества без рассмотрения на основании ч. 4 ст. 147 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. N 311-ФЗ "О таможенном регулировании в Российской Федерации" (далее - Закон N 311-ФЗ) со ссылкой на то, что к нему не представлены платежные документы, подтверждающие уплату или взыскание таможенных пошлин, налогов, подлежащих возврату, и документы, подтверждающие факт излишней уплаты или излишнего взыскания таможенных пошлин, налогов.

На повторное заявление декларанта таможенный орган ответил решением, согласно которому заявление общества оставлено без рассмотрения на основании ч. 4 ст. 147 Закона N 311-ФЗ, поскольку заявителем не представлены документы, подтверждающие факт излишней уплаты или излишнего взыскания таможенных пошлин, налогов. Также таможенным органом указано на несоблюдение обществом процедуры возврата, установленной п. 2 ст. 67 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее - ТК), предполагающей необходимость внесения изменений в декларацию до возврата таможенных платежей.

Полагая, что таможенные платежи при ввозе товаров уплачены в большем размере, чем предусмотрено таможенным законодательством, и выражая несогласие с результатами таможенного контроля, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решений таможенного органа незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды руководствовались положениями ст. 66, 67 ТК, ст. 147 Закона N 311-ФЗ, правовой позицией, изложенной в п. 29 постановления Пленума

Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. N 18 "О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства" (далее - постановление Пленума N 18), и пришли к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявленного требования, поскольку общество не обращалось в таможенный орган по вопросу изменения сведений о таможенной стоимости ввезенных товаров, указанных в декларациях, в связи с чем отсутствуют основания для того, чтобы считать внесенные декларантом платежи излишне уплаченными (взысканными), и для возложения на таможенный орган обязанности по их возврату.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В силу ч. 1 ст. 35 Конституции Российской Федерации право частной собственности в Российской Федерации охраняется законом. Как неоднократно указывалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, в случае допущения налогоплательщиком переплаты некой суммы налога на данную сумму распространяются все конституционные гарантии права собственности, поскольку ее уплата в таком случае произведена при отсутствии законного на то основания.

Кроме того, Международной конвенцией об упрощении и гармонизации таможенных процедур (заключена в Киото 18 мая 1973 г., в редакции Протокола от 26 июня 1999 г., далее - Киотская конвенция), участником которой с 4 июля 2011 г. является Российская Федерация, установлено, что возврат пошлин и налогов производится в случаях их излишнего взыскания в результате ошибки, допущенной при начислении пошлин и налогов. В тех случаях, когда излишнее взыскание произошло вследствие ошибки, допущенной таможенной службой, возврат производится в приоритетном порядке (стандарт 4.22).

Данное положение Киотской конвенции формирует один из принципов таможенного регулирования, который согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации и п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. N 49 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза" (далее - постановление Пленума N 49) должен учитываться при разрешении споров, возникающих из таможенных отношений.

Как отмечено в связи с этим в п. 34 постановления Пленума N 49, с учетом установленных Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 35 и ч. 1 ст. 46) гарантий защиты права частной собственности при излишнем внесении таможенных платежей в связи с принятием таможенным органом незаконных решений по результатам таможенного контроля заинтересованное лицо вправе обратиться непосредственно в суд с имущественным требованием о возложении на таможенный орган обязанности по возврату излишне внесенных в бюджет платежей в течение трех лет со дня, когда плательщик узнал или должен был узнать о нарушении своего права (об излишнем внесении таможенных платежей в бюджет).

При этом обращение в суд с имущественным требованием о возврате таможенных платежей, поступивших в бюджет излишне, не предполагает необходимости соблюдения административной процедуры возврата. Заявленное требование должно быть рассмотрено судом по существу независимо от того, оспаривалось ли в отдельном судебном порядке решение таможенного органа, послужившее основанием для излишнего внесения таможенных платежей в

бюджет.

Общество обратилось в суд с имущественным требованием о возложении на таможенный орган обязанности возвратить таможенные платежи, указав в качестве основания данного заявления на несоответствие таможенному законодательству решений о корректировке таможенной стоимости, принятых по результатам таможенного контроля, начатого до выпуска товаров.

Принимая во внимание изложенное, судам следовало разрешить спор по существу, дав оценку законности решений о корректировке таможенной стоимости, и решить вопрос о наличии оснований для их возврата с учетом соблюдения срока обращения в суд и текущего состояния расчетов по таможенным платежам. Однако требование о возврате таможенных платежей судами по существу не рассмотрено.

Необходимость обращения в таможенный орган в административном порядке для изменения сведений о таможенной стоимости, указанных в декларации, возникает в тех случаях, когда после выпуска товаров заинтересованное лицо получает возможность доказать иной размер заявленной до выпуска (скорректированной по результатам таможенного контроля) таможенной стоимости в связи со вновь полученными документами, влияющими на достоверность определения таможенной стоимости. В этих случаях перечисление таможенных платежей в бюджет в излишнем размере является результатом ошибки декларанта, которая должна быть исправлена им, а таможенному органу - предоставлена возможность осуществить таможенный контроль в целях проверки факта наличия ошибки и возникновения переплаты.

Однако общество основывало свои требования не на новых доказательствах, подтверждающих достоверность первоначального определения им таможенной стоимости товаров, а на отсутствии у таможенного органа законных причин для корректировки таможенной стоимости. Следовательно, правовая позиция, выраженная в п. 29 постановления Пленума N 18, к данному спору применению не подлежала.

Определение N 307-ЭС19-18595

Практика обжалования предписаний административных органов

38. В силу действующего правового регулирования в области обеспечения безопасности зданий и сооружений запрет размещения в торгово-развлекательных комплексах детских игровых зон выше второго этажа является обязательным.

Административным органом в отношении общества проведена внеплановая проверка. При проведении проверки установлено, что в процессе эксплуатации здания торгово-развлекательного центра была произведена перепланировка части пятого этажа, в ходе которой вместо всей зоны фудкорта размещен детский развлекательный парк (договор субаренды от 26 октября 2015 г.), тем самым изменены объемно-планировочные решения и функциональное назначение части пятого этажа.

По результатам проверки обществу выдано предписание об устранении нарушений требований пожарной безопасности, о проведении мероприятий по обеспечению пожарной безопасности на объектах защиты и по предотвращению угрозы возникновения пожара.

Согласно п. 7 предписания на пятом этаже торгово-развлекательного центра в отступление от проектных решений устроены детские игровые зоны с

массовым пребыванием детей, что является нарушением подп. "о" п. 23 Правил противопожарного режима, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2012 г. N 390, ст. 78, ч. 3 ст. 80 Федерального закона от 22 июля 2008 г. N 123-ФЗ "Технический регламент о требованиях пожарной безопасности", п. 5.42 Свода правил 118.13330.2012 "Общественные здания и сооружения. Актуализированная редакция СНиП 31 -06-2009 "Детские игровые зоны" (далее - Свод правил).

Общество, полагая, что п. 7 полностью, а также пп. 9, 10, 11, 16, 17 указанного предписания в части установленных в них сроков исполнения не соответствуют требованиям законодательства и нарушают его права, обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании предписания незаконным.

Решением суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено в части признания недействительными сроков устранения нарушений, установленных в пп. 9, 10, 11, 16, 17 предписания. В указанной части в удовлетворении заявленных требований отказано. В части признания недействительным п. 7 оспариваемого предписания решение оставлено без изменения.

Суды исходили из того, что Свод правил распространяется на проектирование новых, реконструируемых и капитально ремонтируемых общественных зданий и сооружений, в том числе при изменении их функционального назначения, с подземными этажами глубиной не более 15 метров от уровня земли, а также на помещения общественного назначения, встраиваемые в жилые здания и в другие объекты, соответствующие санитарно-эпидемиологическим требованиям к общественным зданиям.

По мнению судов, функциональное назначение здания торгово-развлекательного центра с момента ввода в эксплуатацию не изменилось, капитальный ремонт, реконструкция или техническое перевооружение не производились; проектная документация торгового центра, прошедшая государственную экспертизу, предусматривает размещение на пятом этаже зоны фудкорта, а также детской игровой зоны; согласно заключению эксперта, проводившего государственную экспертизу проектные решения обеспечивают пожарную безопасность здания.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты в части признания недействительным п. 7 предписания и отказала в удовлетворении требований общества в указанной части по следующим основаниям.

В силу ст. 5.1 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. N 184-ФЗ "О техническом регулировании" особенности технического регулирования в области обеспечения безопасности зданий и сооружений устанавливаются Федеральным законом от 30 декабря 2009 г. N 384-ФЗ "Технический регламент о безопасности зданий и сооружений" (далее - Закон N 384-ФЗ).

Согласно ч. 4 ст. 8 Закона N 384-ФЗ одним из требований пожарной безопасности является эвакуация людей (с учетом особенностей инвалидов и других групп населения с ограниченными возможностями передвижения) в безопасную зону до нанесения вреда их жизни и здоровью вследствие воздействия опасных факторов пожара.

Закон N 384-ФЗ определяет, что безопасность зданий и сооружений, а также связанных со зданиями и с сооружениями процессов проектирования (включая изыскания), строительства, монтажа, наладки, эксплуатации и

утилизации (сноса) обеспечивается посредством соблюдения требований Закона N 384-ФЗ и требований стандартов и сводов правил, включенных в указанные в чч. 1 и 7 ст. 6 Закона N 384-ФЗ перечни, или требований специальных технических условий (ч. 2 ст. 5).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2014 г. N 1521 (утратил силу с 1 августа 2020 г. в связи с принятием постановления Правительства Российской Федерации от 4 июля 2020 г. N 985) утвержден Перечень национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Закона N 384-ФЗ. В частности, в названном перечне указан п. 5.42 Свода правил, в котором установлен запрет на размещение в торгово-развлекательных комплексах детских игровых зон выше второго этажа.

Таким образом, требование п. 5.42 Свода правил является обязательным.

Названное положение Свода правил направлено на обеспечение безопасного нахождения в здании или сооружении детей, в том числе безопасности их жизни и здоровья, что, в свою очередь, обеспечивает возможность своевременной эвакуации детей в случае возникновения пожара, задымления, иной ситуации, угрожающей их жизни и здоровью.

Таким образом, основания для признания недействительным п. 7 предписания административного органа у судов отсутствовали.

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

39. Отсутствие полной и достоверной информации о товаре (работе, услуге), продавце либо изготовителе при продаже товара, выполнении работ либо оказании услуг образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.5 КоАП РФ, а не ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ.

Банк обратился в арбитражный суд с заявлением об отмене постановления о привлечении его к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.5 КоАП РФ, и представления об устранении причин и условий, способствующих совершению административного правонарушения.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении требований банка отказано.

Суд установил, что банк выдал потребителю кредит на основании заключенного с потребителем договора на получение потребительского кредита, условия которого нарушают требования ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. N 353-ФЗ "О потребительском кредите (займе)", а именно: указанная в индивидуальных условиях договора полная стоимость кредита - 23,308 % годовых - меньше установленной договором процентной ставки по кредиту - 23,80% (для безналичных расчетов) и 27% (для наличных расчетов). В связи с этим суд пришел к выводу о том, что, оказав потребителю услугу при отсутствии полной и достоверной информации о полной ее стоимости, банк совершил правонарушение, ответственность за которое установлена ч. 1 ст. 14.5 КоАП РФ, в связи с чем оспариваемое постановление административного органа является правомерным, и, соответственно, является правомерным и выданное банку представление об устранении причин и условий, способствующих совершению административного правонарушения.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, требование банка удовлетворено. При этом суд апелляционной инстанции указал, что достоверная информация о полной стоимости кредита доведена банком до сведения потребителя своевременно, то есть до заключения договора потребительского кредита, следовательно, совершенное банком деяние образует состав правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ. Признав, что оспариваемое постановление административного органа содержит неправильную квалификацию вмененного правонарушения, ссылаясь на положения п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. N 10 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях", суд апелляционной инстанции отменил оспариваемые постановление и представление.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Частью 1 ст. 14.5 КоАП РФ установлена административная ответственность за продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг организацией, а равно гражданином, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, при отсутствии установленной информации об изготовителе (исполнителе, продавце) либо иной информации, обязательность предоставления которой предусмотрена законодательством Российской Федерации.

Часть 1 ст. 14.8 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за нарушение права потребителя на получение необходимой и достоверной информации о реализуемом товаре (работе, услуге), об изготовителе, о продавце, об исполнителе и о режиме их работы.

Таким образом, ответственность по ч. 1 ст. 14.5 КоАП РФ наступает при реальной продаже товара, выполнении работ, оказании услуг потребителю при отсутствии установленной информации об изготовителе (исполнителе, продавце) либо иной информации, обязательность предоставления которой предусмотрена законодательством Российской Федерации. Положениями ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение права потребителя на получение необходимой и достоверной информации о реализуемом товаре (работе, услуге), об изготовителе, о продавце, об исполнителе и о режиме их работы. И ч. 1 ст. 14.5, и ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ направлены на защиту прав потребителей, имеют один и тот же объект посягательства - регулируемые законом и иными нормативными правовыми актами правоотношения, возникающие между потребителями, с одной стороны, и изготовителем, продавцом продукции - с другой. Различия в объективной стороне правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 14.5 КоАП РФ и ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ, сводятся к наличию (ч. 1 ст. 14.5 КоАП РФ) или отсутствию (ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ) самого события продажи товара, выполнения работ, оказания услуг при отсутствии информации о реализуемом товаре (работе, услуге), продавце, об изготовителе в объеме, установленном законодательством Российской Федерации.

Поскольку банк оказал потребителю услугу, предоставив ему кредит на основании договора при отсутствии полной и достоверной информации о полной стоимости этой услуги, обязательность предоставления которой предусмотрена законодательством Российской Федерации, то указанные действия банка образуют состав правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 1 ст. 14.5 КоАП РФ, и были правильно квалифицированы

административным органом при вынесении оспариваемого постановления о привлечении банка к административной ответственности.

Определение N 302-ЭС19-20981

Процессуальные вопросы

40. Пропуск срока на обращение в суд с заявлением о возражениях относительно признания иностранного судебного (арбитражного) решения (ст. 245.1 АПК РФ) не является основанием для возвращения заявления. В целях оценки доводов сторон по вопросу о наличии возражений против признания иностранного судебного (арбитражного) решения, не требующего принудительного исполнения, арбитражный суд Российской Федерации принимает соответствующее заявление и назначает судебное заседание, в рамках которого наряду с иными существенными обстоятельствами устанавливает момент, когда заинтересованное лицо узнало об иностранном судебном (арбитражном) решении.

Начало течения процессуального срока, предусмотренного ч. 3 ст. 245.1 АПК РФ, при рассмотрении заявлений о возражениях относительно признания иностранных судебных (арбитражных) решений на территории Российской Федерации определяется моментом, когда стороны получили возможность ознакомиться с полным текстом вступившего в законную силу решения иностранного суда (арбитража).

Компании обратились в суд иностранного государства с заявлением к банку и иным организациям о признании недействительными договора об уступке права требования, договора о передаче прав на заложенное имущество, договора цессии и договора об уступке права требования по договорам залога, ипотеки и поручительства.

Решением суда первой инстанции иностранного государства от 27 августа 2018 г., оставленным без изменения постановлением апелляционного суда иностранного государства от 10 апреля 2019 г., заявленные требования полностью удовлетворены.

В дальнейшем одна из организаций обратилась в арбитражный суд субъекта Российской Федерации с заявлением, содержащим возражения относительно признания на территории Российской Федерации решения суда иностранного государства.

Определением арбитражного суда первой инстанции заявление организации возвращено с указанием на пропуск процессуального срока, установленного ч. 3 ст. 245.1 АПК РФ.

Суд указал, что из судебных актов иностранного государства следует, что организация обладала статусом ответчика, представитель организации принимал участие в судебных заседаниях, в том числе в рамках апелляционного обжалования, в связи с чем суд пришел к выводу, в соответствии с которым организация была осведомлена о судебном акте с момента вынесения постановления апелляционного суда иностранного государства от 10 апреля 2019 г. Поскольку с заявлением, содержащим возражения относительно признания на территории Российской Федерации решения иностранного государства от 27 августа 2018 г., организация обратилась в арбитражный суд субъекта Российской Федерации 31 мая 2019 г., суд пришел к выводу о пропуске установленного ч. 3 ст. 245.1 АПК РФ месячного срока обжалования и возвратил заявление организации.

Постановлением суда апелляционной инстанции жалоба возвращена

заявителю с указанием на то, что определение суда первой инстанции подлежит обжалованию в кассационном порядке.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, отметив следующее.

Частью 3 ст. 245.1 АПК РФ установлено право заинтересованного лица в течение одного месяца после того, как ему стало известно о решении иностранного суда, заявить возражения относительно признания этого решения в арбитражный суд субъекта Российской Федерации.

Таким образом, указанной нормой права установлены не только один из процессуальных механизмов защиты прав и интересов лиц, полагающих, что основания для признания решения иностранного суда на территории Российской Федерации отсутствуют, но и обязанность арбитражных судов Российской Федерации рассмотреть соответствующее заявление в порядке, определенном АПК РФ.

Контроль судебной власти государства-исполнения за иностранным судебным актом в любой процессуальной форме (как признания иностранного решения в соответствующей юрисдикции, так и принятия возражений против признания иностранного решения в государстве, где заявлено такое ходатайство) является важнейшим элементом права на суд и признается современным международным процессуальным стандартом, реализованным как в международно-правовых актах (например, Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992 г., Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам (заключена в Гааге, 2 июля 2019 г.), Регламент N 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза "О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам" от 12 декабря 2012 г. и др.), так и в национальном законодательстве государств (гл. 31 АПК РФ, гл. 45 ГПК РФ).

Данный стандарт гарантирует лицу, оспаривающему признание и принудительное исполнение иностранного решения, рассмотрение в судебной процедуре, предполагающей состязательность сторон, вопроса о субъективном праве возражать против судебного вердикта, принятого в иностранной юрисдикции. Кроме того, реализация данного права в полной судебной процедуре (в отличие от ускоренных, несостязательных, непубличных судебных процедур) является элементом защиты граждан, юридических лиц, обладающих национальностью государства-исполнения со стороны этого государства.

Таким образом, право заявить о возражениях относительно признания решения иностранного суда в суде государства-исполнения является важной гарантией защиты субъективных прав. Доказательства сторон, их доводы должны рассматриваться судом, и выводы суда по поводу субъективных прав сторон должны формулироваться по итогам полноценного (состязательного) судебного разбирательства. Вопрос оценки срока в данном случае - элемент реализации субъективного права, который должен рассматриваться в судебном заседании как непосредственно влияющий на судьбу права возражать против признания иностранного решения.

Из буквального толкования ч. 3 ст. 245.1 АПК РФ следует, что установление момента начала и окончания процессуального срока (один месяц

после того, как заинтересованному лицу стало известно о решении иностранного суда) является одним из важных факторов для определения арбитражным судом возможности удовлетворения соответствующего заявления, следовательно, важнейшим элементом процессуальной формы рассмотрения таких заявлений, непосредственно влияющим на защиту права (установление окончательным судебным вердиктом правовой определенности в спорных отношениях). Указанные свойства судебного акта, а именно его окончательный характер в отношении прав сторон возражать против признания решения иностранного суда, свидетельствуют о том, что вопрос, результатом которого является подобный судебный акт, не может разрешаться вне публичной состязательной судебной процедуры, без представления сторонами доказательств фактов, влияющих на выводы суда о защите (отказе в защите) права в спорных отношениях.

Таким образом, в целях осуществления эффективного судебного разбирательства при рассмотрении заявлений о возражениях относительно признания решений иностранных судов судам в случае соблюдения заявителем требований, установленных чч. 4-8 ст. 245.1 АПК РФ, необходимо принять соответствующее заявление и назначить судебное заседание, в рамках которого установить имеющие для правильного разрешения дела обстоятельства, а именно момент, когда заинтересованное лицо узнало о решении иностранного суда.

В судебном заседании действия суда должны быть направлены в том числе на точное определение момента начала и окончания процессуального срока, установленного ч. 3 ст. 245.1 АПК РФ (один месяц после того, как заинтересованному лицу стало известно о решении иностранного суда или об иностранном арбитражном решении), и получение соответствующих доказательств от лиц, участвующих в деле.

В случае установления судом в судебном заседании факта пропуска указанного выше срока такой факт будет являться основанием для отказа в удовлетворении заявления.

Иной подход приведет к необоснованному возвращению судом заявления заинтересованному лицу, лишенному возможности доказать обоснованность своей правовой позиции, и подаче соответствующего заявления.

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. N 50 "О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства" (далее - постановление Пленума N 50), разъясняя особенности обращения в суд с административным исковым заявлением, заявлением об оспаривании постановления, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, указал на аналогичные последствия пропуска срока, а именно на то, что пропуск срока на обращение в суд не является основанием для отказа в принятии заявления судом общей юрисдикции или возвращения заявления арбитражным судом.

Таким образом, учитывая существовавшую правовую неопределенность, устраненную путем вынесения указанного определения, при рассмотрении дела суды могли учитывать разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума N 50, и решить вопрос о применении процессуального закона по аналогии.

При определении момента начала течения процессуального срока, предусмотренного ч. 3 ст. 245.1 АПК РФ, необходимо учитывать, что к принудительному исполнению предъявляются (возражения на признание принимаются) в отношении вступивших в законную силу окончательных и полных судебных актов, устанавливающих правовую определенность в

отношениях сторон по существу спора. Следовательно, начало течения срока определяется тем моментом, когда стороны получили возможность ознакомиться с полным текстом вступившего в законную силу решения иностранного суда, направить его для перевода с целью предъявления для принудительного исполнения (заявления возражений против признания) в иностранном государстве. Заявитель указывал, что полный текст судебного акта суда апелляционной инстанции иностранного государства, после принятия которого решение суда первой инстанции вступило в законную силу, в полном объеме был изготовлен 24 апреля 2019 г., на что указано в тексте самого постановления. Данное обстоятельство подлежало исследованию судом при рассмотрении заявления о возражениях относительно признания иностранного решения.

Определение N 305-ЭС19-24914

41. Арбитражный суд Российской Федерации рассматривает заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (международного коммерческого арбитража) по экономическому корпоративному спору независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане (п. 2 ч. 6 ст. 27 АПК РФ).

Между обществом, организацией, физическим лицом (далее -гарант) и компанией был заключен договор купли-продажи акций, согласно которому общество согласилось продать организации акции, составляющие 80% акций в уставном капитале компании. Договором установлены в том числе обязательства гаранта.

По условиям договора любые споры, возникающие из него, подлежат урегулированию в соответствии с Арбитражным регламентом Международной торговой палаты одним арбитром согласно условиям данного регламента.

Организация, полагая, что ряд действий общества и гаранта нарушили, вопреки условиям договора, гарантии, предоставленные в соответствии с условиями договора, обратилась к обществу и гаранту с иском о взыскании договорной неустойки.

Решением третейского суда в удовлетворении иска отказано. Тем же решением с ответчиков взысканы издержки, установлена обязанность ответчиков оплатить расходы организации на юридические услуги.

В связи с невыполнением обществом и гарантом указанного арбитражного решения организация обратилась в арбитражный суд субъекта Российской Федерации с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Определением арбитражного суда первой инстанции заявление удовлетворено, выдан исполнительный лист на принудительное исполнение решения третейского суда.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда отменено, производство по делу прекращено.

При этом суд руководствовался ст. 27 АПК РФ и указал на то, что действующее законодательство не содержит норм, в соответствии с которыми заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда о взыскании задолженности по договору купли-продажи акций (в том числе с гаранта) может быть рассмотрен арбитражным судом с участием физического лица. Кроме того, данная

категория дел не относится к компетенции арбитражных судов согласно ч. 2 ст. 33 АПК РФ, предусматривающей специальную подведомственность дел арбитражным судам независимо от субъектного состава правоотношений.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд кассационной инстанции, обратив внимание на следующее.

Согласно ч. 1 ст. 27 АПК РФ (как в редакции, действовавшей на момент рассмотрения спора, так и в ныне действующей редакции) арбитражный суд рассматривает дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Таким образом, для установления возможности рассмотрения дела арбитражным судом необходимо определить характер спора и статус его субъектов.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ арбитражные суды рассматривают дела по спорам, связанным с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей (далее - корпоративные споры), в том числе по спорам, связанным с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паев членов кооперативов, установлением их обременений и реализацией вытекающих из них прав (кроме споров, указанных в иных пунктах названной части), в частности спорам, вытекающим из договоров купли-продажи акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ, партнерств, товариществ, спорам, связанным с обращением взыскания на акции и доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ, партнерств, товариществ, за исключением споров, вытекающих из деятельности депозитариев, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, споров, возникающих в связи с разделом наследственного имущества или разделом общего имущества супругов, включающего в себя акции, доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паи членов кооперативов.

В соответствии с п. 2 ч. 6 ст. 27 АПК РФ независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане, арбитражные суды рассматривают дела по спорам, указанным в ст. 225.1 АПК РФ.

Следовательно, с учетом того, что третейским судом был фактически рассмотрен экономический корпоративный спор, вытекающий из договора купли-продажи акций, действия организации, выразившиеся в предъявлении решения третейского суда к принудительному исполнению путем обращения с заявлением в арбитражный суд субъекта Российской Федерации, соответствуют нормам процессуального законодательства и свидетельствуют о правильном выборе компетентного суда.

Таким образом, вывод суда кассационной инстанции об отсутствии в действующем законодательстве норм, согласно которым заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда о взыскании задолженности по договору купли-продажи акций может быть рассмотрен арбитражным судом с участием физического лица, является ошибочным.

Вывод суда кассационной инстанции о том, что данный спор не относится к спорам экономического характера, также не является верным.

Гарант, будучи конечным бенефициаром общества через оффшорную структуру и начальником контрольно-ревизионного управления компании, также предоставил организации ряд гарантий.

На момент совершения сделки общество являлось владельцем 80% акций компании. Следовательно, именно под контроль гаранта попадали полученные по договору купли-продажи акций денежные средства.

Таким образом, гарант был конечным получателем денежных средств по договору купли-продажи акций компании, в связи с чем деятельность гаранта по предоставлению гарантий имеет экономический характер и связана с поступлением денежных средств в его распоряжение.

Поскольку суд кассационной инстанции прекратил производство по делу с указанием на то, что данный спор не подлежит рассмотрению арбитражным судом, и не рассмотрел по существу доводы заявителя, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации направила дело на новое рассмотрение в суд кассационной инстанции.

Определение N 305-ЭС19-19414

Судебная коллегия по уголовным делам

Вопросы квалификации

42. Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя насилие, при этом не требуется, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них.

Материалами дела установлено, что после совместного употребления спиртного Б. и С. в целях завладения имуществом проследовали к дому потерпевшей П. Проникнув вопреки воле потерпевшей в дом, С. стал требовать от П. денежные средства и нанес ей удар кулаком в грудь. Продолжая нападение, С. и Б. связали потерпевшей руки и потребовали денежные средства. При этом Б. стала искать ценное имущество и обнаружила денежные средства в сумме 5 тыс. руб. Получив от потерпевшей отказ в передаче остальных денежных средств, С. совместно с Б., понимая, что потерпевшая узнала С. и может сообщить о совершенном нападении в правоохранительные органы, договорились совершить ее убийство.

Реализуя совместный преступный умысел, С. и Б., обмотав фрагментом ткани шею потерпевшей, стали тянуть концы ткани в противоположные стороны. В результате указанных действий потерпевшая потеряла сознание. После этого С. растопил домовую печь и, убедившись, что дымоход перекрыт, закрыл окна и двери дома, обеспечив тем самым доступ окиси углерода в помещение для отравления и причинения смерти находившейся без сознания потерпевшей. В результате умышленных совместных действий С. и Б. потерпевшая получила химическую травму (отравление окисью углерода). Причиной смерти П. явилась химическая травма в виде отравления угарным газом и закрытая травма груди.

По приговору суда первой инстанции Б. осуждена по п. "в" ч. 4 ст. 162 УК РФ и пп. "ж", "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Осужденная Б. в апелляционной жалобе просила приговор отменить, ссылаясь на то, что у нее отсутствовала предварительная договоренность с осужденным С. на убийство потерпевшей. Также осужденная отметила, что

действия, которые она совершила в отношении потерпевшей, не находились в причинной связи со смертью П.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения по следующим основаниям.

Выводы суда о виновности Б. в совершении преступлений основаны на исследованных в судебном заседании доказательствах.

Так, из показаний Б., которые даны ею в стадии предварительного расследования уголовного дела, усматривается, что она и С. были осведомлены о наличии у потерпевшей денег, пришли к ее дому с целью совершения кражи, разбили стекло в окне и проникли внутрь. С. нанес потерпевшей удар рукой в грудь, от чего последняя упала. Они связали ее, а затем искали в доме деньги. Потерпевшая узнала С., по предложению которого, они совершали удушение П.

Осужденный С. подтвердил наличие предварительного сговора с Б. на хищение денежных средств потерпевшей, отметив также, что действия по лишению жизни потерпевшей совершались по его предложению, он также поджег дом потерпевшей, используя огнеопасную жидкость.

Вопреки приведенным в апелляционных жалобах доводам Б. являлась соучастником не только разбойного нападения на потерпевшую, но и ее убийства. Предварительный сговор на совершение указанных преступлений усматривается не только из первоначальных показаний осужденных, но также из установленных фактических обстоятельств содеянного, согласованных действий каждого, направленных на достижение единого преступного результата.

Суд первой инстанции правильно указал, что убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшей, применяя к ней насилие. Причем не обязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них.

Таким образом, правовая оценка действий осужденной Б. является правильной.

Определение N 7-АПУ20-2

43. По смыслу закона получение должностным лицом незаконного вознаграждения за бездействие, связанное с неисполнением своих служебных обязанностей, следует квалифицировать как получение взятки вне зависимости от намерения лица выполнить обещанное.

По приговору суда первой инстанции (с учетом определений судов апелляционной и кассационной инстанций) Б. осужден по п. "в" ч. 5 ст. 290 УК РФ за получение должностным лицом взятки в крупном размере за незаконное бездействие.

Адвокат в защиту интересов осужденного в кассационной жалобе оспаривал квалификацию его действий. Автор жалобы отмечал, что обещанное бездействие Б. не было связано с исполнением им его должностных обязанностей, поскольку полномочия по регистрации юридических лиц осуществляла другая налоговая инспекция. В связи с этим в действиях осужденного усматриваются признаки мошенничества.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор в части квалификации действий осужденного без изменения, указав следующее.

Как следует из материалов дела, Б. получил незаконное вознаграждение (взятку) за незаконное бездействие при осуществлении обязанностей должностного лица по осуществлению контроля достоверности информации, имеющей юридическое значение для принятия решения о регистрации юридических лиц.

Доводы о том, что в полномочия Б. не входило принятие вышеуказанных решений, не свидетельствуют о том, что полученное им незаконное вознаграждение не было связано с его служебной деятельностью. При осуществлении своих должностных полномочий Б. проверял информацию, которая имела правовое значение для принятия решения о регистрации юридического лица либо для отказа в такой регистрации. Указанная информация передавалась в орган, принимающий решение (Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы), и в зависимости от ее содержания являлась основанием для положительного либо отрицательного решения по указанному вопросу.

Обещав бездействовать при выполнении указанных обязанностей, то есть не передавать в регистрирующий орган информацию, которая бы противоречила интересам взяткодателя и могла повлечь отказ в регистрации юридических лиц (изменений в их учредительные документы), и получив за это денежное вознаграждение, Б. тем самым совершил должностное преступление, которое получило правильную юридическую оценку.

Доводы защитника о том, что Б., обещая бездействовать за денежное вознаграждение, фактически этого не делал, не свидетельствуют о наличии по делу обстоятельств, имеющих правовое значение.

По смыслу закона получение должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, ценностей за бездействие, которое входит в его служебные полномочия либо которым оно может способствовать в силу своего должностного положения, а равно за общее покровительство или попустительство по службе следует квалифицировать как получение взятки или коммерческий подкуп вне зависимости от намерения совершить указанное бездействие.

Определение N 5-УДП20-70-К2

Назначение наказания

44. В случае, когда установленное в санкции статьи дополнительное наказание не является обязательным, суд в приговоре должен указать основания его применения с приведением соответствующих мотивов.

По приговору суда от 28 октября 2014 г. (с учетом последующих изменений) М., ранее судимый, осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ к 8 годам 3 месяцам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год, по п. "в" ч. 2 ст. 158 УК РФ к 1 году 9 месяцам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно М. назначено 9 лет 3 месяца лишения свободы с ограничением свободы на 1 год. В соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ установлены ограничения и возложена обязанность, указанные в приговоре.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, изменила состоявшиеся судебные решения по следующим основаниям.

Согласно приговору от 28 октября 2014 г. за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, суд, помимо основного наказания в

виде лишения свободы, назначил М. дополнительное наказание в виде ограничения свободы.

Учитывая, что санкция ч. 4 ст. 111 УК РФ наряду с основным наказанием в виде лишения свободы предусматривает и дополнительное наказание в виде ограничения свободы, не являющееся обязательным, суд в случае назначения дополнительного наказания обязан мотивировать в приговоре свои выводы.

Однако в обжалуемом приговоре каких-либо выводов относительно необходимости назначения осужденному за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, дополнительного наказания в виде ограничения свободы сделано не было, мотивы принятия судом такого решения отсутствуют.

Указанное нарушение, допущенное судом первой инстанции, при пересмотре дела в кассационном порядке не установлено и не устранено.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и исключила из него назначение М. дополнительного наказания в виде ограничения свободы за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, и по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ, а также указание на установление М. ограничений и возложение обязанности в силу ч. 1 ст. 53 УК РФ.

Определение N 18-УД20-28

45. Если на момент вступления в силу акта об амнистии факт совершения лицом нового умышленного преступления в течение испытательного срока условного осуждения не был подтвержден вступившим в законную силу приговором, то такое лицо не может быть признано злостным нарушителем порядка отбывания наказания.

По приговору Борзинского городского суда Забайкальского края от 10 февраля 2015 г. Ч. (ранее судимый по п. "а" ч. 2 ст. 166 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года) осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 166 УК РФ с учетом правил чч. 1 и 5 ст. 62, ч. 3 ст. 66 УК РФ к 2 годам лишения свободы. На основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров к назначенному наказанию частично присоединено неотбытое наказание по приговору от 2 апреля 2014 г. и окончательно назначено 3 года 6 месяцев лишения свободы.

Апелляционным постановлением Забайкальского краевого суда от 30 июня 2015 г. приговор в отношении Ч. изменен: наказание по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 166 УК РФ с применением ч. 3 ст. 66, чч. 1 и 5 ст. 62 УК РФ смягчено до 1 года 7 месяцев лишения свободы, на основании ст. 70 УК РФ окончательно назначено 3 года 3 месяца лишения свободы.

Постановлением президиума Забайкальского краевого суда от 29 октября 2015 г. приговор и апелляционное постановление в отношении Ч. изменены: назначенное на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров наказание смягчено до 3 лет 1 месяца лишения свободы.

Адвокат в защиту интересов осужденного просил изменить судебные решения, ссылаясь на то, что осужденный подлежал освобождению от отбывания наказания по приговору от 2 апреля 2014 г. ввиду применения акта об амнистии.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила состоявшиеся судебные решения в части назначенного осужденному наказания по следующим основаниям.

Из материалов уголовного дела усматривается, что по приговору от 2 апреля 2014 г. Ч. был осужден по п. "а" ч. 2 ст. 166 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года.

В соответствии с пунктом 4 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. N 6576-6ГД "Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" (далее - Постановление об объявлении амнистии) условно осужденные подлежали освобождению от наказания.

Каких-либо ограничений для применения к Ч. данного акта об амнистии на момент его принятия не имелось. Считать его злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания согласно пункту 19 постановления о порядке применения амнистии оснований также не имеется, поскольку судебного решения об отмене условного осуждения по приговору от 2 апреля 2014 г. до вступления в силу акта об амнистии не принято.

Кроме того, по смыслу подпункта 4 пункта 19 постановления о порядке применения амнистии факт совершения осужденным нового умышленного преступления во время отбывания наказания должен подтверждаться на день вступления в силу акта об амнистии постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу итоговым судебным решением (постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или обвинительным приговором). При отсутствии на указанный день такого процессуального документа акт об амнистии подлежит применению.

Между тем суд апелляционной инстанции не дал оценки тому обстоятельству, что на момент вступления приговора от 10 февраля 2015 г. в законную силу Постановление об объявлении амнистии уже действовало и краевому суду следовало учесть его при рассмотрении апелляционной жалобы Ч. на приговор от 10 февраля 2015 г.

Указанные обстоятельства были оставлены без внимания и судом кассационной инстанции.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор, апелляционное постановление и постановление президиума: освободила Ч. от назначенного по приговору от 2 апреля 2014 г. по п. "а" ч. 2 ст. 166 УК РФ наказания на основании п. 4 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. N 6576-6ГД "Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов".

Также Судебная коллегия исключила назначенное осужденному по приговору от 10 февраля 2015 г. наказание по правилам ст. 70 УК РФ, указание на отмену условного осуждения на основании ч. 4 ст. 74 УК РФ и учет судимости по приговору от 2 апреля 2014 г.

Признано считать Ч. осужденным по приговору от 10 февраля 2015 г. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 166 УК РФ к 1 году 7 месяцам лишения свободы.

Определение N 72-УД19-13

Процессуальные вопросы

46. Судья, ранее принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде второй инстанции в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может участвовать в заседании суда второй инстанции в отношении соучастников преступления.

По приговору Ессентукского городского суда Ставропольского края от 2 августа 2012 г. осуждены Б. по ч. 3 ст. 30, п. "г" ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (по 15 эпизодам) и А. - по ч. 3 ст. 30, п. "г" ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (по 5 эпизодам).

По делу также осуждены К., Н. и Н.А.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда от 31 октября 2012 г. указанный приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума Ставропольского краевого суда от 31 мая 2016 г. приговор и кассационное определение изменены: приговор в части осуждения А. по ч. 3 ст. 30, п. "г" ч. 3 ст. 228.1 УК РФ по преступлению, совершенному 29 апреля 2011 г., и в части осуждения Б. по ч. 3 ст. 30, п. "г" ч. 3 ст. 228.1 УК РФ по преступлениям, совершенным 29 апреля, 5 и 6 мая 2011 г., отменен, производство по уголовному делу в этой части в отношении А. и Б. прекращено в связи с отсутствием в их действиях составов указанных преступлений на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ с признанием за ними права на реабилитацию.

Осужденный Б. в кассационной жалобе выражал несогласие с вынесенными по делу судебными решениями. Указывал, что при рассмотрении дела судом второй инстанции в составе судебной коллегии принимал участие судья Г., ранее участвовавший в рассмотрении в кассационном порядке уголовного дела, выделенного в отдельное производство, в отношении лица, показания которого использовались в качестве доказательства по данному делу, и, соответственно, был связан высказанной уже позицией по обстоятельствам дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение и последующие судебные решения по следующим основаниям.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в определениях от 1 ноября 2007 г. N 799-О-О, от 17 июня 2008 г. N 733-О-П, а также в силу предписаний ст. 61 и 63 УПК РФ, направленных на обеспечение объективности и беспристрастности суда, повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела, ранее высказавшего в ходе производства по делу свое мнение по предмету рассмотрения, является недопустимым (поскольку оно связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу), вне зависимости от того, было или не было отменено вышестоящим судом принятое с участием этого судьи решение.

По смыслу закона данное требование о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела действует на всех этапах судебного разбирательства, в том числе и при обжаловании судебных решений. Однако по настоящему уголовному делу указанное выше требование было нарушено.

Так, из материалов уголовного дела видно, что 22 марта 2012 г. Ессентукским городским судом был постановлен приговор в отношении О. по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. О. был признан виновным и осужден за два преступления, предусмотренные ч. 5 ст. 33 и ч. 2 ст. 228 УК РФ.

При рассмотрении 16 мая 2012 г. кассационной жалобы осужденного О. на указанный приговор в состав судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда входил судья Г.

Как следует из приговора от 2 августа 2012 г., в обоснование виновности Б. и А. по каждому из совершенных преступлений суд сослался на показания свидетеля О., в отношении которого приговор вступил в законную силу, об обстоятельствах имевших место событий незаконного оборота наркотических средств.

Вместе с тем 31 октября 2012 г. при проверке законности постановленного в отношении Б., А. и других приговора и рассмотрении кассационных жалоб осужденных и их защитников в состав судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда вновь входил судья Г.

Однако судья Г., ранее принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в отношении О. в составе суда второй инстанции, не вправе был в дальнейшем участвовать в рассмотрении уголовного дела в отношении Б. и А., поскольку такое участие было связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств при рассмотрении уголовного дела в отношении О. и он уже высказал свое мнение по вопросам, связанным с предметом судебного разбирательства суда кассационной инстанции.

Повторное участие одного и того же судьи в рассмотрении двух уголовных дел с одними и теми же обстоятельствами не было принято во внимание президиумом Ставропольского краевого суда.

В связи с изложенным уголовное дело в отношении Б. и А. передано в тот же суд на новое кассационное рассмотрение в порядке гл. 45 УПК РФ иным составом суда.

Определение N 19-УД19-28

47. Лишение защитника права высказать в прениях сторон мнение по поводу допустимости доказательств признано существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлекшим нарушение конституционного права подсудимого на квалифицированную юридическую помощь, что послужило основанием для отмены приговора судом кассационной инстанции.

По приговору суда первой инстанции Я., А. и О. осуждены по ч. 2 ст. 209 УК РФ и другим статьям Уголовного кодекса РФ.

По этому же приговору Г. осужден по ч. 1 ст. 209 УК РФ, ч. 3 ст. 222 УК РФ, ч. 2 ст. 3251 УК РФ, пп. "а", "ж", "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ, пп. "а", "б", "в" ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Адвокаты в защиту интересов осужденных и осужденные в апелляционных жалобах просили приговор отменить, поскольку судебное разбирательство проведено с нарушением основных принципов судопроизводства. Так, защитник осужденного Я. отметил, что председательствующий прерывал его выступление в прениях, из-за того, что он по-своему интерпретировал доказательства и оценивал их, а затем в нарушение ч. 5 ст. 292 УПК РФ он был лишен права участвовать в прениях. Аналогичные нарушения допущены и в отношении защитников других осужденных, что свидетельствует о нарушении права осужденных на защиту.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 5 ст. 292 УПК РФ суд не вправе ограничивать продолжительность прений сторон. При этом председательствующий вправе останавливать участвующих в прениях лиц, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, а также доказательств, признанных недопустимыми.

Как следует из протокола судебного заседания, во время выступлений в

судебных прениях защитников осужденных, когда адвокаты, давая оценку доказательствам, заявляли о недопустимости протоколов допросов подозреваемых, председательствующий сначала неоднократно останавливал выступления защитников, запрещая высказываться о недопустимости доказательств, а затем в нарушение вышеуказанных требований уголовно-процессуального закона лишил адвоката права выступления в судебных прениях со ссылкой на то, что ранее судом принято решение о допустимости этих доказательств, а адвокат неправильно интерпретирует имеющиеся доказательства, злоупотребляя своими правами.

Однако мотивы принятых судом решений не соответствуют уголовно-процессуальному закону. Председательствующим установлены не основанные на законе ограничения для участия в судебных прениях защитников; предусмотренных законом оснований для лишения адвоката права на выступление в судебных прениях не имелось.

Выступая в судебных прениях, защитник вправе дать оценку всем исследованным доказательствам, в том числе и тем, в отношении которых судом принималось решение об отказе в признании их недопустимыми. Более того, это является обязанностью защитника в силу ч. 1 ст. 248 УПК РФ, из которой следует, что защитник подсудимого излагает суду свое мнение по существу обвинения и его доказанности, об обстоятельствах, смягчающих наказание подсудимого или оправдывающих его, о мере наказания, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства.

Кроме того, в судебных прениях председательствующий останавливал выступления адвокатов, которые высказывали мнение относительно показаний в качестве подозреваемых А. и О., и, утверждая о законности, достоверности, допустимости этих доказательств, неподтверждении доводов адвокатов исследованными доказательствами, в нарушение требований ч.1 ст. 88, п. 2 ст. 307 УПК РФ до удаления в совещательную комнату дал оценку этим доказательствам на предмет их достоверности, в то время как оценка всем исследованным в судебном заседании доказательствам должна быть дана при постановлении приговора.

Допущенные нарушения уголовно-процессуального закона признаны существенными, которые привели к невозможности реализации адвокатом Т. и ограничению реализации адвокатом К. своих прав, закрепленных в ст. 53 УПК РФ, и, как следствие, к нарушению гарантированных ст. 48 Конституции Российской Федерации прав подсудимых на получение квалифицированной юридической помощи, и наряду с другими установленными по делу нарушениями в их совокупности могло повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Данные нарушения не могут быть устранены в суде апелляционной инстанции.

На основании вышеизложенного Судебная коллегия отменила приговор в отношении всех осужденных, уголовное дело передала на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд иным составом суда.

Определение N 18-АПУ19-29

48. Оправдание по ст. 210 УК РФ лица, осужденного этим же приговором за другие преступления, совершенные в составе организованной группы, не предоставляет ему право на реабилитацию в соответствии с ч. 2 ст. 133 УПК РФ.

По приговору суда Б., С., Н. и другие признаны невиновными в

совершении преступлений, предусмотренных чч. 1, 2 и 3 ст. 210 УК РФ, на основании п. 2 ч.1 ст. 24, п. 2 ч.1 ст. 27, п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, то есть в связи с отсутствием в их действиях состава преступления, оправданы, за ними признано право на реабилитацию.

По этому же приговору Б., С., Н. и другие осуждены по пп. "а", "ж", "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ, по п. "а" ч. 3 ст. 126 УК РФ и другим статьям Уголовного кодекса РФ.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил приговор суда изменить: в отношении Б., С., Н. и других исключить указание о признании за ними права на реабилитацию, считая, что у суда отсутствовали правовые основания для признания за оправданными по ст. 210 УК РФ права на реабилитацию, поскольку принятым решением была изменена лишь степень организованности соучастников в совершении преступлений, то есть они признаны виновными в совершении преступлений не в составе преступного сообщества, а в составе организованной преступной группы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и исключила из него указание о признании права на реабилитацию Б., С., Н. и других в связи с оправданием по чч. 1, 2 и 3 ст. 210 УК РФ, по следующим основаниям.

Под реабилитацией в уголовном судопроизводстве понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию.

По смыслу закона к лицам, имеющим право на реабилитацию, указанным в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, не относятся, в частности, осужденные, преступные действия которых переквалифицированы или из обвинения которых исключены квалифицирующие признаки, ошибочно вмененные статьи при отсутствии идеальной совокупности преступлений либо в отношении которых приняты иные решения, уменьшающие объем обвинения, но не исключающие его.

Оправдание Б., С., Н. и других по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1, 2 и 3 ст. 210 УК РФ, повлекло уменьшение объема обвинения, однако не исключило его полностью, поскольку изменилась степень участия каждого из них в совершении преступлений.

Определение N 9-АПУ19-24

49. При вынесении частного постановления суд обязан объявить об этом участникам судебного разбирательства, о чем делается запись в протоколе судебного заседания.

По приговору суда осуждены: А. - по ч. 3 ст. 33, п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 2 ст. 222 УК РФ, М. - по п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ, по ч. 2 ст. 222 УК РФ и Д. - по ч. 3 ст. 33, п. "г" ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Одновременно с приговором судом вынесено частное постановление, в соответствии с которым в адрес руководителя Следственного комитета направлена выписка из протокола судебного заседания для организации проведения проверки в связи с ненадлежащим поведением в судебном заседании подсудимых А. и М.

В апелляционной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного А. просил частное постановление отменить, поскольку указанное постановление не оглашалось в судебном заседании, содержащиеся в нем сведения не соответствуют фактическим обстоятельствам дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской

Федерации отменила частное постановление по следующим основаниям.

Исходя из положений ч. 4 ст. 29 УПК РФ, суд, установив при рассмотрении уголовного дела, что недостатки, ошибки, упущения в деятельности предприятий, учреждений, организаций или должностных лиц способствовали совершению преступления либо иного правонарушения, согласно требованиям ч. 4 ст. 29 УПК РФ выносит частное определение (постановление), в котором излагает существо вскрытых недостатков, ошибок и упущений, указывает на связь между ними и совершенным преступлением или иным правонарушением и предлагает принять необходимые меры к их устранению.

По смыслу закона вопрос о целесообразности оглашения частного постановления в судебном заседании решается судом, однако суд обязан объявить о том, что по делу вынесено частное постановление, о чем делается запись в протоколе судебного заседания.

Согласно материалам дела протокол судебного заседания от 21 июня 2019 г. не содержит сведений ни о провозглашении, ни о вынесении по делу частного постановления.

Определение N 18-АПУ20-4

50. Суд обоснованно отказал в удовлетворении гражданского иска о взыскании материального ущерба и компенсации морального вреда с того осужденного по уголовному делу, который не был признан виновным в убийстве потерпевшего.

Апелляционным приговором Пятого апелляционного суда общей юрисдикции осуждены: З.К. - по пп. "а", "в", "г" ч. 2 ст. 126 УК РФ, по п. "в" ч. 2 ст. 105 УК РФ и З.Г. - по пп. "а", "в", "г" ч. 2 ст. 126 УК РФ.

Гражданский иск потерпевшей В. удовлетворен частично: с З.К в пользу В. взыскано 213 917 руб. в счет возмещения расходов на погребение, а также 2 млн руб. в счет компенсации морального вреда.

В кассационной жалобе потерпевшая В. выражала несогласие с апелляционным приговором в части принятого решения по гражданскому иску. По мнению потерпевшей, суд, руководствуясь статьями 1064 и 1080 ГК РФ, обязан был вынести решение о солидарном взыскании с осужденных денежной компенсации морального вреда, причиненного ей преступлением. Потерпевшая просила апелляционный приговор изменить и удовлетворить ее исковые требования к З.Г. о компенсации морального вреда в полном объеме.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а кассационную жалобу потерпевшей без удовлетворения по следующим основаниям.

Согласно ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

В. по делу о преступлении, последствием которого явилась смерть ее

сына - В.Д., признана потерпевшей и гражданским истцом в соответствии с ч. 8 ст. 42 и ч. 1 ст. 44 УПК РФ.

Как видно из исковых требований потерпевшей В., свой иск о взыскании с З.К. и З.Г. материального ущерба и денежной компенсации морального вреда она обосновывала понесенными расходами на похороны сына, приобретением ею медикаментов и прохождения лечения, а также физическим и нравственными страданиями, связанными с убийством сына.

Суд апелляционной инстанции удовлетворил исковые требования В. частично, взыскав в ее пользу с З.К., как с лица, совершившего убийство ее сына, 213 917 руб. в счет возмещения расходов на погребение, а также 2 млн руб. в счет компенсации морального вреда.

При этом суд обоснованно отказал в удовлетворении требований В. о взыскании материального ущерба и компенсации морального вреда с З.Г., поскольку последний не признан виновным в убийстве ее сына.

Определение N 74-УД20-4-А5

Судебная коллегия по административным делам

51. Отсутствие государственной регистрации права долевой собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения всех участников долевой собственности не является препятствием для регистрации договора аренды на этот участок.

Участниками общей долевой собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения на общем собрании утверждены условия договора аренды этого земельного участка, избрано лицо, уполномоченное действовать от имени собственников без доверенности, в том числе заключать и подписывать договоры аренды земельного участка.

Уполномоченное лицо, действующее от имени собственников, обратилось в Управление Росреестра с заявлением о государственной регистрации договора аренды, заключенного собственниками с обществом с ограниченной ответственностью.

Решением Управления Росреестра осуществление государственной регистрации договора аренды приостановлено ввиду того, что не все участники долевой собственности зарегистрировали свои права на этот земельный участок.

Уполномоченное лицо обратилось в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным указанного решения и возложении обязанности совершить необходимые регистрационные действия, ссылаясь на то, что приостановление государственной регистрации договора аренды земельного участка нарушает права участников общей долевой собственности, поскольку лишает их возможности распорядиться на законных основаниях принадлежащей им собственностью и получать арендную плату.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано. Суд, установив, что в Едином государственном реестре недвижимости (далее - ЕГРН) имеется 10 актуальных записей о зарегистрированных правах в отношении спорного земельного участка из 43 участников общей долевой собственности на этот участок, посчитал, что отсутствие регистрации права собственности на доли земельного участка всех участников общей долевой собственности является объективным препятствием для государственной регистрации обременения данного объекта недвижимости в виде аренды. По мнению суда, оспариваемое решение

регистрирующего органа прав и законных интересов участников общей долевой собственности не нарушает, поскольку они имеют возможность распорядиться своими зарегистрированными земельными долями посредством их выдела в натуре и последующего заключения договора аренды в отношении выделенного земельного участка.

Суды апелляционной и кассационной инстанций признали данные выводы правильными, основанными на положениях ч. 6 ст. 1, п. 1 ст. 51, чч. 1-3 ст. 69 Федерального закона от 13 июля 2015 г. N 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" (далее - Федеральный закон N 218-ФЗ), предписывающих осуществлять государственную регистрацию перехода прав на объект недвижимости при условии наличия государственной регистрации ранее возникших прав на данный объект в ЕГРН.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Правовое регулирование отношений в области оборота земельных участков и долей в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения (далее - сельхозназначения) осуществляется Конституцией Российской Федерации, Земельным кодексом Российской Федерации, Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 24 июля 2002 г. N 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" (далее - Закон об обороте земель), другими федеральными законами, а также принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и законами субъектов Российской Федерации (п. 2 ст. 1 Закона об обороте земель).

Согласно п. 1 ст. 9 Закона об обороте земель земельные участки из земель сельхозназначения, в том числе земельные участки, находящиеся в долевой собственности, прошедшие государственный кадастровый учет, могут быть переданы в аренду.

Право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в ЕГРН органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней (п. 1 ст. 131 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В соответствии с Федеральным законом N 218-ФЗ в случаях, установленных федеральным законом, государственной регистрации подлежат также ограничения прав и обременения недвижимого имущества, в качестве которых наряду с сервитутом, ипотекой, доверительным управлением и наймом жилого помещения указана аренда (ч. 6 ст. 1).

В силу п. 2 ст. 609 Гражданского кодекса Российской Федерации, п. 2 ст. 25, ст. 26 Земельного кодекса Российской Федерации договоры аренды земельных участков, заключенные на срок год и более, подлежат государственной регистрации.

Следовательно, регистрация договора аренды спорного земельного участка является регистрацией обременения недвижимого имущества.

Права владения, пользования и распоряжения своим имуществом принадлежат собственнику такого имущества. Распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников (п. 1 ст. 209, п. 1 ст. 246 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В силу ст. 12 Закона об обороте земель к сделкам, совершаемым с

долями в праве общей собственности на земельный участок из земель сельхозназначения, применяются правила Гражданского кодекса Российской Федерации. В случае если число участников долевой собственности на такой земельный участок превышает пять, правила названного кодекса применяются с учетом особенностей, установленных данной статьей, а также ст. 13 и 14 этого закона.

Статья 14 Закона об обороте земель закрепляет, что владение, пользование и распоряжение земельным участком из земель сельхозназначения, находящимся в долевой собственности более чем пяти лиц, осуществляются в соответствии с решением участников долевой собственности, принимаемым на общем собрании участников долевой собственности, к компетенции которого отнесено принятие решений об условиях договора аренды земельного участка, находящегося в долевой собственности, о лице, уполномоченном от имени участников общей долевой собственности заключать договоры аренды данного участка, а также без доверенности действовать в том числе при обращении с заявлением о государственной регистрации прав в отношении земельного участка, находящегося в общей долевой собственности (п. 1, подп. 6 и 7 п. 3).

Полномочия такого лица подтверждаются выпиской из протокола общего собрания и могут быть отозваны только по решению общего собрания участников общей долевой собственности (п. 4).

В силу ст. 141 Закона об обороте земель общее собрание считается правомочным в случае присутствия на нем участников долевой собственности, составляющих не менее чем 50 процентов их общего числа или, если способ указания размера земельной доли допускает сопоставление долей в праве общей собственности на земельный участок, владеющих более чем 50 процентами таких долей (п. 5). Решение считается принятым, если за него проголосовали участники общего собрания, владеющие в совокупности более чем 50 процентами долей общего числа долей собственников, присутствующих на общем собрании (при условии, что способ указания размера земельной доли допускает сопоставление долей в праве общей собственности на этот земельный участок), или большинство участников общего собрания (п. 8).

Из протокола общего собрания участников долевой собственности следует, что на собрании присутствовали 80,1 процента общего числа собственников земельных паев, его правомочность в установленном порядке не оспорена.

Согласно п. 2 ст. 9 Закона об обороте земель договор аренды находящегося в долевой собственности земельного участка из земель сельхозназначения может быть подписан лицом, уполномоченным решением общего собрания участников долевой собственности совершать без доверенности сделки с таким земельным участком, если условия указанного договора соответствуют условиям, определенным решением общего собрания участников долевой собственности.

По смыслу ст. 14 указанного закона участник общей долевой собственности не может лично обращаться с заявлением о регистрации договора аренды, поскольку в случае избрания собственниками земельных долей уполномоченного лица по заключению договора аренды земельного участка, находящегося в общей долевой собственности, и по обращению в регистрирующий орган с заявлением о государственной регистрации договора аренды такого земельного участка, государственная регистрация может осуществляться только по заявлению либо уполномоченного лица, действующего от имени собственников, либо по заявлению арендатора.

Таким образом, невнесение записи о государственной регистрации договора аренды на основании заявления лица, уполномоченного на его подачу общим собранием собственников, противоречит приведенным законоположениям и создает препятствия в реализации решений, принятых общим собранием участников долевой собственности.

В силу ст. 18 Закона об обороте земель свидетельства о праве на земельные доли, выданные до вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", а при их отсутствии - выписки из принятых до вступления в силу указанного закона решений органов местного самоуправления о приватизации сельскохозяйственных угодий, удостоверяющие права на земельную долю, имеют равную юридическую силу с записями в ЕГРН.

Поскольку решения, касающиеся владения, пользования и распоряжения земельным участком из земель сельхозназначения, принимаются общим собранием участников долевой собственности при наличии установленного законом кворума, являются обязательными как для участников, голосовавших за принятие данного решения, так и для участников, которые голосовали против либо не принимали участия в собрании, договор аренды заключается уполномоченным общим собранием лицом от имени всех участников общей долевой собственности, в том числе собственников, не зарегистрировавших свои права на земельные доли, то необходимости участия всех собственников земельного участка в обороте земель сельхозназначения, в том числе обязательности регистрации права каждого собственника земельной доли в ЕГРН, не имеется, закон такого требования не содержит.

В соответствии с абзацем пятым п. 10 Порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, утвержденного приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 16 декабря 2015 г. N 943, запись о праве, ограничении права, обременении недвижимости, сделке вносится в ЕГРН при наличии записи об объекте недвижимости в кадастре недвижимости.

Земельный участок сформирован и поставлен на кадастровый учет, соответствующие сведения имеются в ЕГРН.

При регистрации прав на недвижимое имущество, находящееся в общей долевой собственности, право каждого сособственника регистрируется в виде отдельной записи о вещном праве каждого из участников общей долевой собственности (п. 90 указанного Порядка).

Таким образом, в случае обращения участника общей долевой собственности за государственной регистрацией доли в праве на спорный земельный участок в ЕГРН будет сделана запись о праве общей долевой собственности.

Пунктом 5 ст. 14 Закона об обороте земель установлено, что участник долевой собственности, выразивший на общем собрании участников долевой собственности несогласие с передачей в аренду земельного участка, находящегося в долевой собственности, или с условиями договора аренды такого земельного участка, в случае передачи его в аренду вправе выделить земельный участок в счет принадлежащих ему земельной доли или земельных долей по правилам, установленным п. 4 ст. 13 данного федерального закона, и распорядиться им по своему усмотрению.

По смыслу приведенной нормы участники долевой собственности даже после заключения соответствующего договора аренды земельного участка при наличии у них возражений относительно такого договора не лишаются возможности выделить и лично пользоваться (или иным образом

распорядиться) принадлежащей им земельной долей.

Следовательно, государственная регистрация договора аренды земельного участка сельхозназначения, находящегося в общей долевой собственности, при отсутствии в ЕГРН сведений о регистрации прав на земельные доли в составе спорного земельного участка всех участников такой собственности не влечет нарушений прав и законных интересов участников долевой собственности, не зарегистрировавших свои права на принадлежащие им доли.

Определение N 46-КАД20-4-К6

52. Плательщики страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, применяющие упрощенную систему налогообложения и выбравшие в качестве объекта налогообложения доходы, уменьшенные на величину расходов, при определении размера дохода, учитываемого для определения размера страховых взносов, уменьшают полученные доходы на величину фактически произведенных ими и документально подтвержденных расходов.

Налоговая инспекция обратилась в суд с административным исковым заявлением о взыскании с предпринимателя, применяющего упрощенную систему налогообложения, задолженности по страховым взносам на обязательное пенсионное страхование за 2017 г. и пени. Оплата предпринимателем страховых взносов, рассчитанных исходя из доходов, уменьшенных на величину расходов, признана налоговым органом неполной.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено частично. Отказывая в удовлетворении требований в части, суд исходил из того, что сумма задолженности подлежала расчету из дохода индивидуального предпринимателя, уменьшенного на величину фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода, поскольку административным ответчиком при осуществлении предпринимательской деятельности применялась упрощенная система налогообложения с объектом налогообложения "доходы, уменьшенные на величину расходов".

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда в части отказа в удовлетворении административного искового заявления и принял новое решение, которым требования налогового органа удовлетворил в полном объеме, посчитав, что доходом для целей расчета страховых взносов на обязательное пенсионное страхование предпринимателями, применяющими упрощенную систему налогообложения, является конкретная экономическая выгода от сделки или совокупности сделок индивидуального предпринимателя, выраженная в суммовом выражении без учета расходов.

Кассационным определением апелляционное определение оставлено без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное и кассационное определения, оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

С 1 января 2017 г. вопросы исчисления и уплаты обязательных страховых взносов регулируются гл. 34 Налогового кодекса Российской Федерации (далее также - Кодекс), введенной в действие Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 243-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование".

На основании п. 3 ст. 420 Кодекса объектом обложения страховыми взносами для плательщиков, указанных в подп. 2 п. 1 ст. 419 Кодекса, признается осуществление предпринимательской либо иной профессиональной деятельности в случае, предусмотренном абзацем третьим подп. 1 п. 1 ст. 430 Кодекса, объектом обложения страховыми взносами также признается доход, полученный плательщиком страховых взносов и определяемый в соответствии с п. 9 ст. 430 Кодекса.

В силу подп. 3 п. 9 ст. 430 Кодекса для плательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения, в целях применения положений п. 1 данной статьи доход учитывается в соответствии со ст. 346.15 Кодекса.

В соответствии с п. 1 ст. 346.15 Кодекса при определении объекта налогообложения учитываются доходы, определяемые в порядке, установленном подп. 1 и 2 ст. 248 Кодекса.

Согласно положениям пп. 1 и 2 ст. 34614 Кодекса налогоплательщики, применяющие упрощенную систему налогообложения (за исключением налогоплательщиков, предусмотренных п. 3 данной статьи), вправе по своему усмотрению выбрать объект налогообложения: доходы либо доходы, уменьшенные на величину расходов.

Таким образом, налогоплательщики, применяющие упрощенную систему налогообложения и выбравшие в качестве объекта налогообложения доходы, уменьшенные на величину расходов, при определении объекта налогообложения уменьшают полученные доходы, исчисленные в соответствии со ст. 346.15 Кодекса, на предусмотренные ст. 346.16 Кодекса расходы.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 30 ноября 2016 г. N 27-П, доход индивидуального предпринимателя, уплачивающего налог на доходы физических лиц и не производящего выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, учитываемый для определения размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежит уменьшению на величину фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода.

Поскольку принцип определения объекта налогообложения плательщиками налога на доходы физических лиц аналогичен принципу определения объекта налогообложения для плательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения с объектом налогообложения -доходы, уменьшенные на величину расходов, указанная позиция подлежит применению в рассматриваемой ситуации, на что ранее было указано в п. 27 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12 июля 2017 г.

На необходимость применения указанной позиции к рассматриваемой ситуации также указано Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 30 января 2020 г. N 10-П, согласно которому действующее законодательное регулирование уплаты страховых взносов, подлежащее применению в том числе с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в постановлении от 30 ноября 2016 г. N 27-П, не содержит неопределенности и предполагает определение объекта обложения страховыми взносами исходя из доходов, полученных плательщиком страховых взносов, с применением правил определения налогооблагаемого дохода, предусмотренных для соответствующей системы налогообложения (п. 3 ст. 420 и п. 9 ст. 430 Налогового кодекса Российской Федерации).

53. Государственный регистратор наделен правом проверять форму и содержание представленных документов, при этом к его полномочиям не отнесена возможность давать оценку действиям органа местного самоуправления, наделенного соответствующими правами на распоряжение земельным участком.

Постановлением органа местного самоуправления М. признан малоимущим, нуждающимся в жилом помещении.

Между М. и исполнительным органом местного самоуправления заключен договор аренды земельного участка, из которого следует, что земельный участок предоставлен М. в аренду без проведения торгов как гражданину, имеющему право на первоочередное или внеочередное приобретение земельных участков.

По результатам правовой экспертизы представленных документов Управлением Росреестра отказано в государственной регистрации указанного договора аренды на том основании, что в период до признания М. малоимущим им была отчуждена доля в праве собственности на квартиру, в связи с чем постановление органа местного самоуправления о признании М. малоимущим и нуждающимся в жилом помещении издано с нарушением закона, поскольку граждане могут быть признаны нуждающимися в жилых помещениях, приняты на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях не ранее чем через пять лет со дня совершения указанных выше намеренных действий.

М. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании данного отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. Суд пришел к выводу о том, что при наличии установленных в результате правовой экспертизы обстоятельств - факта отчуждения административным истцом в 2017 году принадлежащего ему имущества - регистрирующий орган вправе был отказать в государственной регистрации договора аренды земельного участка.

Кассационным определением принятые по делу судебные акты оставлены без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Согласно ст. 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. N 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" (далее - Федеральный закон N 218-ФЗ) основаниями для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав являются в числе прочего акты, изданные органами государственной власти или органами местного самоуправления в рамках их компетенции и в порядке, который установлен законодательством, действовавшим в месте издания таких актов на момент их издания, и устанавливающие наличие, возникновение, переход, прекращение права или ограничение права и обременение объекта недвижимости; акты (свидетельства) о правах на недвижимое имущество, выданные уполномоченными органами государственной власти в порядке, установленном законодательством, действовавшим в месте издания таких актов на момент их издания (пп. 1 и 6 ч. 2).

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 29 названного закона государственный

кадастровый учет и (или) государственная регистрация прав состоят в том числе из проведения правовой экспертизы документов, представленных для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, на предмет наличия или отсутствия установленных данным федеральным законом оснований для приостановления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав либо для отказа в осуществлении государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав.

Государственный регистратор прав, устанавливая действительность поданных заявителем документов, проверяет: соответствие документов, в том числе их формы и содержания, требованиям законодательства, действовавшего на момент издания и в месте издания документа; наличие у органа государственной власти (органа местного самоуправления) соответствующей компетенции на издание акта, в том числе наличие полномочий у лица, подписавшего этот акт (подп. 1 и 2 п. 221 Административного регламента Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по предоставлению государственной услуги по государственному кадастровому учету и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество, утвержденного приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 7 июня 2017 г. N 278).

Под формой юридического документа понимается внешняя объективизация содержания данного документа, позволяющая обеспечить его законность, а также достичь стоящих перед лицом, принимающим юридический документ, целей. Достижение данных целей осуществляется посредством определения следующих компонентов формы юридического документа: надлежащего носителя (бумажный или электронный), структуры документа (внутренняя упорядоченность его содержания), а также закрепления в нем обязательных элементов, при отсутствии которых он не выполняет своего назначения (реквизиты: вид, адресат, место и дата составления, регистрационный номер документа, подписи лиц и др.).

Под содержанием юридического документа понимается единство его элементов, свойств, раскрывающих сущность и назначение юридического документа, то есть такой документ состоит непосредственно из сведений, удостоверяющих какие-либо факты или из самих нормативных положений.

В силу приведенного регулирования государственный регистратор наделен правом проверять форму и содержание представленных документов, при этом к его полномочиям не отнесена возможность давать оценку действиям органа местного самоуправления, наделенного соответствующими правами на распоряжение земельным участком.

Кроме того, в ч. 1 ст. 26 Федерального закона N 218-ФЗ закреплены самостоятельные основания, препятствующие государственной регистрации прав, а именно: когда сделка, акт органа государственной власти или органа местного самоуправления, являющиеся основанием для государственной регистрации права, признаны недействительными в судебном порядке (п. 12); сделка, подлежащая государственной регистрации или являющаяся основанием для государственной регистрации права, ограничения права или обременения объекта недвижимости, является ничтожной (п. 13).

При таких обстоятельствах государственный регистратор, отказывая в регистрации договора аренды земельного участка по мотиву отсутствия у М. нуждаемости и статуса малоимущего при наличии действующих и не признанных в установленном законом порядке незаконными постановления органа местного самоуправления о признании М. малоимущим, нуждающимся в жилом помещении,

и договора аренды земельного участка, вышел за рамки полномочий, предоставленных Федеральным законом N 218-ФЗ.

Определение N 41-КА19-15

54. Нотариального удостоверения дополнительного соглашения о внесении изменений в договор участия в долевом строительстве жилья, касающихся передачи объекта долевого строительства в общую долевую собственность, для осуществления действий по его государственной регистрации не требуется.

Между супругами Н. и Н. (участниками) и обществом с ограниченной ответственностью (застройщиком) заключен договор участия в долевом строительстве жилья, по условиям которого у участников возникло право требования объекта долевого строительства -квартиры - в совместную собственность. Данный договор зарегистрирован Управлением Росреестра.

После расторжения брака между бывшими супругами заключено соглашение о равенстве долей в праве требования по договору участия в долевом строительстве жилья, доли определены по 1/2 за каждым участником.

В связи с этим было подписано дополнительное соглашение к договору участия в долевом строительстве жилья, по условиям которого у участников возникает право требования объекта долевого строительства в общую долевую собственность.

Управление Росреестра отказало в государственной регистрации этого соглашения по тому основанию, что дополнительное соглашение к договору участия в долевом строительстве жилья, как и соглашение о равенстве долей в праве требования по договору участия в долевом строительстве жилья, подлежит нотариальному удостоверению, поскольку содержит элементы брачного договора.

Н. и Н. обратились в суд с административным исковым заявлением о признании отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Кассационным определением принятые по делу судебные акты оставлены без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 452 Гражданского кодекса Российской Федерации соглашение об изменении или о расторжении договора совершается в той же форме, что и договор, если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев не вытекает иное.

Согласно ч. 3 ст. 4 и ст. 17 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. N 214-ФЗ "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" договор участия в долевом строительстве заключается в письменной форме, подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации, если иное не предусмотрено названным федеральным законом.

Согласно п. 2 ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. N 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" (далее -

Федеральный закон N 218-ФЗ) основаниями для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав являются: договоры и другие сделки в отношении недвижимого имущества, совершенные в соответствии с законодательством, действовавшим в месте расположения недвижимого имущества на момент совершения сделки.

Государственный кадастровый учет и (или) государственная регистрация прав осуществляются по заявлению сторон договора -при государственной регистрации договора и (или) права, ограничения права или обременения объекта недвижимости, возникающих на основании такого договора, либо по заявлению представителя указанных лиц при наличии у него нотариально удостоверенной доверенности, если иное не установлено федеральным законом (ст. 15 Федерального закона N 218-ФЗ).

Государственный регистратор прав в осуществлении государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав отказывает в случае, если в течение срока приостановления не устранены причины, препятствующие осуществлению государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, указанные в ст. 26 данного федерального закона (ст. 27 Федерального закона N 218-ФЗ).

При этом ст. 26 Федерального закона N 218-ФЗ содержит исчерпывающий перечень оснований для приостановления государственной регистрации прав. Одним из оснований для приостановления регистрационных действий является отсутствие документов, необходимых для осуществления государственной регистрации прав, а также несоответствие по форме или содержанию документов требованиям законодательства Российской Федерации (пп. 5, 7 ч. 1 указанной статьи).

Дополнительное соглашение, представленное административными истцами в Управление Росреестра, заключено между сторонами договора участия в долевом строительстве жилья, положениями которого определены взаимоотношения участников данного договора, связанные с привлечением денежных средств для создания объекта долевого строительства. По условиям дополнительного соглашения стороны договорились внести изменения в пункт договора, заменив слова "в совместную собственность" на слова "в общую долевую собственность с определением долей каждого участника по У", а также заменив слова "совместной собственности" на слова "долевой собственности". Таким образом, стороны указанного договора пришли к соглашению об изменении его условий в названной части, удостоверив его текст своими подписями.

Данных о том, что эти требования к оформлению дополнительного соглашения кем-либо из сторон не соблюдены, административным ответчиком не представлено.

Федеральным законодательством не предусмотрено ограничений на регистрацию вновь созданного объекта долевого строительства, в том числе квартиры, в долевую собственность участников этого долевого строительства. Следовательно, указание в дополнительном соглашении на определение конкретных долей при регистрации права собственности на квартиру как вновь созданный объект недвижимости по договору долевого строительства не противоречит действующему законодательству и не нарушает чьих-либо прав и законных интересов и зависит от волеизъявления участников данного долевого строительства.

В данном случае подлежали применению нормы законодательства, регулирующие порядок государственной регистрации прав, а не нормы, регулирующие семейные правоотношения.

Определение N 6-КАД20-4-К2

55. Акты, содержащие требования выполнить в установленный срок законные предписания органа (должностного лица) об устранении нарушений законодательства, неисполнение которых влечет привлечение к административной ответственности, могут быть оспорены в порядке административного судопроизводства.

Л. обратилась в суд с административным исковым заявлением к администрации муниципального образования о признании незаконными актов осмотра земельного участка и предписания об устранении земельного правонарушения.

В обоснование заявленных требований указала, что при ознакомлении с материалами гражданского дела по иску администрации к ней о сносе самовольной постройки ей стало известно, что специалистом Управления муниципального контроля администрации оформлены указанные акты осмотра принадлежащего ей на праве собственности земельного участка, а также вынесено предписание об устранении нарушений земельного законодательства, которым на нее возложена обязанность снести возведенный на этом участке объект незавершенного строительства. Полагает данные акты и предписание незаконными, поскольку осмотр участка произведен в отсутствие задания на проведение мероприятий муниципального контроля, соответствующего плана, осмотры произведены без ее участия, акты и предписание ей не направлялись.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено, оспариваемые акты осмотра и предписание признаны незаконными.

Апелляционным определением судебной коллегии по административным делам указанное решение суда отменено, производство по делу прекращено.

Определением судьи краевого суда отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Как следует из материалов дела, Л. является собственником земельного участка и собственником объекта незавершенного строительства, расположенного на этом земельном участке.

Специалистом Управления муниципального контроля администрации составлен акт осмотра указанного земельного участка, согласно которому на этом участке с видом разрешенного использования - для индивидуального жилищного строительства фактически возведен двухэтажный объект коммерческого назначения (гостиница), в результате чего указанным должностным лицом в адрес Л. вынесено предписание об устранении нарушений земельного законодательства путем сноса двухэтажного объекта капитального строительства.

При повторном осмотре земельного участка с целью установления факта исполнения требований предписания составлен акт, в котором отражено, что требования предписания в установленный в нем срок Л. не выполнены.

Разрешая дело и удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что проведенная в отношении принадлежащего Л. земельного участка и расположенного на нем объекта капитального строительства проверка и составленные по ее результатам документы (акты и предписание) являются незаконными, нарушают права административного истца как собственника земельного участка, поскольку проверка проведена в отсутствие установленных законом оснований.

Отменяя решение суда первой инстанции и прекращая производство по делу, судебная коллегия указала, что акты осмотра и предписание не могут являться предметом судебного оспаривания, поскольку они не нарушают либо иным образом не затрагивают права, свободы и законные интересы Л., поскольку указанные документы сами по себе не влекут для Л. юридических последствий и могут рассматриваться лишь в качестве доказательств по гражданскому делу по иску администрации к Л. о сносе самовольно возведенного объекта, находящемуся в производстве того же суда.

По мнению суда апелляционной инстанции, в оспариваемых актах лишь зафиксированы результаты обследования земельного участка, при этом они не являются властно-распорядительными документами, влекущими для Л. какие-либо правовые последствия. Предписание также не ограничивает права и интересы административного истца как собственника земельного участка, а, наоборот, направлено на соблюдение ею в процессе использования участка требований земельного законодательства.

Отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации исходила из следующего.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131 -ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" осуществление муниципального земельного контроля в границах городского округа относит к вопросам местного значения городского округа (п. 26 ч. 1 ст. 16).

Под муниципальным земельным контролем согласно п. 1 ст. 72 Земельного кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ, Земельный кодекс) понимается деятельность органов местного самоуправления по контролю за соблюдением в том числе гражданами в отношении объектов земельных отношений требований законодательства Российской Федерации, законодательства субъекта Российской Федерации, за нарушение которых законодательством Российской Федерации, законодательством субъекта Российской Федерации предусмотрена административная и иная ответственность.

Органы местного самоуправления городского округа осуществляют муниципальный земельный контроль в отношении расположенных в границах городского округа объектов земельных отношений.

В случае выявления в ходе проведения проверки в рамках осуществления муниципального земельного контроля нарушения требований земельного законодательства, за которое законодательством Российской Федерации предусмотрена административная и иная ответственность, в акте проверки указывается информация о наличии признаков выявленного нарушения.

Должностные лица органов местного самоуправления направляют копию указанного акта в орган государственного земельного надзора, который в срок не позднее чем пять рабочих дней со дня поступления от органа местного самоуправления копии указанного акта проверки обязан рассмотреть указанный акт и принять решение о возбуждении дела об административном правонарушении или решение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении и направить копию принятого решения в орган местного самоуправления (пп. 5, 6 ст. 72 ЗК РФ).

Этой же статьей Земельного кодекса установлено, что муниципальный земельный контроль осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и в порядке, установленном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, а также принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами органов местного самоуправления с

учетом положений данной статьи (п. 2).

В соответствии с Законом Краснодарского края от 4 марта 2015 г. N 3126-К3 "О порядке осуществления органами местного самоуправления муниципального земельного контроля на территории Краснодарского края" основной целью муниципального земельного контроля является контроль за соблюдением органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, гражданами требований законодательства Российской Федерации и законодательства Краснодарского края в отношении объектов земельных отношений, за нарушение которых предусмотрена административная и иная ответственность (ч. 1 ст. 1).

Частью 1 ст. 4 названного закона предусмотрено право должностных лиц органов муниципального контроля в том числе осуществлять плановые и внеплановые проверки соблюдения требований земельного законодательства Российской Федерации (п. 1), выдавать в пределах полномочий обязательные для исполнения предписания об устранении выявленных в результате проверок нарушений земельного законодательства, а также осуществлять контроль за исполнением указанных предписаний в установленные сроки (п. 4).

Действия (бездействие) должностных лиц органов муниципального земельного контроля, органов государственной власти и органов местного самоуправления, приведшие к нарушению прав и законных интересов граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, могут быть обжалованы в административном и (или) судебном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации (ч. 5).

Согласно ч. 4 ст. 10 этого же закона края при выявлении фактов нарушений земельного законодательства должностным лицом органа муниципального земельного контроля выдается предписание об устранении земельного правонарушения.

Таким образом, ст. 72 ЗК РФ и корреспондирующими нормами вышеуказанного Закона Краснодарского края предусмотрена возможность проведения муниципального земельного контроля в отношении физических лиц с выдачей обязательных для исполнения предписаний об устранении нарушений земельного законодательства.

Невыполнение в установленный срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего муниципальный контроль, об устранении нарушений законодательства влечет привлечение к административной ответственности, установленной ч. 1 ст. 19.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

С учетом этого Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указала на то, что вывод суда апелляционной инстанции о том, что оспариваемое предписание об устранении нарушений земельного законодательства путем сноса двухэтажного объекта капитального строительства в определенный срок не нарушает либо иным образом не затрагивает права, свободы и законные интересы Л., является ошибочным.

Определение N 18-КА20-16

56. Суд не связан основаниями и доводами требований об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя и вправе установить обстоятельства, свидетельствующие о необходимости уменьшить размер

исполнительского сбора, освободить должника от его взыскания на основании исследованных в судебном заседании доказательств, даже если стороны на данные обстоятельства не ссылались.

Постановлением судебного пристава-исполнителя с Ш. взыскан исполнительский сбор, поскольку им в срок для добровольного исполнения, установленный постановлением о возбуждении исполнительного производства, не исполнены требования исполнительного документа.

Ш. обратился в районный суд с административным исковым заявлением о признании постановления о взыскании с него исполнительского сбора незаконным, ссылаясь на то, что требования исполнительного документа подлежали удовлетворению из выручки от продажи заложенного имущества, самостоятельно продать которое административный истец не имел права.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Кассационным определением судебной коллегии по административным делам кассационного суда общей юрисдикции состоявшиеся по делу судебные акты оставлены без изменения.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды исходили из того, что в исполнительном документе одновременно содержатся требования о взыскании денежной суммы и об обращении взыскания на заложенное имущество, и, поскольку должником в установленный судебным приставом-исполнителем срок требование о взыскании долга исполнено не было, то у судебного пристава-исполнителя в силу ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве" (далее - Закон об исполнительном производстве, Закон) имелись все основания для вынесения постановления о взыскании семипроцентного исполнительского сбора.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации исходила из следующего.

Своевременное совершение исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения является одним из основных принципов исполнительного производства (п. 2 ст. 4 Закона об исполнительном производстве).

Исполнительными действиями являются совершаемые судебным приставом-исполнителем в соответствии с Законом об исполнительном производстве действия, направленные на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно и на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе. К таким действиям в том числе относится взыскание исполнительского сбора (п. 13 ч. 1 ст. 64 Закона).

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 112 Закона об исполнительном производстве исполнительский сбор является денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения им исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения исполнительного документа, а также в случае неисполнения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства; исполнительский сбор устанавливается судебным приставом исполнителем по истечении срока, указанного в ч. 1

названной статьи, если должник не представил судебному приставу-исполнителю доказательств того, что исполнение было невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. Постановление судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора утверждается старшим судебным приставом.

Приведенные выше нормы в их взаимосвязи с положениями чч. 6, 15, 16 ст. 30 Закона, устанавливающих в том числе порядок возбуждения исполнительного производства, свидетельствуют о том, что исполнительский сбор, будучи по своей юридической природе мерой публично-правовой ответственности, применяется судебным приставом-исполнителем только в период исполнения исполнительного производства и не может быть наложен на должника после окончания исполнительного производства.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 30 июля 2001 г. N 13-П, исполнительский сбор относится к мерам принуждения в связи с несоблюдением законных требований государства. Причем данная мера является не правовосстановительной санкцией, то есть санкцией, обеспечивающей исполнение должником его обязанности возместить расходы по совершению исполнительных действий, осуществленных в порядке принудительного исполнения судебных и иных актов (как это имеет место при взыскании с должника расходов по совершению исполнительных действий), а представляет собой санкцию штрафного характера, то есть возложение на должника обязанности произвести определенную дополнительную выплату в качестве меры его публично-правовой ответственности, возникающей в связи с совершенным им правонарушением в процессе исполнительного производства.

Исполнительскому сбору как штрафной санкции присущи признаки административной штрафной санкции: он имеет фиксированное, установленное федеральным законом денежное выражение, взыскивается принудительно, оформляется постановлением уполномоченного должностного лица, взимается в случае совершения правонарушения, а также зачисляется в бюджет и во внебюджетный фонд, средства которых находятся в государственной собственности.

Из этого следует, что в качестве штрафной санкции административного характера исполнительский сбор должен отвечать вытекающим из Конституции Российской Федерации требованиям, предъявляемым к такого рода мерам юридической ответственности.

Как усматривается из материалов дела, постановление судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора утверждено старшим судебным приставом спустя почти 9 лет с момента возбуждения исполнительного производства.

При этом судом вышеназванные положения Закона об исполнительном производстве не учтены, и вопрос, окончено ли исполнительное производство на момент утверждения старшим судебным приставом постановления судебного пристава-исполнителя, исследован не был.

Кроме того, в силу положений чч. 1 и 2 ст. 112 Закона уведомление должника о возбуждении в отношении его исполнительного производства является основным доказательством наличия его вины в неисполнении требований исполнительного документа, в том числе в добровольном порядке, и основанием для взыскания исполнительского сбора.

Оценка извещения должника об исполнительных действиях не должна носить формальный характер, поскольку от достоверности установления даты

извещения может зависеть в том числе и размер взыскиваемого исполнительского сбора.

Так, в соответствии с п. 76 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. N 50 "О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства" (далее - постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 50) установлено, что при частичном исполнении должником исполнительного документа по имущественным взысканиям, а также при рассрочке исполнения исполнительного документа исполнительский сбор должен быть исчислен исходя из величины неисполненных (просроченных) требований на день, следующий за днем окончания срока для добровольного исполнения исполнительного документа. Вместе с тем в материалах административного дела отсутствуют какие-либо доказательства, свидетельствующие о получении Ш. копии постановления о возбуждении исполнительного производства или направлении данного постановления в адрес должника с соблюдением требований, предусмотренных ч. 1 ст. 24, 27 Закона об исполнительном производстве.

Акт и постановление о наложении ареста на имущество должника составлялись в его отсутствие, сведений о направлении их должнику материалы дела также не содержат. Исходя из объяснений административного истца, данных в суде первой инстанции, постановление о возбуждении исполнительного производства им получено после реализации арестованного имущества и погашения большей части основного долга.

В п. 74 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 50 разъяснено, что суд вправе с учетом степени вины должника в неисполнении в срок исполнительного документа, иных существенных обстоятельств уменьшить размер исполнительского сбора не более чем на одну четверть от размера, установленного ч. 3 ст. 112 Закона, либо освободить должника от его взыскания не только при разрешении требований об уменьшении размера исполнительского сбора или освобождении от его взыскания, но и при разрешении требований об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора.

Поскольку суд не связан основаниями и доводами требований об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя, он вправе установить обстоятельства, свидетельствующие о необходимости уменьшить размер исполнительского сбора, освободить должника от его взыскания на основании исследованных в судебном заседании доказательств, даже если стороны на данные обстоятельства не ссылались (чч. 6, 7, 9 ст. 112 Закона об исполнительном производстве, ч. 3 ст. 62 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, ч. 4 ст. 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Между тем вопрос о возможности уменьшения размера исполнительского сбора или освобождения должника от его взыскания судами также не рассматривался.

С учетом этого Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение N 43-КА20-3-К6

57. При подаче в уполномоченный орган плательщиком государственной пошлины заявления о возврате государственной пошлины, излишне уплаченной

с использованием Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах, дополнительного подтверждения банком факта уплаты государственной пошлины с использованием Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах не требуется.

Г. обратился в районный суд с административным исковым заявлением, в котором просил признать незаконными действия ГУ МВД России, выразившиеся в отказе возвратить государственную пошлину, и обязать административного ответчика принять решение о возврате ошибочно уплаченной суммы государственной пошлины.

В обоснование заявленных требований Г. указывал, что с использованием электронного средства платежа им была ошибочно совершена операция по уплате государственной пошлины, получателем которой является УГИБДД ГУ МВД России. На обращение административного истца о возврате ошибочно уплаченной государственной пошлины в адрес начальника УГИБДД ГУ МВД России им получен отказ в возврате денежных средств в связи с отсутствием оригинала платежного документа.

Г. полагал, что отказ является незаконным, нарушающим его права и законные интересы, поскольку им был представлен оригинал подтверждения прохождения платежа от расчетной небанковской кредитной организации, осуществляющей обслуживание банковской карты, с помощью которой произведена уплата государственной пошлины; в Государственной информационной системе о государственных и муниципальных платежах (далее также - ГИС ГМП) содержится информация об уплате им государственной пошлины, в связи с чем дополнительное подтверждение уплаты плательщиком государственной пошлины не требуется.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление Г. удовлетворено, судом признан незаконным отказ ГУ МВД России в возврате государственной пошлины, и на административного ответчика возложена обязанность повторно рассмотреть заявление Г. о возврате государственной пошлины.

Апелляционным определением судебной коллегии по административным делам данное решение отменено, принято новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления Г.

Определением судебной коллегии по административным делам кассационного суда общей юрисдикции Г. отказано в удовлетворении кассационной жалобы.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды апелляционной и кассационной инстанций исходили из того, что согласно п. 3 ст. 333 Налогового кодекса Российской Федерации (далее - НК РФ) заявление о возврате излишне уплаченной суммы государственной пошлины подается плательщиком в орган, уполномоченный совершать юридически значимые действия, за которые уплачена государственная пошлина. При этом, в случае если государственная пошлина подлежит возврату в полном размере, то к поименованному заявлению прилагаются подлинные платежные документы.

Оценивая представленную административным истцом справку от расчетной небанковской кредитной организации, осуществляющей обслуживание банковской карты, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что она не соответствует форме платежного поручения, установленной Положением Банка России от 19 июня 2012 г. N 383-П "О правилах осуществления перевода денежных средств", поскольку выдана расчетной небанковской

кредитной организацией и не содержит указания на вид платежа, реквизиты плательщика и получателя платежа, и признал обоснованным отказ административного ответчика в возврате денежных средств в связи с отсутствием оригинала платежного документа.

Отменяя определения судов апелляционной и кассационной инстанций и оставляя в силе решение районного суда, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации исходила из следующего.

Общий порядок возврата уплаченной суммы государственной пошлины за совершение юридически значимых действий, установленных гл. 25.3 НК РФ, определен ст. 333.40 данного кодекса, согласно п. 3 которой заявление о возврате излишне уплаченной (взысканной) суммы государственной пошлины подается плательщиком государственной пошлины в орган (должностному лицу), уполномоченный совершать юридически значимые действия, за которые уплачена (взыскана) государственная пошлина. К заявлению о возврате излишне уплаченной (взысканной) суммы государственной пошлины прилагаются подлинные платежные документы в случае, если государственная пошлина подлежит возврату в полном размере, а в случае, если она подлежит возврату частично, - копии указанных платежных документов.

В силу п. 3 ст. 333.18 НК РФ факт уплаты государственной пошлины плательщиком подтверждается с использованием информации об уплате государственной пошлины, содержащейся в ГИС ГМП, предусмотренной Федеральным законом от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" (далее - Закон об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, Закон). При наличии информации об уплате государственной пошлины, содержащейся в ГИС ГМП, дополнительное подтверждение уплаты плательщиком государственной пошлины не требуется.

Согласно ч. 1 ст. 21.3 Закона об организации предоставления государственных и муниципальных услуг государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах является информационной системой, предназначенной для размещения и получения информации об уплате физическими и юридическими лицами платежей за оказание государственных и муниципальных услуг, иных платежей, являющихся источниками формирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Частью 4 ст. 21 Закона установлено, что банк, иная кредитная организация, организация федеральной почтовой связи, органы, осуществляющие открытие и ведение лицевых счетов в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации, в том числе производящие расчеты в электронной форме, а также иные органы или организации, через которые производится уплата денежных средств заявителем за государственные и муниципальные услуги, услуги, указанные в ч. 3 ст. 1 и ч. 1 ст. 9 Закона, иных платежей, являющихся источниками формирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, обязаны незамедлительно при достаточности денежных средств для исполнения распоряжения о переводе денежных средств не позднее дня приема к исполнению соответствующего распоряжения, а при приеме к исполнению распоряжения о переводе денежных средств после 21 часа по местному времени - не позднее дня, следующего за днем приема к исполнению соответствующего распоряжения, направлять информацию об их уплате в Государственную информационную систему о государственных и муниципальных

платежах.

Приказом Федерального казначейства от 12 мая 2017 г. N 11н утвержден Порядок ведения Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах. Согласно п. 2.1 указанного Порядка доступ к ГИС ГМП предоставляется участникам ГИС ГМП, указанным в п. 2.6 Порядка, посредством информационного взаимодействия ГИС ГМП и информационных систем участников ГИС ГМП с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия, предусмотренной постановлением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. N 697 "О единой системе межведомственного электронного взаимодействия", после прохождения участниками ГИС ГМП процедуры регистрации в ГИС ГМП в соответствии с п. 2.20 Порядка.

Согласно абзацу четвертому п. 2 ст. 1601 Бюджетного кодекса Российской Федерации решение о возврате излишне уплаченных (взысканных) штрафов принимает и представляет поручение в орган Федерального казначейства для осуществления возврата в порядке, установленном Министерством финансов Российской Федерации, администратор доходов бюджета, которым по настоящему делу является административный ответчик.

С учетом этого Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что в силу п. 2.2 Порядка ведения Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах административный ответчик является участником ГИС ГМП и, соответственно, доступ к информационному взаимодействию с ГИС ГМП у него имеется.

Судебная коллегия также указала, что при рассмотрении данного дела судом кассационной инстанции не было принято во внимание, что Федеральным законом от 29 сентября 2019 г. N 325-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации" п. 3 ст. 333.40 НК РФ дополнен абзацем пятым, которым предусмотрено, что при наличии информации об уплате государственной пошлины, содержащейся в Государственной информационной системе о государственных и муниципальных платежах, представление документов, подтверждающих уплату плательщиком государственной пошлины, не требуется.

С учетом изложенного при подаче в уполномоченный орган плательщиком государственной пошлины заявления о возврате государственной пошлины, излишне уплаченной с использованием ГИС ГМП, дополнительного подтверждения банком факта уплаты государственной пошлины с использованием ГИС ГМП не требуется.

Аналогичные разъяснения даны в письме Министерства финансов Российской Федерации от 23 августа 2017 г. N 03-05-06-03/54114.

Определение N 78-КА20-17-К3

58. Перераспределение земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, с земельным участком, находящимся в частной собственности, для целей эксплуатации комплекса придорожного сервиса законом не предусмотрено.

А. обратился к департаменту архитектуры, градостроительства и благоустройства администрации с заявлением о заключении соглашения о перераспределении земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, и земельного участка, находящегося в собственности административного истца, для целей эксплуатации комплекса придорожного

сервиса, приложив схему расположения образуемого земельного участка.

Решением администрации А. отказано в предоставлении муниципальной услуги "Заключение соглашения о перераспределении земель и (или) земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, и земельных участков, находящихся в частной собственности", поскольку им подано заявление о перераспределении земельных участков в случаях, не предусмотренных п. 12 Административного регламента предоставления муниципальной услуги "Заключение соглашения о перераспределении земель и (или) земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, и земельных участков, находящихся в частной собственности" (далее -Административный регламент), что в силу подп. 1 п. 31 названного административного регламента является основанием для отказа в заключении соглашения о перераспределении земельных участков.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление А. об отмене оспариваемого решения удовлетворено, на администрацию возложена обязанность утвердить схему расположения земельного участка и заключить соглашение о перераспределении.

Обращаясь с кассационной жалобой, администрация указала, что заявление о перераспределении земельных участков подано А. в случаях, не предусмотренных п. 1 ст. 39.28 Земельного кодекса Российской

Федерации (далее также - ЗК РФ), что в силу п. 9 ст. 39.20 этого кодекса является основанием для принятия уполномоченным органом решения об отказе в заключении соглашения о перераспределении земельных участков. Кроме того, суд, по мнению подателя кассационной жалобы, не уполномочен принимать решение о согласовании схемы расположения земельного участка, поскольку в силу п. 13 ст. 11 ЗК РФ такими полномочиями наделены органы исполнительной власти и органы местного самоуправления.

Отменяя судебные акты, Судебная коллегия по административным делам, соглашаясь с доводами кассационной жалобы, указала, что п. 1 ст. 39.29 ЗК РФ определены случаи, когда допускается перераспределение земель и (или) земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и земельных участков, находящихся в частной собственности. Данные положения Земельного кодекса Российской Федерации повторяются и в п. 12 Административного регламента как основания перераспределения земель и (или) земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и земельных участков, находящихся в частной собственности.

Поскольку перераспределение земельных участков в целях образования одного земельного участка для эксплуатации комплекса придорожного сервиса не может быть отнесено к какому-либо случаю, поименованному в названных нормах, допускающих перераспределение земельных участков, Судебная коллегия пришла к выводу о том, что администрация в силу п. 9 ст. 39.29 ЗК РФ и п. 31 Административного регламента имела законные основания для принятия оспариваемого решения.

Кроме того, Судебная коллегия отметила, что согласно п. 1 ст. 11.2 ЗК РФ земельные участки образуются при разделе, объединении, перераспределении земельных участков или выделе из земельных участков, а также из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности. При этом в случае объединения смежных земельных участков образуется один земельный участок, и существование таких смежных земельных участков прекращается (п. 1 ст. 11.6 ЗК РФ), а при

перераспределении нескольких смежных земельных участков образуется несколько других смежных земельных участков, и существование таких смежных земельных участков прекращается (п. 1 ст. 11.7 ЗК РФ). Таким образом, Земельный кодекс Российской Федерации не допускает образование одного земельного участка из двух самостоятельных земельных участков в процедуре перераспределения. Но вместе с тем по данному делу в результате перераспределения двух смежных земельных участков образовался один земельный участок.

Определение N 18-КА20-8

59. Факт установления в отношении земельного участка вида разрешенного использования, не предусмотренного градостроительным регламентом территориальной зоны, к которой он в настоящее время отнесен, не является основанием для отказа в согласовании местоположения границ земельного участка.

К. обратилась в суд с административным исковым заявлением к администрации городского округа об оспаривании решения об отказе в предоставлении муниципальной услуги по согласованию местоположения границ земельного участка.

Решением суда первой инстанции административные исковые требования К. удовлетворены: оспариваемый отказ признан незаконным, на администрацию возложена обязанность устранить нарушение прав и свобод заявителя путем повторного рассмотрения заявления К.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении административного искового заявления К. отказано.

Из материалов дела следует, что К. является арендатором земельного участка. На указанном земельном участке расположен объект капитального строительства - гараж, принадлежащий на праве собственности К., которая обратилась в администрацию с заявлением о согласовании местоположения границ этого земельного участка, являющегося смежным с земельными участками, находящимися в муниципальной собственности или государственная собственность на которые не разграничена.

Уведомлением администрации в предоставлении муниципальной услуги по согласованию местоположения границ указанного земельного участка было отказано со ссылкой на то, что установление границ приведет к невозможности разрешенного использования расположенного на земельном участке объекта недвижимости.

Удовлетворяя административный иск К., суд первой инстанции пришел к выводу, что отказ администрации в согласовании местоположения границ земельного участка не основан на законе, поскольку земельный участок был предоставлен в аренду под здание гаража и поставлен на кадастровый учет с видом разрешенного использования "под индивидуальную жилую застройку"; основания ссылаться на отнесение участка Правилами землепользования и застройки территории (части территории) сельского поселения к производственной зоне (П) у административного ответчика отсутствовали.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился кассационный суд общей юрисдикции, ссылаясь на ст. 11.2 и 11.9 Земельного кодекса Российской Федерации (далее также - ЗК РФ), указал, что, поскольку установленный в отношении

спорного земельного участка вид разрешенного использования "под индивидуальную жилую застройку" не относится к основным, вспомогательным и условно разрешенным видам производственной зоны, установленной Правилами землепользования и застройки, администрация правомерно отказала в установлении границ земельного участка, исходя из невозможности разрешенного использования расположенного на земельном участке объекта недвижимости.

Сведения о характеристиках земельного участка вносятся в Единый государственный реестр недвижимости (далее - кадастр недвижимости) в процедуре государственного кадастрового учета, что следует из положений чч. 2 и 7 ст. 1, ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 13 июля 2015 г. N 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" (далее также - Закон N 218-ФЗ).

В соответствии с ч. 2, п. 3 ч. 4 ст. 8 Закона N 218-ФЗ в кадастр недвижимости вносятся основные сведения об объекте недвижимости, включая описание местоположения объекта недвижимости, а также характеристики, которые определяются и изменяются в результате уточнения местоположения границ земельных участков.

Местоположение границ земельного участка устанавливается посредством определения координат характерных точек таких границ, то есть точек изменения описания границ земельного участка и деления их на части (ч. 8 ст. 22 Закона N 218-ФЗ).

Как следует из материалов дела, в кадастре недвижимости содержатся сведения о названном земельном участке как о ранее учтенном, а также о том, что границы данного земельного участка не установлены в соответствии с требованиями федерального законодательства, что и послужило основанием для уточнения границ земельного участка и обращения административного истца с заявлением о предоставлении муниципальной услуги "Согласование местоположения границ земельных участков, являющихся смежными с земельными участками, находящимися в муниципальной собственности или государственная собственность на которые не разграничена".

Согласно ч. 9 ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" исчерпывающие перечни оснований для приостановления предоставления государственной или муниципальной услуги или отказа в предоставлении государственной или муниципальной услуги устанавливаются федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами.

Постановлением администрации городского округа утвержден административный регламент предоставления муниципальной услуги "Согласование местоположения границ земельных участков, являющихся смежными с земельными участками, находящимися в муниципальной собственности или государственная собственность на которые не разграничена", в разделе 13 данного регламента приведен исчерпывающий перечень оснований для отказа в предоставлении муниципальной услуги.

В п. 13.1.6 Регламента к такому основанию отнесено обстоятельство, когда установление границ земельного участка приводит к невозможности разрешенного использования расположенных на этом земельном участке объектов недвижимости.

Разрешенное использование объекта капитального строительства определяется градостроительным регламентом территориальной зоны,

обозначенной на карте градостроительного зонирования (ч. 3 ст. 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации). При этом объекты капитального строительства, виды разрешенного использования которых не соответствуют градостроительному регламенту, могут использоваться без установления срока приведения их в соответствие с градостроительным регламентом, за исключением случаев, если использование таких объектов капитального строительства опасно для жизни или здоровья человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия (п. 4 ст. 85 Земельного кодекса Российской Федерации и ч. 8 ст. 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации).

Таким образом, факт установления в отношении земельного участка вида разрешенного использования, не предусмотренного градостроительными регламентами производственной зоны (П), к которой он в настоящее время отнесен, вопреки выводам судов апелляционной и кассационной инстанций, не является основанием для отказа в согласовании местоположения границ земельного участка.

Определение N 4-КАД20-10-1

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

60. Вопрос об установлении личности лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, имеет основополагающее значение для всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела и своевременного привлечения виновного к административной ответственности.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением вышестоящей судебной инстанции, К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа с лишением права управления транспортными средствами.

В Верховный Суд Российской Федерации принесен протест заместителя Генерального прокурора Российской Федерации.

В протесте приведены доводы, аналогичные доводам, ранее заявленным К. при обжаловании постановления мирового судьи, а именно: К. указывал на то, что о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ ему стало известно при рассмотрении мировым судьей иного дела об административном правонарушении. Кроме того, настоящее дело об административном правонарушении рассмотрено в его отсутствие, так как уведомление направлялось по адресу, содержащемуся в протоколе об административном правонарушении, по которому он никогда не проживал, а место рождения, указанное в оспариваемом им постановлении мирового судьи, не соответствует действительности.

При рассмотрении дела судьей Верховного Суда Российской Федерации установлено, что в ходе производства по данному делу об административном правонарушении все юридически значимые обстоятельства, необходимые для правильного разрешения дела, в нарушение требований ст. 24.1 и 26.1 КоАП РФ, исследованы не были, указанные выше доводы судебными инстанциями надлежащим образом не проверены.

Из материалов дела и приложенных к протесту документов следовало, что при составлении протокола об административном правонарушении личность

лица, управлявшего транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, установлена на основании предъявленного водительского удостоверения.

При этом в ходе проверки органами полиции сведений, изложенных в поданном К. заявлении, было установлено, что водительское удостоверение на его имя (К.) в момент, относящийся к событию данного административного правонарушения, сотрудникам ГИБДД предъявило иное лицо (О.).

Согласно сведениям, которые представил О., транспортное средство, зарегистрированное на имя его брата (К.), фактически находилось в его пользовании. Малознакомый мужчина изготовил ему водительское удостоверение на имя К., в которое была вклеена его (О.) фотография.

При оформлении протокола об административном правонарушении сотрудниками ДПС производилась видеосъемка, в ходе которой зафиксировано, как иное лицо (О.) предъявило водительское удостоверение на имя К. Кроме того, на основании материалов проверки, проведенной в порядке ст. 144, 145 УПК РФ, было установлено, что К. по адресу, указанному в протоколе об административном правонарушении, никогда не проживал, у него иное место регистрации и место фактического проживания.

При рассмотрении данного протеста по материалам дела также было установлено, что место рождения К., содержащееся в его паспортных данных, не соответствует месту рождения, указанному в оспариваемом постановлении мирового судьи.

На основании изложенного судья Верховного Суда Российской Федерации пришел к выводу, что в ходе судебного разбирательства обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела, в полном объеме не установлены и не исследованы, а наличие неустранимых противоречий с учетом положений ст. 1.5 КоАП РФ не позволяет сделать бесспорный вывод о виновности К. в совершении вмененного ему административного правонарушения.

В связи с указанным выше постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации обжалуемые судебные акты отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ.

Постановление N 50-АД20-3

61. В основу постановления, вынесенного по жалобе на вступившие в законную силу акты по делу об административном правонарушении, не могут быть положены фактические обстоятельства, отличные от тех, которые были установлены должностным лицом при рассмотрении дела об административном правонарушении.

Постановлением должностного лица Государственной инспекции труда в городе федерального значения, оставленным без изменения решением судьи районного суда, частное охранное предприятие признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.27.1 КоАП РФ, ему назначено административное наказание в виде административного штрафа.

Постановлением заместителя председателя суда города федерального значения названные акты оставлены без изменения.

Как следует из ст. 228.1 Трудового кодекса Российской Федерации, при групповом несчастном случае (два человека и более), тяжелом несчастном случае или несчастном случае со смертельным исходом работодатель (его представитель) в течение суток обязан направить извещение по

установленной форме в том числе в прокуратуру по месту происшествия несчастного случая.

Частью 1 ст. 5.27.1 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных чч. 2-4 этой статьи.

Как усматривается из материалов дела, частное охранное предприятие привлечено к административной ответственности на основании указанной нормы КоАП РФ за то, что в нарушение ст. 228.1 Трудового кодекса Российской Федерации им не направлено в прокуратуру по месту происшествия несчастного случая извещение о несчастном случае со смертельным исходом, имевшем место с работником частного охранного предприятия на перегоне железной дороги (в результате наезда специальной железнодорожной техники, осуществляющей ремонт).

С этими выводами должностного лица согласился судья районного суда.

Постановлением заместителя председателя городского суда состоявшиеся в отношении частного предприятия акты оставлены без изменения.

Между тем при вынесении данного постановления заместителем председателя городского суда не было учтено, что в соответствии с ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть указаны: должность, фамилия, имя, отчество судьи, должностного лица, наименование и состав коллегиального органа, вынесших постановление, их адреса; дата и место рассмотрения дела; сведения о лице, в отношении которого рассмотрено дело; обстоятельства, установленные при рассмотрении дела; статья указанного кодекса или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая административную ответственность за совершение административного правонарушения, либо основания прекращения производства по делу; мотивированное решение по делу; срок и порядок обжалования постановления.

В рассматриваемом случае описательно-мотивировочная часть постановления заместителя председателя суда города федерального значения содержит описание фактических обстоятельств, отличных от тех, которые были установлены должностным лицом Государственной инспекции труда в городе федерального значения и судьей районного суда при рассмотрении дела об административном правонарушении в отношении частного охранного предприятия.

Так, из указанного постановления заместителя председателя суда города федерального значения следует, что предприятию было вменено нарушение норм трудового законодательства, выразившееся в допуске к работе сотрудника К. без прохождения ею в установленном порядке обязательного психиатрического освидетельствования.

Более того, в описательно-мотивировочной и резолютивной частях постановления заместителя председателя городского суда приведена ссылка на иную норму КоАП РФ, предусматривающую административную ответственность (ч. 3 вместо ч. 1 ст. 5.27.1 названного кодекса).

Исходя из изложенного постановление заместителя председателя суда города федерального значения, вынесенное в отношении частного охранного предприятия по делу об административном правонарушении, отменено, дело направлено в кассационный суд общей юрисдикции на новое рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 30.12, 30.13 КоАП РФ.

62. Повторное рассмотрение кассационными судами общей юрисдикции жалоб на вступившие в законную силу акты возможно только при соблюдении требований, предусмотренных ч. 4 ст. 30.16 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Ш. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, и подвергнута административному наказанию в виде административного штрафа с лишением права управления транспортными средствами.

Постановлением председателя кассационного суда общей юрисдикции повторная жалоба Ш. на состоявшиеся по делу постановление мирового судьи и решение судьи районного суда оставлена без удовлетворения.

Судья Верховного Суда Российской Федерации при проверке состоявшихся по делу судебных актов пришел к выводу о законности постановления мирового судьи, решения судьи районного суда и постановления судьи кассационного суда общей юрисдикции, оставив их без изменения.

В то же время судьей Верховного Суда Российской Федерации было признано незаконным и отменено постановление председателя кассационного суда общей юрисдикции, вынесенное по результатам рассмотрения повторной жалобы Ш. При вынесении такого решения судья исходил из следующего.

Согласно ч. 2 ст. 30.13 КоАП РФ вступившие в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов правомочны пересматривать председатели кассационных судов общей юрисдикции, в том числе кассационного военного суда, их заместители либо по поручению председателя или его заместителей судьи указанных судов.

В силу ч. 4 ст. 30.16 КоАП РФ повторные подача жалоб, принесение протестов по тем же основаниям в суд, ранее рассмотревший вступившие в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов на такое постановление, не допускаются.

Из материалов дела усматривалось, что вступившие в законную силу постановление мирового судьи и решение судьи районного суда являлись предметом рассмотрения судьи кассационного суда общей юрисдикции. Следовательно, в случае несогласия с указанными актами привлекаемое к административной ответственности лицо вправе было обжаловать их в Верховный Суд Российской Федерации.

Вместе с тем Ш. на вступившие в законную силу постановление мирового судьи, решение судьи районного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции была подана повторная жалоба в кассационный суд общей юрисдикции.

При этом повторно поданная жалоба не содержала новых оснований для пересмотра вступивших в законную силу постановления мирового судьи и решения судьи районного суда.

Таким образом, рассмотрение жалобы председателем кассационного суда общей юрисдикции не являлось законным.

В постановлении судьи Верховного Суда Российской Федерации также отмечено, что Председатель Верховного Суда Российской Федерации, его заместители либо по поручению Председателя Верховного Суда Российской Федерации или его заместителей судьи Верховного Суда Российской Федерации

рассматривают жалобы, протесты на вступившие в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов в случае, если они были рассмотрены в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 30.13 КоАП РФ (ч. 3 ст. 30.13 КоАП РФ).

Следовательно, с учетом изложенного выше полномочий на рассмотрение жалобы на постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенное по результатам рассмотрения вступивших в законную силу судебных актов, у председателя кассационного суда общей юрисдикции не имелось.

Повторно поданная жалоба подлежала возвращению заявителю без рассмотрения с указанием на нарушение требований ч. 4 ст. 30.16 КоАП РФ.

На основании изложенного судьей Верховного Суда Российской Федерации принято решение об отмене постановления председателя кассационного суда общей юрисдикции.

Постановление N 29-АД20-2

63. Предусмотренную ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" обязанность сообщать о заключении договора с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы несут юридические лица независимо от их организационно-правовой формы, следовательно, государственное бюджетное учреждение было обоснованно признано субъектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, и привлечено к административной ответственности.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, государственное бюджетное учреждение признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию в виде административного штрафа.

С названными актами не согласился генеральный директор учреждения, обратившись в Верховный Суд Российской Федерации с жалобой.

Рассмотрев данную жалобу и проверив материалы дела, судья Верховного Суда Российской Федерации не нашел оснований для ее удовлетворения, установив, что государственное бюджетное учреждение имело возможность для соблюдения законодательных норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, выражается в неисполнении работодателем при привлечении к трудовой деятельности на условиях трудового договора или гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров) на выполнение работ (оказание услуг) в течение месяца стоимостью более ста тысяч рублей гражданина, замещавшего должности государственной (муниципальной) службы, перечень которых установлен нормативными правовыми актами Российской Федерации, обязанности сообщать в десятидневный срок о заключении такого договора представителю

нанимателя (работодателю) государственного (муниципального) служащего по последнему месту его службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после его увольнения с государственной (муниципальной) службы.

В п. 5 постановления от 28 ноября 2017 г. N 46 "О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ" Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что ограничения, налагаемые на бывшего государственного (муниципального) служащего, установлены в целях противодействия коррупции при осуществлении данным лицом деятельности или выполнении работ (оказании услуг) в сфере, не связанной с обеспечением исполнения государственных или иных публичных полномочий. В связи с этим обязанность по направлению сообщения о заключении с бывшим государственным (муниципальным) служащим трудового (гражданско-правового) договора представителю нанимателя (работодателю) по последнему месту службы данного лица не распространяется на государственные (муниципальные) органы, в том числе в случае, когда бывший государственный (муниципальный) служащий трудоустраивается в данный орган на должность, не относящуюся к должностям государственной (муниципальной) службы, либо заключает с указанным органом гражданско-правовой договор (договоры).

При этом исходя из смысла ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" обязанность, предусмотренную ч. 4 названной статьи, несут организации независимо от их организационно-правовой формы.

Основанием для привлечения государственного бюджетного учреждения к административной ответственности на основании ст. 19.29 КоАП РФ послужили изложенные в обжалуемых актах выводы о том, что в нарушение положений ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" данным учреждением в установленный срок не направлено в Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по городу федерального значения уведомление о заключении трудового договора с К., замещавшим в названном органе должность, включенную в утвержденный приказом Росреестра от 12 марта 2013 г. N П/87 Перечень должностей федеральной государственной гражданской службы в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные гражданские служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

С учетом изложенного состоявшиеся по данному делу судебные акты оставлены без изменения.

Постановление N 5-АД20-60

64. Общество обоснованно привлечено к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.29 КоАП РФ, поскольку при рассмотрении дела довод его защитника о том, что бывший государственный служащий в трудовых отношениях с обществом не состоял, не нашел своего подтверждения в связи с его противоречием собранным по делу

доказательствам.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением заместителя председателя областного суда, общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, с назначением административного наказания в виде административного штрафа.

В поданной в Верховный Суд Российской Федерации жалобе защитник общества выражал несогласие с названными судебными актами, приводя доводы об их незаконности.

Рассмотрев жалобу и проверив материалы дела, судья Верховного Суда Российской Федерации не нашел оснований для ее удовлетворения.

В силу ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции", ст. 64.1 Трудового кодекса Российской Федерации работодатель при заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг), указанного в ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции", с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после его увольнения с государственной или муниципальной службы обязан в десятидневный срок сообщать о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2017 г. N 46 "О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" разъяснено, что при рассмотрении дел об административных правонарушениях по ст. 19.29 КоАП РФ следует учитывать, что предусмотренная ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" обязанность возникает у работодателя при заключении с бывшим государственным (муниципальным) служащим трудового договора вне зависимости от размера предусмотренной им заработной платы. При заключении гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров) работодатель обязан направить соответствующее сообщение, если стоимость выполняемых работ (оказываемых услуг) по такому договору (договорам) превышает сто тысяч рублей в месяц либо если указанный договор (договоры) заключен на срок менее месяца, но стоимость выполняемых работ (оказываемых услуг) также превышает сто тысяч рублей.

Из материалов дела усматривалось, что обществом заключен трудовой договор с Х. (поименованный "трудовой договор с техническим директором"), в соответствии с которым названное лицо (работник) осуществляет для общества (работодатель) организацию работы предприятия, контроль за сроками договорных обязательств между организациями, внесение на рассмотрение руководства организации представления о приеме, перемещении и увольнении работников и другие функции.

Ранее Х. замещал должность, включенную в Перечень должностей федеральной государственной службы в МЧС России, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а

также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, утвержденный приказом МЧС России от 22 октября 2015 г. N 565.

В нарушение приведенных выше норм уведомление о принятии Х., замещавшего ранее должность, включенную в названный перечень, обществом в Главное управление МЧС России по субъекту Российской Федерации в установленный десятидневный срок не направлено.

Состоявшиеся по данному делу судебные акты оставлены судьей Верховного Суда Российской Федерации без изменения, поскольку судебные инстанции пришли к правильному выводу о том, что событие административного правонарушения, виновность лица, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, установлены и доказаны на основании исследования доказательств, являющихся достаточными и согласующимися между собой.

Довод защитника общества о том, что Х. в трудовых отношениях с обществом не состоял, а на условиях гражданско-правового договора выполнял в интересах общества определенные функции с оплатой, не превышающей установленный Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" предельный размер, ранее заявлялся при рассмотрении данного дела и обоснованно отвергнут судебными инстанциями в связи с противоречием собранным по делу доказательствам, в том числе содержанию трудового договора. Препятствий к выполнению обществом обязанности, предусмотренной ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции", ст. 64.1 Трудового кодекса Российской Федерации, не имелось.

Постановление N 48-АД20-1

Разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике

ВОПРОС. Какой срок давности применяется при привлечении юридического лица к административной ответственности, предусмотренной ч. 11 ст. 19.5 КоАП РФ?

ОТВЕТ. Частью 11 ст. 19.5 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за невыполнение в установленный срок или ненадлежащее выполнение законного предписания органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный надзор в области промышленной безопасности, федеральный государственный надзор в области безопасности гидротехнических сооружений, государственный горный надзор.

Для целей определения срока давности привлечения к административной ответственности необходимо правильно установить объект противоправного посягательства административного правонарушения (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2019 г. N 3-П).

Привлечение к административной ответственности по ч. 11 ст. 19.5 КоАП РФ предполагается за формальное невыполнение предписания уполномоченного органа и не связано с существом ранее допущенного нарушения, а также с тем обстоятельством, в какой сфере общественных отношений оно совершено. Объектом посягательства указанного административного правонарушения являются общественные отношения в области управления.

Следовательно, невыполнение предписания, выданного уполномоченным органом относительно нарушения в области законодательства о промышленной

безопасности, безопасности гидротехнических сооружений, государственного горного надзора, не имеет каких-либо особенностей и не влечет специфических последствий, в том числе применительно к срокам давности привлечения к ответственности за невыполнение такого предписания.

В силу положений ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении двух месяцев (по делу об административном правонарушении, рассматриваемому судьей, - по истечении трех месяцев) со дня совершения административного правонарушения.

Таким образом, при привлечении юридического лица к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ч. 11 ст. 19.5 КоАП РФ, уполномоченным органом с учетом положения ч. 1 ст. 23.31 КоАП РФ должен применяться общий двухмесячный срок давности привлечения к административной ответственности.

Указанный вывод согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 26 марта 2019 г. N 823-О.